

Рындин В.Д.

Я ОБРЁЛ БОГА В АФРИКЕ:

письма русского буш-хирурга

Рисунки Евгения Перельгина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вячеслав Рындин

**Я обрёл бога в Африке:
письма русского буш-хирурга**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Рындин В. Д.

Я обрёл бога в Африке: письма русского буш-хирурга /
В. Д. Рындин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Записки московского врача о своей 25-ти летней работе в Нигере, Анголе, Свазиленде и Южно-Африканской Республике, где он получил знания и профессиональный опыт, которые не принесли ему ни советское удостоверение хирурга высшей категории, ни диплом доктора медицинских наук. Книга рассчитана на студентов медицинских вузов и молодых врачей, но она доступна и развлекательна для любого читателя простотой изложения и полутора сотней фотографий автора и шаржей его коллеги Евгения Перелыгина. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	9
Утренние молитвы	11
Я обрёл Бога в Африке	17
С доктором Рындиным по югу Африки	17
Сдача экзаменов в медицинском совете ЮАР	28
Письма русского буш Хирурга	53
Автобиография	53
1. Происхождение	54
2. Нкози, сикелела Африка	61
3. Дакар	64
4. Ниамей, Нигер	68
5. Порнографическая хирургия	71
6. Мои евреи: первое падение	72
7. Хрущёвская оттепель	76
8. Суламифь	77
9. Академия	79
10. Там, где медведь хозяин	80
11. За морем тёлушка – полушка...	87
12. Десять лет вне России	90
13. Еда моей жизни	91
14. Пять лет после операции	95
15. Всё – с детьми покончено!	96
16. Мысли за рулём... и в церкви	97
17. Зомби мы...	98
18. Опять мысли за рулём: так как же, как удержать хвост пистолетом?	100
19. Опять мысли за рулём: как простоял хвост первый месяц?	101
20. Продолжение через два дня	103
21. Нет грибов	104
22. Нет, у меня нет никакого сомнения в том, что Бог меня любит!	105
23. Памяти Валерия Носика	106
24. Онирофильмы?	107
25. «...У вас ведь сейчас весна. Скоро на деревьях будет зелёная листва...»	108
26. Слава, еврей – это перешедший реку	109
27. Частная практика: тысячный пациент	110
28. Мы – цыгане	115
29. Убийцы в белых халатах: «Господи, не ту ногу отрезали!»	116
30. Частная медицина: заколдованная пуля	118
31. Частная медицина: никто не имеет права умереть без операции	120
32. Гимн буш-хирургии	121
33. Хлопающие туды-сюды окна в Париже	124
Часть первая – внутренняя	124
Часть вторая – внешняя	125

34. Китайские истории: о бедном китайце замолвите слово Один из моих пациентов очень плох...	127
35. Pardon me if I do not choose any flag...	133
36. Сертификация Айболита: Нака И-бохлуку	138
37. Зимние цветы Мыса Доброй Надежды	139
38. Об антисемитизме русских людей	141
39. Я ещё дрыгаюсь	143
40. К этому нельзя привыкнуть	144
41. Так значит – лечить? Конечно, лечить!	145
42. Весна-осень... Весна-осень...	148
43. Воскресные чтения (Bible study) для врачей:	149
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Вячеслав Рындин

Я обрёл бога в Африке: письма русского буш-хирурга

Эта книга — дар моей семье; жене с выражением прости-и-спасибо за обрушенные мною на её плечи тяжести, детям с единственным напутствием: любить своё дело.

Предисловие

При всей своей внешней несерьёзности я очень обстоятельный человек. Медицину, например, я изучал 9 лет, над кандидатской диссертацией работал 5 лет, а над докторской – 15 лет.

На создание этой книги ушло 20 лет мой жизни. Она начиналась рукописью: страницы тетрадей в клеённых обложках я заполнял при тусклом свете церковных свечей в 1992 году в центре воюющей Анголы – в разрушенном миссионерском католическом госпитале Вога, что вблизи Куиту, столицы провинции Бие.

Я и не помышлял написать повесть или роман – на то у меня нет ни таланта, ни образования. Предполагалось делать заметки, пригодными под старость для рассказов молодым людям, которых мне удастся заманить к себе в гости...

Интернет дал мне значительный круг читателей, которые нашли интересными мои рассказы в блоге «Письма Айболита».

Имя Айболита я ношу с полным правом: я первый русский доктор, осевший в провинции Лимпопо более 15 лет назад.

Предлагаемая читателям книга – просто развлечение на медицинскую тему.

Описанные в книге мои методы лечения моих пациентов не имеют никакой практической ценности, поскольку медицина сегодня совершенно иная. Сейчас образование у вступающих в жизнь молодых врачей на порядок выше моего; они с университетского порога вступают в практику со сказочным техническим уровнем диагностического и хирургического оборудования.

Не претендую я и на морализирование. Принимайте мои истории медицинской разновидностью баек капитана Врунгеля¹.

¹ «Приключения капитана Врунгеля» – юмористическая повесть советского писателя Андрея Некрасова, Полноценное книжное издание вышло в 1939 году. Роман пародирует как популярные в 30-е годы XX века рассказы о морях, так и стереотипы об иностранцах и отдельных государствах. Главный герой книги – капитан Врунгель, чьё имя стало нарицательным – морской аналог барона Мюнхгаузена, рассказывающий небылицы о своих приключениях в плавании. Андрей Некрасов до того, как стать писателем, сменил много профессий, сам был моряком и путешественником, побывал во многих уголках Земли. Он записывал рассказы и байки, которые рассказывали его товарищи. Борис Житков посоветовал Андрею написать книгу по мотивам этих баек. Прототипом капитана Врунгеля был знакомый Некрасова с характерной фамилией Вронский, любитель рассказывать морские истории-небылицы со своим участием. Его фамилия так подходила для главного героя, что первоначально книга и должна была называться «Приключения капитана Вронского», однако из опасения обидеть друга автор был вынужден искать другую.

Над не шибко грамотными моими письмами трудились пять редакторов – бесплатных и платных. Общими усилиями нам еле-еле удалось кое-как сшить воедино разрозненные записки. Если в процессе чтения книги кто-то из читателей найдёт ошибки или опечатки, прошу сообщить мне по адресу ryndine@mweb.co.za и / или v.ryndine@gmail.com

Утренние молитвы

(С 7 декабря 1992 по 16 марта 1997 мне довелось работать в Raleigh FITKIN Hospital, принадлежащем миссионерской станции Nazaren Church в городе Manzini горного королевства SWAZILAND, расположенного на юге Африки между ЮАР и Мозамбиком)

Госпиталь находится в двухстах метрах от моего дома. За 15 минут до начала работы я успеваю ещё раз принять душ, побриться, одеть свежую рубашку и халат и неторопливо дойти до мужской хирургической палаты.

По дороге я раз двадцать отвечаю на приветствия улыбающихся лиц. Это поднимает настроение, заставляет меня убрать с лица напускную серьёзность и входить в палату с улыбкой. Обмениваемся приветствиями:

– Сана бонанае!

– Е-бо, докотела!

Персонал в палате приостанавливает свою деятельность, готовясь к утренней молитве.

Свази прекрасные певцы. Я заметил, что от моего настроения зависит их энтузиазм исполнения гимнов. Поэтому я стараюсь быть на высоте:

– Кто у нас сегодня утренняя птичка? Думсиле Симелане? Думи-Думи, ты уже прочистила своё горлышко?

Думсиле начинает отбивать такт ладонями и запекает сильным голосом:

– Siya kudu-mi-sa, siya kudu-mi-sa,
Siya kudu-mi-sa, Nkosi ya-ma-kosi!

We praise You, we praise You,
We praise You,
O, Lord of lords!

Мы славим Тебя, мы славим Тебя,
Мы славим Тебя,
О Бог богов!

Незамысловатость текста гимна возмещается трудно перечисляемыми характеристиками исполнения. Мне показалось, что наверное именно так воздавали хвалу древние египтяне Богу Солнца Ра, а также ветхозаветные евреи.

Манера хорового исполнения свази своих религиозных гимнов напоминает грузинское хоровое пение. Вот уже три года я слушаю это пение каждое утро и не перестаю восхищаться.

Я вспоминаю моё первое посещение африканской церкви – католического храма в Луанде: ангольцы не только хлопали в ладоши при исполнении гимнов, но и пританцовывали!

Я был смущён: «Разве можно так вот... в церкви-то?»

А почему бы и нет? Ведь сказано в Евангелии: "Возрадуйтесь!"

Вот люди и радуются... каждый народ по-своему.

Тогда, в Луанде, я даже с некоторым осуждением смотрел на прихлопывание и пританцовывание моих друзей – миссионеров из Португалии, Испании, Филиппин, откуда-то из Латинской Америки (этим, куда ни шло, я даже был «склонен» дать снисхождение – за ними навечно закреплена репутация темпераментных людей) и из Польши (а эти северяне-то чего вытанцовывают?).

Позже в Voga Hospital, Padre Garcia чётко сформулировал ответ на мой невежественный комментарий:

– Едешь в Рим, живи как римлянин!

И я живу... как свази – Let us rejoice! Возрадуемся!

И я научился уже хлопать в такт ладонями и выговаривать:

– Ngob'akekho' fana na-we,
Akekho' fana na-we,
Akekho' fana na-we,
Nkosi ya-ma-khosi!

Because, there's no one like You
There is no one like You,
There is no one like You,
O, King of kings!

Потому что нет таких, как Ты,
Нет таких, как Ты,
Нет таких, как Ты,
О, Царь царей!

При хорошем настроении средний мед. персонал (мед. сёстры и мед. братья) и санитары поют два, а то и три гимна.

Затем кто-либо читает по памяти короткий стих из Ветхого или Нового Завета, даёт к нему свой комментарий и завершает нашу короткую утреннюю мессу благодарственной молитвой Господу.

Любой свази – женщина ли, мужчина ли, молодой человек или дама средних лет – делают этой с большим энтузиазмом на одном дыхании и без всякой предварительной подготовки.

И не только свази – наверное, все африканцы обладают таким даром выступать «профессионально» перед аудиторией. Я много раз видел телерепортажи с базара в Луанде, с улицы в Мапуту, Мбабане, Йоханнесбурга: репортёр задаёт торговке, рабочему, студенту какой-нибудь злободневный вопрос и те без всякого смущения начинают бойко отвечать.

Вспоминаю срамное мыканье (даже и с бумажкой!) всех наших «товарищей» высокого и самого высокого уровня.

Сегодня выбор пал на скромного парня – медбрата Адама. Он опускает голову, закрывает глаза и негромким голосом читает слова молитвы.

Я попросил Адама записать для меня его молитву:

– Babe wetfu losezulwini,
Babe wenkhozi Jesu,
Mdoli welizulu nemhlaba,
Mnini mandla onkhe,
Wena lome kuze kube phakadze!

Our Father in heaven,
Father of our Lord, Jesus Christ,
Creator of heavens and earth,
Almighty Lord,
You live forever!

Отец на небесах,
Отец нашего Господина, Иисуса Христа,
Творец небес и земли.
Господь всемогущий,
Ты – вечен!

(Позже, дома, вчитываюсь в текст: так это же "Отче наш"!)

Siyakubonga Babe
Ngoba umuhle
Ngoba umusa wakho

Ume kuze kube Phakadze.

We give thanks unto you, Father,
For you are good,
For your mercy
Endures forever.

Благодарим тебя, Отче,
За то, что Ты добр к нам,
За твоё милосердие
Извечное.

(Едешь в Рим, живи как римлянин: профессор эндокринологической хирургии Glen Gelheld, Университет Джорджа Вашингтона, молится со всеми вместе)

Иногда сёстры просят меня произнести слова утренней молитвы.

Когда это произошло первый раз, я долго мучительно вспоминал молитвы моей матушки, героев литературы и кино. И, наконец, что-то составил – может быть чуть вычурное, но вполне искреннее и пригодное для настоящего случая:

Благодарим тебя, Господи,
За представленную возможность
Вновь увидеть солнце на этой прекрасной земле —

Королевстве Свазиленд!

В начале этого чудесного дня
Помоги всем здесь присутствующим:
Больным дай силы перенести их страдания,
Внуши им веру в их исцеление;
А нам, врачам и сёстрам, дай мудрости,
Всели сострадание в сердца наши,
Сделай наши руки искусными,
Благослови, Господи, наш труд.
Мы молим тебя, Господи, во имя Иисуса Христа!
Аминь!

Сначала я произносил все эти слова по-русски, что очень забавляло больных и персонал. Теперь, при необходимости, я уже бодро произношу эти слова и по-английски.

* * *

Мой интерес к миссионерам в Африке, к Библии, к Церкви, да и вообще к религии увенчался своего рода вознаграждением.

Где-то в конце сухого сезона 1996 (июль?) мне позвонил Роджер Мпапане (Roger Mpanane) и пригласил меня в Sharp Memorial Church, что находится на территории миссионерской станции в 20 метрах от госпиталя, для короткого выступления перед прихожанами: рассказать о Москве.

Весь иностранный персонал госпиталя посещал другой приход той же церкви, где службу на английском языке вёл ЮАРовский пастор по фамилии Поп. Понятно, что я очень удивился оказанной мне чести выступить перед прихожанами старейшего храма города Манзини, где служба шла на си-свати – языке жителей королевства. Я спрашивал себя: "Почему не другой русский доктор Игорь Петров, который постоянно искал такого рода активность...?". Однако, будучи заинтригованным, я выразил Роджеру своё согласие.

Позже выяснилось, что Nazarene Church открыла свою миссию в Москве. Ну и руководство нашей миссии решило отметить это событие с привлечением русского доктора из Москвы.

В тёмном костюме и при галстукe я сидел среди подобным образом разодетых свази. Нас, белых, в храме было двое. Первым был доктор Хаинд – сын основателя миссии английского доктора Самуэля Хаинда. Хаинд-младший родился в Свазиленде и прекрасно говорил на си-свати.

В положенное время меня пригласили на... понятие не имею о том, как называется в протестантской церкви место, с которого выступает пастор. Наверное кафедра. Рядом со мной стоял Роджер – он должен был переводить мою речь с английского на си-свати.

В храм через боковые двери стали с пением входить чёрные девочки и мальчики, несущие плакатики с надписями «MOSCOW», "RUSSIA".

Дети пели:

– Moscow! O, beautiful, beautiful city of Russia...

Когда я разобрал слова, я растрогался и у меня на глазах навернулись слёзы. Нужно было сказать что-то очень краткое, но важное. Напрягайся же, Рындин!!!

Первую фразу я произнёс по-русски:

– Я приветствую вас именем Иисуса Христа!

После нескольких секунд паузы я повторил приветствие по-английски. Роджер тут же перевёл мои слова на си-свати.

Далее я продолжал по-английски, как уж смог:

– Я никогда не думал, что однажды буду удостоен такой чести – приглашения в храм прекрасного горного королевства на юге Африки для рассказа о моей Родине – о России, о Москве...

Благодарю вас за оказанную мне честь быть первым русским в этом храме и произнести для публики первые русские слова под его сводами!

Москва – древний город на семи холмах – не только столица огромной страны, не только пристанище 10 миллионов жителей. Москва – большой культурный центр с многими десятками колледжей и университетов, где получали высшее образование многие молодые люди из стран всего мира, большое число африканских студентов, в том числе и из Свазиленда. Один из них мой друг Фелижве Дламини, который помимо университетского диплома привёз домой русскую жену.

История России – это не только тяжёлый и кровавый двадцатый век. Совсем недавно мы праздновали 1000-летие торжества Христианства в России.

Ещё в прошлом веке Москва была известна в Западной Европе как город 400 церквей.

Перед приходом к вам я вспомнил, что на одной из икон Русской Православной Церкви я как-то видел, что голова Господа-Отца увенчана короной с драгоценными камнями. Я подумал, что один из алмазов в этой короне – ваша прекрасная страна, королевство Свазиленд!

Теперь вот и вы можете представить, что среди других драгоценных камней короны Господа нашего – моя Россия!

Я обрёл Бога в Африке

С доктором Рындиным по югу Африки

Нас, экс-советских врачей в дальних забугорьях, часто спрашивали и спрашивают о том, как живут и работают коллеги в странах Африки, как устроена система образования, как работают ассоциации хирургов, как сдать экзамены и найти работу в Африке, в ЮАР и так далее.

Олег Блинников, активный «Врач-без-границ» предложил в 2002 году мне написать на эту тему из моей практики.

18.05.2002

Доктор Блинников известный провокатор-вдохновитель ☺...

Я не знаю, как будет выглядеть труд «С Михаилом Клячкиным по Америке», но для меня мой «опыт выживания за рубежом» – это нескончаемые личные впечатления от сопоставления двух систем медицинского образования, двух систем формирования медицинских работников, двух систем функционирования институтов здравоохранения.

Это сопоставление не преднамеренное – меньше всего меня в жизни привлекали эти аспекты медицины – Жизнь сопоставляет меня, уродливый медицинский продукт советского производства, с довольно скромными потребностями африканского общества.

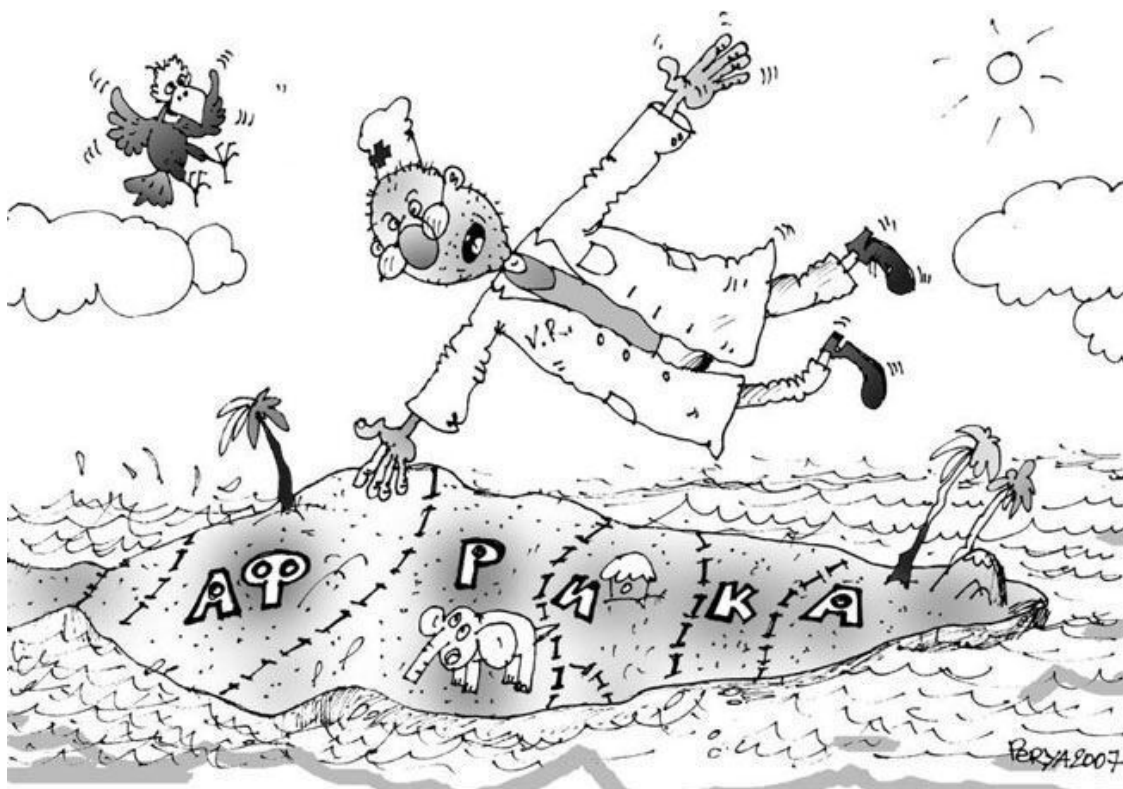
Сопоставление выявляет, что я не вписываюсь, не влезаю в стандарты, заданные моим работодателем. А жить-то нужно – и мне приходится гнуть и переделывать себя, с матюгами вспоминая alma mater, профессоров и молодость, растраченную на покорение фальшивых вершин.

Первые восемь лет мой работы в Африке в рамках советских контрактов нельзя засчитывать в опыт общения с местными системами, упомянутыми выше. С молоком нашей матери, КПСС, впитанного советского хамства хватало только на восприятие необычной местной патологии и удивительной природы-флоры-и-фауны:

«Ах, какая проказа-слоновость-лифмома-Беркита! какая сонная-болезнь-малярия-шистозомиазис! какой укус крокодила-льва-бегемота! Каковы полу-отрубленная мачете шея – полу-оторванные советской противопехотной миной ноги ребёнка – развороченный очередью АК-47 живот!!!»,

«Ах, какой лунный ландшафт! Красные холмы с картин Чурлёниса! Колобусы-куду-жирафы-и-гну! Зажигательные-кабовердианки-и-сенегалки-лиловые...».

Все эти годы работы в Африке мы ежедневно чувствовали локоть коллеги-соотечественника (весьма часто под собственным ребром) и тесную опеку родного коллектива, включая «специалистов-по-сельскому-хозяйству», обеспечивающего тебя в избытке отравленным духом Родины нашей.

В 1991 году я отправился в «свободный полёт» по Африке.

Тоталитарный режим под постоянной опекой родной КПСС парализует пытливость и приучает к халяве: я ни черта толком не знал о контракте – правах и обязательствах сторон. В Анголе люди, нанятые местным Минздравом через посредничество «Союздравзагранпоставка», годами не получали зарплату – и продолжали работать, боясь не только потерять заработанное, но и вернуться в хаос коллапса «развитого социализма».

Выживание около 200 советских людей поддерживалось за счёт специального магазина, которому власти Анголы разрешали закупать товары в соседней Намибии для продажи советским специалистам. Редко кто из нас проедал и пропивал в этом магазине более 200 долларов в месяц. За оставшуюся часть зарплаты каждый из нас ежемесячно аккуратно расписывался в ведомости, предусматривающей перевод этих денег на наши счета во «Внешторгбанке».

Вот именно эту часть денег не было возможности получить годами.

Тёмное дело – где блуждали эти деньги годами. Простой подсчёт выявляет какие суммы застревают в кулуарах «Союздравзагранпоставка»: каждый из 200 докторов ежемесячно доверял «загранпоставке» перевод на свой счёт во «Внешторгбанке» 500–600 долларов ($200 \times 500\text{--}600 = 100\text{--}120\,000$ долларов в месяц... $\times 12 = 1.200\,000\text{--}1.440\,000$ долларов в год).

Даже если эти деньги просто положить в банк под скромные 3 процента годовых, навар уже неплохой... А если их ссудить под 10–15 процентов годовых – очень даже хороший!

Самое смешное было узнать, что по сообщениям советских газет «Внешторгбанк» лопнул не сколько ме сяцев назад. Спрашивает ся: так куда же продолжала «Союздравзагранпоставке» переводить наши деньги???

Животным чувством я просчитал опасность высиживания ситуации в Анголе и стал искать выхода.

Натолкнулся на выдающуюся личность бывшей Анголы – падре Мануэл Гарсия, основателя католической миссии и двух миссионерских госпиталей, один из которых он решил восстановить с разрешения двух воюющих сторон. Три экс-советских доктора вступили в устное соглашение с падре: один (акушер-гинеколог) поехал в Португалию для трёхмесячного курса по изучению анестезиологии, другой (хирург) должен был приехать в восстанавливаемый госпиталь в августе 1992 и третий (педиатр) должен быть ждать вызова в Луанде.

Беспечность и юридическая неграмотность наша сейчас просто поражает!

Ну, да, да, да, падре – честнейший человек, но кто финансово обеспечивает наше соглашение с ним?

Падре было без несколько месяцев 80 лет – если помрёт, кто внесёт в университет Лисабона обещанную плату за обучение нашего акушера-анестезиолога?

Да, да, да, он уже закупил на 1000 000 долларов оборудования для госпиталя, а что дальше? Кто будет дальше закупать оборудование и медикаменты, выплачивать зарплату работникам госпиталя и оплачивать пусть даже минимальное функционирование его?

Нашего гинеколога хватило только на вопрос:

– Слав, я понимаю, что богатые люди вверяют падре свои пожертвования на госпиталь. А каким образом они это делают – дают ему в карман наличными, чеками на его имя? Или у него есть специальный счёт для нужд госпиталя?

А меня хватило только для ответа на моральную часть вопроса:

– Он не от мира сего – нам этого не понять! Для него миссия/госпиталь и его личная жизнь слиты воедино.

Но это было глупостью...

Падре был непокорен в своей миссионерской деятельности – все его свершения не входили в план деятельности ордена, членом которого он состоял, а потому он сам добывал средства для их осуществления.

В прошлом строительство и поддержание миссии и госпиталей осуществлялось в основном на пожертвования, поступавшие через подписной лист от богатейших португальцев колониальной Анголы.

Падре не понимал, что колонии ушли в прошлое, ушли в прошлое богатые колонизаторы и унесли с собой подписные листы для пожертвований на благотворительные цели.

Я сам понял это только после приезда в прошлое – в знаменитый когда-то Hospital Voga, что расположен в 30 км от красивого городка Quito – столицы ангольской провинции Bie.

Второй нашей общей глупостью было наша готовность работать хирургом и акушером/гинекологом в госпитале с персоналом в 3 человека. Кто будет обеспечивать общее обезболивание? Ведь советская медицинская школа не предусматривает подготовку выпускников медицинских институтов, готовых к роли анестезиолога прямо со школьной скамьи.

На что рассчитывал наш акушер/гинеколог, отправившийся для освоения анестезиологии в течение трёх месяцев???

Он позже писал мне:

– Тут португальцы надо мной смеются: «Мы изучаем анестезиологию три года, а этот русский хочет освоить её за три месяца.»

В период мой подготовки к отправке на восстановление госпиталя падре Мануэля Гарсия я мысленно рисовал себе картины, в которых захлёбывался от предвкушения радости наблюдения патологии, про которую я только читал у Дэвида Кристофера «Спутник хирурга в Африке» и у Альберта Швейцера в его «Письма из Ламбарене». Мне хотелось видеть себя именно доктором Альбертом Швейцером или доктором Айболитом, на худой конец.

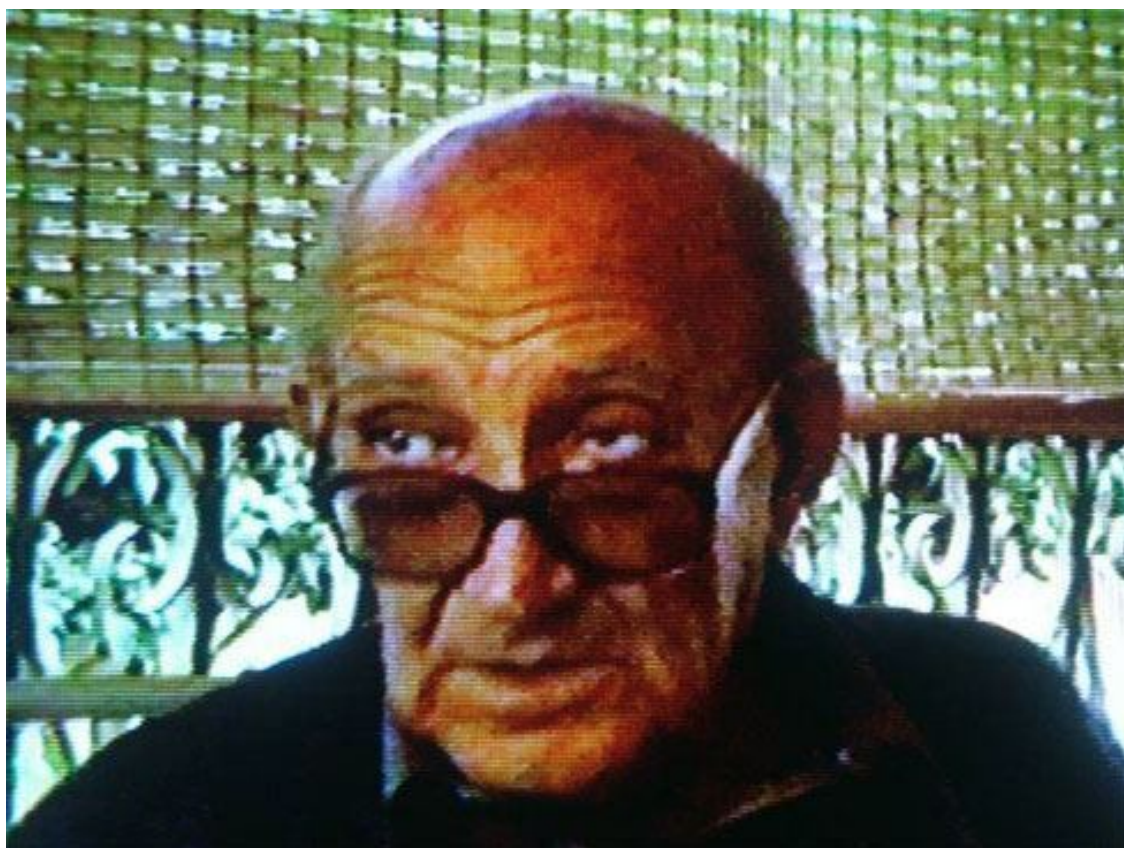
Одним жарким луандским полуднем, прогуливая своего вельштерьера Люка во дворе университетского госпиталя имени безвременно помершего товарища Америко Боавида, я заглянул в полуразрушенное здание библиотеки госпиталя.

На полу многочисленных помещений вперемешку с кошачьим и человеческим дерьмом бесформенными грудками возвышались старые медицинские журналы, однако на некоторых стеллажах лежали покрытые толстым слоем пыли толстые медицинские фолианты, изданные не менее 30–40 лет тому назад на португальском, французском, английском и испанском языках.

Пробормотав про себя: «Прости, Господи, это для нужд миссионерского госпиталя!», я отобрал десятка четыре книг по основным медицинским специальностям, которые в тот же вечер перевёз с помощью нейрохирурга Бориса Полякова в дом католического священника, у которого обычно останавливался падре Гарси.

Через три-четыре недели после этого события мне удалось получить место в самолёте и я прибыл в распоряжение моего испанца падре Гарсия, 80 лет, который в обществе португальского фармацевта сеньора Нунеша, 76 лет, контролировали постепенное пребывание грузов для нужд госпиталя.

Кадры из моих фильмов: беседы доктора Славы с падре Мануэл Гарсия (Hospital Voga, Kuito, Provincia Bie – 1992)

Наша святая троица терпеливо просидела три месяца, но второе рождение госпиталя Voga так и не состоялось. Мне удалось вовремя унести ноги из этой горячей точки Анголы.

С 20-тью американскими долларами в кармане я прибыл в столицу Намибии город Виндхук. В Намибии доктора (русские, по крайней мере) были не нужны.

Я решился отправиться в ЮАР. При этом у меня не было ни малейшего представления о том, как готовят врачей в этой стране, как функционирует служба здравоохранения.

В мыслях я так видел свою нишу в обществе медиков ЮАР: «Буду руководить практикой студентов в каком-нибудь отдалённом от больших центров госпитале».

Долетавшие до меня скудные куски информации «частная медицина – этой очень хорошо», «государственная медицина – очень даже неплохо для выходца из СССР», «докторам в ЮАР дают дом в рассрочку», «врачей-иностранцев посылают работать только со СПИД-ушными больными» трансформировались в моём неграмотном мозгу в уродливые формирования жалкого мировосприятия совка: «частная медицина – это когда тебе за каждую операцию отстёгивают большие бабки... в долларах... ну 1000, а может даже и побольше...», «неплохая зарплата врача государственного госпиталя – это когда у тебя есть машина...», «кто даёт дом? – государство, наверное...», «работа со СПИД-ушниками? – но я ведь мечтал работать в лепрозории...»

Информацию о необходимости сдачи каких-то экзаменов мой мозг тогда явно не воспринимал адекватно: если бы я хоть на одну минуту воспринял это реально, в следующую минуту я бы уже направился в сторону дома – какие экзамены по медицине на английском языке можно сдавать на шестом десятке?

Первым надёжным источником информации о медицинских экзаменах в ЮАР была для меня супружеская пара пожилых миссионеров – африкаанеров, которых я встретил на лётном поле аэропорта Лобиту, последнего города Анголы, где наш шестиместный самолётик приземлился для дозаправки горючего.

Эти посланцы Господа дали мне телефоны своих детей, которые помогали какому-то русскому доктору в английском для сдачи экзаменов Мед. Совета.

– Сейчас семья этого доктора в Свазиленде – они очень счастливы! – напутствовали меня миссионеры.

Только безумство придаёт храбрости. Безумным меня сделала ситуация в России во время августовского путча 1991, год работы в Луанде, три месяца в госпитале Voga, три недели путешествия из ангольского города Уамбо через столицу Намибии Виндхук в столицу края мира Кейптаун.

Я позвонил в Преторию профессору Манелл, автору серии публикаций по хирургии рака пищевода, с которой я состоял в переписке ещё со времён моего посещения Америки. Поскольку хирургия рака пищевода было, пожалуй, единственным разделом в медицине, о чём я имел хоть какое-то представление, мне казалось, что я мог бы быть полезным в её отделении на каких-нибудь третьестепенных ролях.

Выяснилось, что профессор Манелл оставила свою академическую карьеру и полностью переключилась на частную практику. Далее она сказала, что для работы в ЮАР каждый врач-иностранец должен сдать медицинский экзамен в Медицинском Совете страны, который проводится два раза в год. Доктор Маннел выразила готовность мне помочь на время ожидания экзамена и время необходимое для моей регистрации – подыскать для меня работу техника долларов на 500 в месяц. Предложение ставки техника сухим спазмом сдавило горло доктора наук и бывшего ведущего научного сотрудника. Мне ещё хотелось просто увидеть эту женщину – мастера хирургии рака пищевода и я выпросил у профессора Манелл разрешения посетить её офис в шикарном районе Йоханнесбурга после того, как я утрясу свои дела в Претории.

После моего общения с зав. отделом экзаменов и регистрации Медицинского Совета ЮАР миссис фон Рейнсберг я как-то сразу скукожился и понял, что с моими знаниями англий-

ского и медицины я не могу рассчитывать на преодоление без разбега неожиданно вставшего передо мной препятствия.

К счастью, я не потерял телефоны детей миссионеров, предсказавших моё будущее движение в ЮАР через Свазиленд. Я вышел на первого русского доктора крошечного горного королевства свазей. Добрый доктор Игорь Петров, мыкания которого в дальних забугорьях заслуживают специального описания, свёл меня с доктором Хаиндом, Преседателем Совета Попечителей миссионерского госпиталя в Манзини (Свазиленд). Я был приглашён на *интервью* в госпиталь.

Перед вылетом в Свазиленд я посетил офис доктора Манелл, офис специалиста хирурга в частной Rosebank Clinic, Johannesburg. Этот визит оказался полезным курсом в длительном излечения от совковой хамской спеси – здание клиники, кабинет, секретарши, профессор, её австралийский английский.

Австралийка Элвин Манелл, по словам Димы Дмитриева, лесбиянка, но какое это имело сексуальное значение в тот момент для полудохлого русского выдавливающего что-то маловнятное через дырки сгнивших зубов своего рта.

Русский думал только о том, как бы поскорее и поприличнее свернуть свой визит: «Зачем я сюда пришёл?»

– Так вы летите в Свазиленд... Там много рака пищевода, я оперировала некоторых больных из этого королевства.

Интервью в госпитале миссии Nazarene Church прошло успешно – меня взяли на работу на следующих условиях:

– Вы будете выполнять работу Medical Officer в хирургических палатах. Поскольку у вас сейчас нет ваших дипломов, то до их прибытия вы будете работать под наблюдением американского доктора Полларда. Жить вы можете в комнате для студентов. До прибытия ваших бумаг вы будете получать зарплату студента – 500 долларов в месяц... Когда придут ваши бумаги, вы получите полностью вашу зарплату начиная с сегодняшнего дня из расчёта 1300 долларов в месяц.

Степени моей удачи никто в России и сейчас не сможет понять, а я и тогда не очень осознавал этого.

Ну, во-первых, ни в одной стране цивилизованной части мира иностранец с туристической визой не имеет права на трудоустройство. Нарушители строго наказываются: работодатель – штрафуются, а работник – изгоняется из страны.

У меня в момент приёма на работу в госпиталь свазилендского города Манзини была туристическая виза.

Иностранец может быть принят на работу только при наличии у него специальной «рабочей визы». Подача заявления на получение такой визы принимается только вне страны, т. е., в моём случае, для законного оформления моего пребывания в роли врача госпиталя я был обязан выехать из Свазиленда.

К моему заявлению на получение «рабочей визы» я должен был приложить так называемое «приглашение на работу» из госпиталя, заверенное иммиграционными властями страны; в этом «приглашении» мой работодатель должен доказать, что внутри страны он не смог найти на предлагаемое мне место никого из местных жителей – на заверение такого «приглашения» в условиях бюрократической системы горного королевства могли уйти многие недели. С момента подачи заявления в посольство Свазиленда в Претории на выдачу «рабочей визы» до выдачи решения по нему (не всегда положительного!!!) официально уходит до трёх месяцев. Легко прикинуть сроки, на которые можно было растянуть моё оформление на работу.

Во-вторых, во всех англо-язычных странах в целях контроля за качеством по целому ряду специальностей существуют специальные профессиональные советы, регистрация в которых является необходимым условием работы специалиста.

Меня приняли на службу без каких-либо регистрационных сертификатов Медицинского Совета Свазиленда.

Интернациональный коллектив миссионерского госпиталя (Манзини, Свазиленд, 1993)

Я был рад несказанно, поскольку жить в 12 000 км от Родины на подаяния добрых людей я уже изрядно устал. Поймёт ли кто-либо это?²

Я с огромным энтузиазмом приступил к первой своей работе в «свободном полёте».

Студенческая комната, отведенная мне для жилья, находилась на втором этаже административного корпуса рядом с библиотекой в пару сотен 10–20 летней давности книг по основным медицинским специальностям – это было как раз то, что мне было больше всего нужно в тот момент.

Работы было много: около 40 коек в мужской палате, 25 коек в женской палате, 15 детей, 1–3 больных в частной палате. Три операционных дня в неделю. Раз в неделю поликлинический приём хирургических больных – от 50 до 70. Дежурства каждый третий (а бывали периоды – и каждый второй) день: во время дежурств тебя не только вызывают на каждую разбитую пьяную морду, но и для выполнения кесаревых сечений или выскабливания матки по поводу кровотечения... Естественно, что переломы тоже твои.

Как я выяснил только через 5 лет, Medical Officer – самая низшая врачебная ставка в англоязычных странах. Выжил я на такую низкую зарплату со своей семьёй только за счёт огромного количества оплачиваемых дежурств и за счёт бесплатно предоставленного мне жилья-воды-электричества.

² В один из дней 2000 года мой друг и начальник католик Андрей Маховский, прозванный профессором Лукманом за его мягкость бишопом, вдруг сказал мне: «Слава, я сейчас посмотрел на людей, ожидающих на углу улицы хоть какой-нибудь случайной работы, и подумал: какое же это счастье – иметь работу!»

Мне удалось получить с госпиталя деньги, потраченные мною на проезд из Луанды в Свазиленд, а также стоимость авиа-билетов для моей жены и двоих моих детей по маршруту «Москва-Мбабане».

Контракт с госпиталем составлялся на два года. Каждые два года контракт возобновлялся и мне выплачивали мой пенсионный фонд, собранный из моей зарплаты за два года. Каждые два года всем членам моей семьи были положены авиа-билеты до Москвы и обратно (в случае возобновления контракта) – мне удалось войти в преступный сговор с авиа-компанией и обменять уже оплаченные госпиталем авиа-билеты на наличные. Эти «пенсионные» и «авиационные» деньги позволили мне купить поддержанную машину и платить за обучение моего сына в университете, а моей дочери – в школе ЮАР.

Наш работодатель, американская Nazarene Church, не оплачивала нам ни медицинского страхования, ни профессионального страхования.

За мой самоотверженный труд, полагаю, Господь охранял здоровье всей нашей семьи – за все пять лет мне ни разу не пришлось столкнуться с вопросом о надобности медицинской страховки в этой части мира.

Однако мою явную профессиональную недостаточность в экстремальных условиях миссионерского госпиталя не смогло прикрыть и Божье расположение ко мне: умер леченный мной ребёнок и убитый горем отец по совету адвоката подал на госпиталь в суд.

Когда Chief Medical Officer Джек Хикл, американец с Аляски, показал мне письмо от адвоката, я сказал:

– Доктор, я могу предположить только чисто теоретически, что причиной гибели ребёнка является моё неправильное действие. Но чтобы я ни сказал, мы проиграем в суде только из-за одного вопроса: «Доктор, а вы имеете регистрацию Медицинского Совета Свазиленда?»

Если бы такой случай произошёл годом ранее, то убийственным для меня вопросом на суде мог стать и другой вопрос: «Доктор, а у вас есть «рабочая виза» для пребывания в стране?» Но к тому времени «рабочую визу» мне уже удалось получить, воспользовавшись приходом в иммиграционный офис нового начальника – одного из сотен принцев Дламини, который совершенно был не в курсе своих обязанностей.

Вопрос о регистрации споткнулся на упорство Регистрара Мед. Совета доктора Шонгве, который заявил, что «ни один русский доктор не будет зарегистрирован в Свазиленде».

Американец Хикл смог убедить доктора Шонгве чуть-чуть исправить его выражение: «*Больше* ни один русский доктор не будет зарегистрирован в Свазиленде!»

В результате такого исправления все три русских доктора, уже работавшие в то время в миссионерском госпитале, были зарегистрированы.

Госпиталь выплатил отцу погибшего ребёнка 10 000 долларов – огромная сумма для несчастного свази. И доктор Хикл настоял на необходимости профессиональной регистрации всех врачей госпиталя – 1000 долларов в год за каждого.

Ещё через полгода мне удалось уломать доктора Шонгве рассмотреть мои бумаги из Анголы, в которых указывалось, что я уже работал в должности Consultant in Surgery. В результате я получил из Мед. Совета Свазиленда сертификат о своей регистрации «Специалист по Общей Хирургии».

Я принёс сертификат доктору Хиклу:

– Джек, я могу рассчитывать на повышении оклада?»

– Доктор Слава, у нас нет сейчас для вас должности специалиста-хирурга... Единственная такая должность, которая была в госпитале, занята доктором Дежени.

(Молодой эфиопский доктор Дежени прибыл в госпиталь на два года позже меня. Я переживал, конечно, фиаско с зарплатой, но не питал неприязни к молодому эфиопу, который, если смотреть правде в глаза, имел более правильную подготовку по хирургии, нежели мои отрывочные знания, добытые кустарным путём и грубой практикой)

С учётом всего хорошего, что сделали для меня американцы момента моих первых дней в госпитале, мне просто было глупо обижаться на Джека.

Сдача экзаменов в медицинском совете ЮАР

Можно было бы просто на одной странице перечислить основные темы экзаменационных вопросов, но это было бы скучно.

Олег Блинников поставил вопрос несколько шире – «... *как живут и работают коллеги..., как устроена система образования... как сдать экзамены и найти работу за границей*», он просит так же рассказать что-нибудь «... *из своего опыта выживания за рубежом...*». Это уже много интереснее – и вспоминать, и читать.

Ещё раз о правилах регистрации в Медицинском Совете ЮАР

Медицинский Совет ЮАР на обоюдной основе признаёт дипломы медицинских факультетов и дипломы пост-университетской подготовки специалистов Ирландии и Бельгии. Держатели этих дипломов без проблем *могут быть* зарегистрированы Мед. Советом ЮАР, если они представят в Совет «рабочую визу», т. е. визу на въезд в страну для работы в государственном или частном лечебном учреждении... или с разрешением заниматься в стране самостоятельной частной практикой.

Проволочки могут быть с получением «рабочей визы», которая должна быть подписана руководителем медицинской службы провинции (российский аналог – «зав. обл. здравоохранения»?) и иммиграционными властями; последние требуют доказательств, что на предлагаемую иностранцу должность не смогли найти местного врача.

Честно говоря, я не думаю, что кому-то удалось въехать в страну с заявлением «Да я решил тут у вас частный кабинетик открыть...»

Говорят о существовании во всех инстанциях сильном лобби, отстаивающим интересы частных врачей, а потому и препятствующим проникновению на внутренний медицинский ЮАР рынок врачей-иностранцев с полной регистрацией в Мед. Совете и правом частной практики. Я этого самого «лобби» никогда в глаза не видал – и как он выглядят не знаю!...

Разумеется, что открыто об этом вы нигде не прочтёте. Даже призывов к ограничению притока врачей-иностранцев вы не услышите. Зато в избытке имеются публикации примеров, свидетельствующих о плохой подготовке врачей-иностранцев, с подтекстом необходимости блюсти высокий стандарт отечественной медицины.

Лобби частной медицины подпевают и представители правительства чёрного большинства: «Да у нас не хватает врачей... Но мы не можем приглашать врачей-иностранцев для работы на всех уровнях – у них очень низкая подготовка...»

Этим африканские «кухаркины дети», пришедшие к власти, пытаются оправдать невыполнение предвыборных обещаний по части обеспечения всех неимущих бесплатным медицинским обслуживанием высокого класса.

Суть, конечно же, не в низком уровне подготовки всех зарубежных врачей – эту проблему можно было бы решить введением обыкновенного апробационного контракта, скажем, месяцев на шесть. Суть, во-первых-то, в том, что у властей просто нет денег для реализации обещанного. Ну а во-вторых, они заботятся о сохранении рабочих мест для собственных подрастающих медицинских кадров, что вполне логично.

Непосредственно перед концом власти белого меньшинства в стране и на протяжении первых лет после прихода к управлению страной Африканского Национального Конгресса (АНК) во главе с Нельсоном Манделой большое число белых врачей покинуло страну.

Пополнить поредевшие ряды докторов в стране было решено за счёт временного разрешения регистрации врачей с иностранными дипломами.

В первую очередь речь шла о тех чёрных гражданах ЮАР, которые обучались во время апартеида в странах Восточной Европы и на Кубе. Не заставляя же собственных «борцов за свободу» сдавать экзамены!

Следует упомянуть о временном периоде послабления иммиграционного режима для белых – в оставшиеся год-два своей власти буры пытались хоть как-то компенсировать число эмигрирующих европейцев. Среди этих белых людей, без особых проблем официально проникнувших в ЮАР и закрепившихся в стране, было какое-то число врачей из стран Восточной Европы. Именно этим докторам повезло проскочить в брешь, временно приоткрытую в правилах Мед. Совета для чёрных врачей, «борцов против апартеида». Среди тех, кто оказался пошустрее, я встречал югославов, поляков, румынов, а вот удачливых русских видеть не доводилось... Наши медленно запрягают!

Но брешь захлопнули довольно скоро и вернулись к старым порядкам: желающие работать в ЮАР и желаемые на местах врачи-иностранцы могут получить «ограниченную регистрацию» только после сдачи экзаменов.

Где можно сдавать экзамены Медицинского Совета ЮАР

Заявление о допуске к сдаче экзаменов нужно направлять в Мед. Совет ЮАР. Сами экзамены для лиц, находящихся уже в стране, проводятся в здании Мед. Совета в Претории, а для лиц, находящихся вне страны, их организуют при посольствах ЮАР. Не уверен, что все посольства ЮАР берут на себя такую обузу – с уверенностью могут сказать только о Германии и Свазиленде.

В нормальное время нет нужды мчаться за многие тысячи километров для сдачи упомянутого экзамена. Москвичи, подозреваю, могут испытать себя в своём родном городе.

Но ведь это «в нормальное время»...

Тараканьи бега

В ненормальное время ненормальной «свободы» русские люди (среди них и русские врачи) тараканами поползли по всему миру в поисках счастья. В этих «тараканьих бегах» было много смешного и трагичного.

Мои знакомые по пути в Москву встречали в самолёте докторов, возвращавшихся домой после безуспешного штурма Мед. Совета ЮАР.

В августе 2000 в Москве я встретил знакомого уролога, доктора мед. наук, отличного хирурга, который «оторвался» в ЮАР раньше меня, но так и смог изловить за хвост «птицу счастья».

Свазиленд одно время служил перевалочной базой перехода в ЮАР русских проституток и уголовников. Эту калитку довольно быстро прихлопнули, а оставшиеся в королевстве наши люди помыкались прилично. В одной торговой точке свазилендского городка Манзини мне показали глазами на помятого вида московского еврея лет 30-ти, который отважился ради получения свазилендского гражданства на брак с 50-летней мулаткой – хозяйкой этой торговой точки. Всё говорят, что, дескать, «любовь зла...» ну и про козла там... Но вот ведь есть силы и посильнее любви – «полюбишь чё-нибудь и похлеще козы»...

Доктор Наташа

Стоматолог из Киева Наташа выехала с сыном в объединившуюся Германию к своей подруге и «затерялась» в толпе иностранных туристов. Наташе села за изучение английского

и подготовку к сдаче экзаменов при посольстве ЮАР. На жизнь она подрабатывала уборкой квартир у состоятельных людей. Ещё она поигрывала в лотерею, где разыгрывали «грин-карт» США.

Через три года её повезло по двум направлениям: (1) она сдала экзамены и получила приглашение на работу в ЮАР; (2) она выиграла американскую «грин карт».

Наташа выбрала ЮАРовскую синицу в руках, нежели американского орла в небе.

Медицинские власти Северного Трансвааля ЮАР задвинули её во вновь выстроенный госпиталь, который располагается среди черных таун-шипов. Здесь Наташе повезло в третий раз – она встретила симпатичного бура, который решился ради неё бросить свою бурскую жену и кучу детей. Бурско-русские молодожёны живут душа в душу в нашем городе. Не будет излишним сказать, что в семье помимо расхожей машины у них и новенький «мерс» в гараже... «дачный» участок на берегу Индийского океана.

Однако несмотря на полученное гражданство ЮАР, Наташа так и работает с «ограниченной регистрацией».

Зубной техник

Как-то в Манзини мне позвонили и женский голос взволнованно со слезой пожаловался: «Тут у меня семья русского доктора. Они ничего не едят. Помогите мне, пожалуйста!».

Выяснилось, что зубной техник из Москвы сжег за своей спиной корабли (продал квартиру) и купил туристическую путёвку для всей семьи в ЮАР, где он рассчитывал разбогатеть. Помимо его жены, двух малых детей и престарелой матушки за ним увязался брат, обокравший своего компаньона по частному бизнесу на 50 000 долларов.

Техник показывал мне «международного признания» патент на изготовление каких-то там сверх-зашибательских зубных коронок.

Цепь неприятностей началась для несчастных с того, что в международном аэропорту Йоханнесбурга их не встретил «представитель туристической компании» – знакомый сценарий... ЮАРовской визы ни у кого из членов семьи не было. Английского языка он не знал. Кто-то их надоумил лететь в Свазиленд, где в те времена иностранцам, прибывшим самолётом, разрешали въезд в страну при условии обязательного оформления туристической визы внутри страны в течение 3–5 дней.

Брат вместе с 50 000 московских уворованных долларов прихватил остатки квартирных денег техника и уехал в Мозамбик делать ещё большие деньги...

Семью зубного техника приютила у себя в доме какая-то не шибко богатая сердобольная мулатка. Намыкавшись с непонятными иностранцами, отказывавшихся от еды, мулатка прослышала про русских врачей в миссионерском госпитале и дозвонилась до меня.

Выслушав историю зубного техника, я сказал: «Вы, конечно, и слыхом не слыхали о таком заведении как Медицинский и Стоматологический Совет ЮАР?»

К сожалению, такой есть и в Свазиленде... Таким табором вам здесь не выжить. Обратные билеты не потеряли? Мой вам совет: отправляйтесь обратно в Россию все вместе... С вашей специальностью вы найдёте себе место в любой части родной стороны. Не хотите? Ну так хоть семью отправьте, а сами попробуйте немного повертеться – ваш обратный билет будет ещё долго действителен...»

Сердобольный Игорь Петров пристроил семью зубного техника на территории миссионерской станции. Но американцы не признавали халявы: за домик с одной спальней техник должен был выплачивать 300 долларов в месяц.

Игорь приложил невероятные усилия и нашёл главе семьи работу. Но стоматолог африканер нелегальному зубному технику за работу платил всего 400 долларов в месяц. На оставшиеся 100 долларов семье из пяти человек не выжить.

Кончилась история тем, что мама техника умерла. Африканер стоматолог выгнал с работы русского после первого открытия им рта о повышении зарплаты. Семья стала голодать. Моя сердобольная жена пригласила их к нам на обед. Сам техники гордо отказался «Я покурю...» (тоже элемент русского пижонства – цена пачки сигарет равна стоимости живой небольшой курицы, в которой нуждались дети техника) и разрешил пойти только жене и детям. Я поговорил с техником сурово, после чего моя жена собрала по 200 долларов с каждой из трёх семей для доплаты на просроченный билет «Иоханесбург-Москва», а Игорь Петров отвёз на своём микроавтобусе держателя патента «международной значимости» в международный аэропорт Йоханнесбурга.

Доктор Петров

Игорь Петров был чрезвычайно добрый и участливый парень. Акушер-гинеколог советского производства, он последние годы своей жизни в СССР провел где-то на Украине.

Игорь Петров со своим боссом – доктором Субира, гинекологом из Заира

Ему попалась умная и с практической хваткой жена, которая умело направила ликёроводочный in-some мужа, поступавший к нему в изрядных количествах за аборт, на созидательные цели – они купили машину, построили большой и красивый дом (на этой стройке муж себе спину сорвал). Так Игорь избежал возможности спиться окончательно, приобрел «проперти» и постоянные боли в спине. Перестройка и демократизация на Украине приобрела особенно уродливые формы – семья просвета не видела. Хаос этого периода помог Петровым удачно продать дом за твёрдую валюту – марки ФРГ.

Дальше Петровы совершили, на мой взгляд, ряд не очень мне понятных действий: они купили туристические путёвки и всей семьёй отправились в Венгрию.

В первый же день пребывания в Будапеште Петровы обратились за политическим убежищем и были помещены в лагерь беженцев. После шестимесячного бестолкового пребывания в лагере беженцев Игорь смог связаться со своим другом, удачливо эмигрировавшим в США. Друг выслал ему 5 000 долларов для «старта».

Ориентированные с самого начала на США и измученные беспросветным ожиданием в Будапеште, Петровы решаются отправиться в ЮАР по туристической визе.

Опять же в первый день пребывания в Йоханнесбурге Петровы направились в первую приглянувшуюся им церковь. В ту пору русских ещё принимали с интересом. Петровых приютил какой-то бизнесмен, он поселил их в своём гараже, немного переделанным под квартиру. Ещё шесть месяцев жизни в гараже... Единственное слабое утешение – хозяин гаража доверил Игорю развозить по городу на машине какой-то товар.

В Йоханнесбурге Игорь вышел на русских, через которых узнал о необходимости сдачи экзаменов в Мед. Совете ЮАР.

Ни уровень знания медицины, ни владение английским не позволяли Петрову надеяться на успех сдачи экзаменов. Но его талантливая для жизни супруга пинками погнала Игоря на экзамены.

Свершилось чудо – Игорь сдал медицинскую часть экзамена!

Когда я встретил семью Петровых в миссионерском госпитале, они жили идеей перебраться в США для обучения Игоря в библейском колледже – кто-то из американцев пообещал им оплатить обучение. Все члены семьи были охвачены большой религиозной горячкой. Жена Петрова с фанатичным пламенем в глазах доказывала мне, что сам Господь Бог подсказал ей на библии удачу для Игоря на экзаменах – она показывала мне в каком-то библейском тексте сочетание цифр и событий, совпадающих с датой проведения экзаменов и намёк на успех.

Сам Игорь признался мне:

– У меня такой английский был, что я просто не понимал большинства вопросов – я просто ставил крестики... И сдал! Бог помог...

Дима Дмитриев открыл мне истинный секрет успеха Петрова. В тот же день в Мед. Совете экзамены сдавала очень толковая врач из Югославии, которая позволила Игорю скопировать все её ответы на вопросы – проставить «крестики» на номерах вариантов ответов по каждому из задаваемых вопросов.

Дружеский жест православной югославки следует рассматривать как проявление Божьей воли.

Быть хорошим и добрым парнем ещё не повод для того, что быть даже посредственным врачом. Самое интересное, что Игорь Петров прекрасно всё это осознавал, а потому он и не питал большого энтузиазма для преодоления последнего рубежа – сдачи экзамена по английскому языку, основам медицинского законодательства и медицинской этике. А у него на подготовку к этому экзамену было время и прекрасные условия для консультаций.

С большой неохотой (опять же под давлением жены) Игорь дважды ходил на эти экзамены, но тут на халяву пройти было невозможно – нужно были писать тематические тексты и давать письменные ответы на вопросы.

Но даже если бы Петров сдал экзамены и был принят на работу в ЮАР, я очень сомневаюсь в том, что ему удалось бы долго продержаться в каком-либо госпитале на одних скромных знаниях по акушерству и гинекологии. В ЮАР-овских госпиталях врач на должности Medical Officer должен знать и уметь всего понемногу из всех основных медицинских дисциплин. У Игоря этого «всего понемногу» не было совсем. Кроме того, позиция Medical Officer давала право только на получение «рабочей визы» на несколько лет без каких-либо шансов получения «разрешения на постоянное проживание» в стране. Жена не имеет права на трудоустройство, за обучение детей нужно платить по графе «иностранцы», что в три-четыре раза превышает стоимость обучения для граждан ЮАР или иностранцев, обладающих «разрешением на постоянное проживание в стране». По всем перечисленным обстоятельствам Игорь и не рвался особенно к завершению своей экзаменационной эпопеи в ЮАР.

Понаслушавшись рассказов американцев о миссионерской жизни, Игорь решал стать на стезю проповедника слова Божьего. Ему казалось, что добрый дядюшка из США не только оплатит ему учёбу в «байбл-колледже», но и позаботится о хлебе для него и всей его семьи

и об учёбе его детей. Тяжкое заблуждение. Через пару лет выяснилось, что с миссионерской карьерой ничего не вырисовывается.

Игорь первым делом ушёл из прихода пастора церкви Назарен и перешёл в церковь, которую посещают белые южно-африканцы, проживающие в Свазиледе.

Там он быстро нашёл друзей, которые сами намылились в Новую Зеландию и помогли с этим делом Петровым. Разница заключалась только в том, что ЮАРовцы имели деньги и в Новой Зеландии они были желанными людьми, а русские Петровы опять попали в число беженцев. Правда в Новой Зеландии беженцев содержали несколько лучше – их селили в отдельных домах. Жена Петрова писала мне, что Игорь устроился водителем такси и стал ходить на обучение к местному «травнику», что может дать ему шанс быть допущенным к экзаменам по «травному делу»... Зная экзаменационный потенциал Игоря, я сильно сомневаюсь в успехе этого мероприятия. По всех вероятности, Петров так и крутит баранку. Но у него есть шанс успешного вживания в стране: у него очень толковая жена и талантливый сын. Если он не будет замыкаться на идее оставаться доктором, он может найти неплохую для себя нишу в новозеландском обществе.

Доктор Паша

Доброту Игоря Петрова трудно переоценить – он не только помог мне устроиться в RFM Hospital, не только в нужный момент замолвил словечко перед администрацией госпиталя за Диму Дмитриева, он сумел перетащить в Свазиленд своего московского друга Павла, выдав его за «русского профессора по СПИДу». Это был настоящий «миракл» (чудо)!

Московскому «специалисту по СПИДу» купили билет от Москвы до Манзини, ему и его большой семье (жена и трое детей) выделили большой дом.

Доктор Павел действительно какое-то время работал в московском центре по СПИДу на какой-то десятой степени важности посту. Большую же часть своей врачебной карьеры Павел проработал на «скорой помощи». У Павла была чудесная в своей терпеливости жена и трое отличный детишек. Однако, опять же – всего этого явно недостаточно для того, чтобы быть даже посредственным доктором.

Через несколько часов выяснилось, что доктор Павел совершенно не знал английского... Ну а за тенью языкового барьера ему до конца его двухлетнего пребывания в госпитале так и не удалось раскрыть своего врачебного таланта.

... На каком-то этапе нас собралось в миссионерском госпитале шесть врачей с советскими дипломами: Игорь, Дима и Вика, Паша, я и врач из Ганы по имени Кудоба, который в СССР получил не только диплом врача, но и красивую жену – удивительной стержовости и откровенной дурости врача-педиатра с Украины.

При правильном использовании коллективного опыта каждый из перечисленных врачей мог бы прилично вырасти за год-два совместной работы.

Но для обучения оказались пригодными только супруги Дмитриевы и «мкулу (дед) Слава». Мы засунули свою гордость подальше и взялись читать и спрашивать... Спрашивали не только друг у друга, не только у прибывающих частенько в госпиталь американских и европейских профессоров, врачей или студентов, но и чёрных врачей из Нигерии, Заира, Уганды, Замбии, Зимбабве.

Понятно, что мне, старому, давалось всё значительно сложнее...

Подивившись на доктора Пашу, я предложил ему заниматься вместе со мной для подготовки к экзаменам в ЮАРовском Мед. Совете.

Паша согласился. Он только не смог выдержать моего ритма: два часа утром с 5.00 до 7.00 и три часа вечером с 17.00 до 20.00. Он приходил ко мне по вечерам, когда мы были вместе свободны от дежурств.

С Пашей мы читали вместе вопросы (вникали в каждое слово) и искали на них ответы в имеющихся в нашем распоряжении книгах.

... Не вдаваясь в подробности экзаменационных вопросов, отмечу, что Паша, который так и не научился самостоятельно понимать текст вопросов, сдал медицинскую часть экзамена в Мед. Совета ЮАР с первого захода!!!

Он не сумел сдать только наименее значительную часть экзамена – «язык-законодательство-этика». Но в ту пору по новым положениям Мед. Совета в случае провала по только одной части экзамена, иностранный врач при следующей попытке обязан был сдавать вновь обе части экзамена.

(Для подчёркивания значимости успеха Павла отмечу, что я при первом заходе блестяще провалил обе части экзамена)

Ободрённый своим первым успехом Паша с возросшим энтузиазмом продолжал заниматься со мной по разработанной нами методике.

Однако, второй заход у него не был столь же блестящим – от провалил обе части экзамена.

Паша сник, его даже не ободрил мой успех – я сдал медицинскую часть экзамена,

Паша вообще тяжёло воспринимал свою работу, постоянно раздражался по любому поводу – бывают такие люди. Он в тайне довольно прилично покурился, жаловался на боли в эпигастрии («Старая дуоденальная язва.»), конфликтовал по мелочам с африканскими врачами с заявления глобального характера: «Если я раньше не был расистом, то здесь я им стал». Тем не менее, Павел проработал два года без каких-либо претензий со стороны администрации.

Под влиянием минутного раздражения Паша к концу контракта на вопрос Chief Medical Officer американца доктора Хикла «Доктор, вы будете подавать заявление о продлении контракта?» ответил:

– Нет, я поеду домой!

Через неделю Павел одумался и пошёл к Хиклу с извинениями, но тот сказал:

– Простите, но я уже послал приглашение доктору на ваше место...

Доктор Дима

Судьба Димы Дмитриева может служить образцом удачливости, необычайной целеустремлённости и работоспособности.

Дима ещё в Москве прослышал, что в ЮАР русскому врачу можно получить регистрацию (и работу, следовательно) без экзаменов. Выпускник московской английской спец. школы, владелец диплома об окончании ординатуры по специальности гинекологическая-онкология после обсуждения с женой всех pro and contra решил попытать счастья.

Дима вполз в ЮАР ужом: он купил туристическую путёвку в Хараре, а затем на «чёрном такси» (микро-автобус типа нашего УАЗика, которым пользуются за редким исключением черные жители) пересёк границу Зимбабве/Южная Африка.

Но к халявной регистрации в Мед. Совете Дима опоздал – «окно в Париж» уже захлопнулось.

Дима Дмитриев и буш хирург Слава

В Йоханнесбурге он разыскал русских коллег и решил сдавать экзамены вместе с ними. Но до экзаменов нужно было дожить. Ребята снимали одну комнату на четверых – спали на полу. Хлеб покупали в конце дня, когда цены на некоторые нераскупленные продукты снижали. Кроме хлеба ребята покупали ананасы – самые дешёвый фрукт ЮАР.

Диме повезло: матрон эндоскопического кабинета воспылала материнской любовью к Диме (а может и не очень материнской – высокий и темноволосый красавец москвич с румянцем во всю щёку очень даже нравился женщинам) и помогла ему получить ходатайство от госпитального начальства свидетельствующее о том, что Дима – редкостный в мире специалист

по эндоскопической технике. С этим ходатайством Дима получил в отживающем последние годы белом иммиграционном офисе «рабочую визу», а чуть позже и «разрешение на постоянное проживание» в ЮАР.

С первой попытки Диме удалось сдать только часть экзамена, которая называлась «английский язык-медицинское законодательство-медицинская этика». Вторую часть экзамена – понемногу из всех основных разделов медицины – Дима с разбега не потянул. Он сам мне признался:

– Я в мед. институте больше занимался проблемами добывания денег для себя и своей жены, нежели медициной...

После полугода напряженных занятий Дима вновь отправился для экзаменовки в Мед. Совет; на это раз ему предстояло сдавать только медицинскую часть экзамена.

После трех часов тестирования с применением «крестиков-и-ноликов» Дима задержался в толпе писавших в тот день экзамены врачей из разных стран, где натолкнулся на Игоря Петрова, который и привел его в миссионерский госпиталь.

Именно в Свазиленде Дима впервые получил работу врача. Не дожидаясь результатов своего второго захода на ЮАРовские экзамены, Дима договорился с руководством миссионерского госпиталя о приёме на работу его жены и немедленно вызвал в Свазиленд свою очаровательную Вику – лучшего места для её входа в английскую медицинскую систему и для подготовки к ЮАР-овским экзаменам было просто невозможно придумать.

К тому времени я уже прошёл испытательный срок, подписал с госпиталем двухлетний контракт с условием оплаты авиа-билетов моей семье, получил в пользование не только огромный дом в три спальных комнаты, с кухней, столовой и гостиной при камине, но и заверение руководство госпиталя об оплате расходов по приобретению необходимой мне мебели. И только после этого я отправил в Москву бумаги, необходимые для получения заграничных паспортов и въездных свазилендских виз моей жене и двум моим детям.

До появления в госпитале Димы я использовал свободное от дежурств время для совершенствования английского:

– я купил телевизор с видео магнитофоном и до одурения крутил сотни американских фильмов, получаемых в местном прокате,

– я исправно посещал вечера bible study и воскресные службы Nazarene Church, где вслушивался в речь миссионеров и пастора и распевал со всеми вместе ритмичные протестантские гимны,

– я вступил в местный Rotary club, где раз в неделю я имел возможность за скромную цену не только отужинать с нарушением миссионерских принципов, но и попробовать себя в светской беседе.

При чтении медицинской литературы и библии я взял за правило переводить каждое слово, интересующего меня куска текста. На первых порах это довольно унылое занятие, но со временем это приносит свои плоды.

К тому времени, когда в госпитале появился Дима, я уже успел приобрести довольно приличный набор дешёвой сосновой мебели и убить в своей ванной комнате большую змею, которую местные жители обозвали коброй.

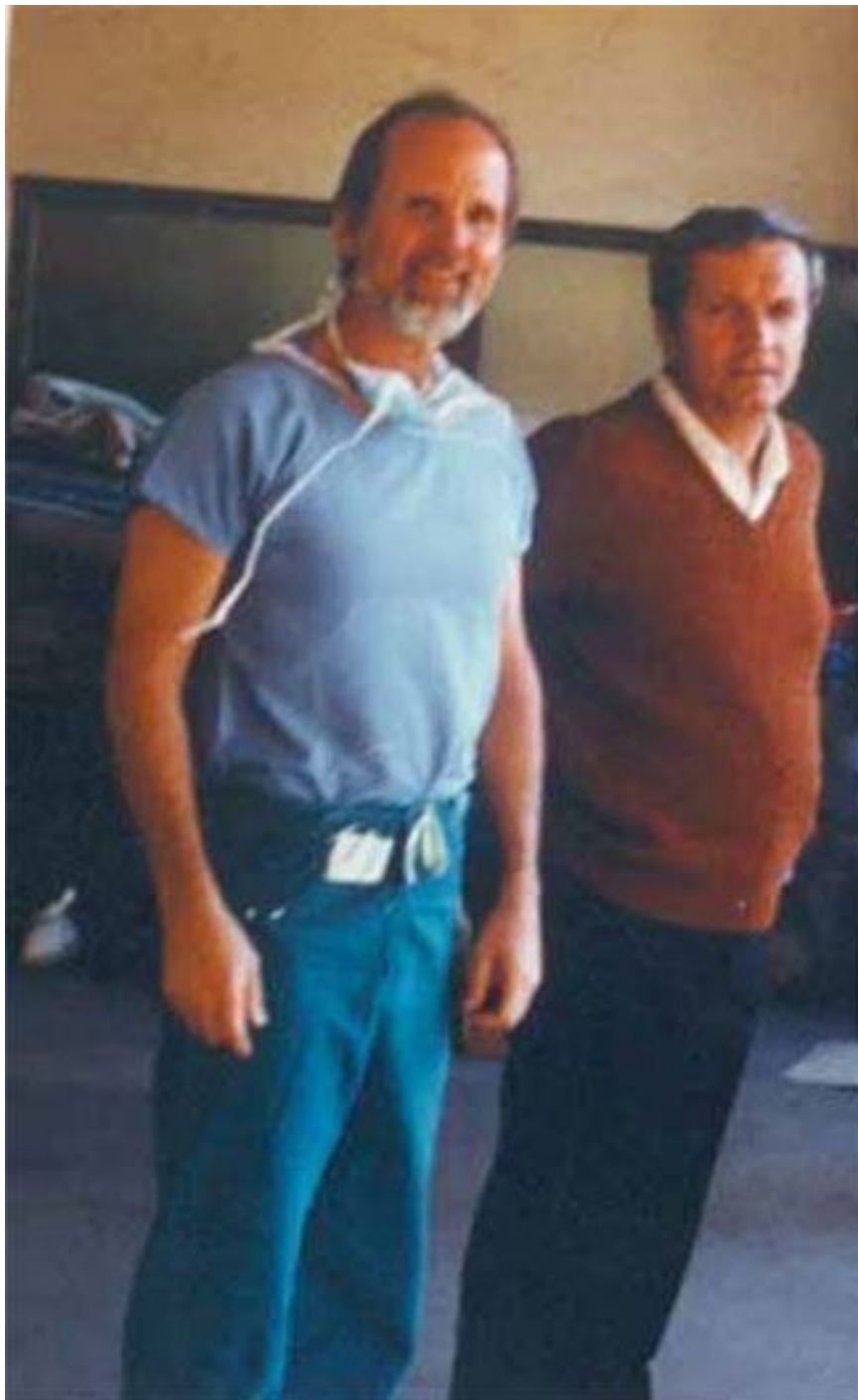
Дима, а потом и Вика поселились до приезда моей семьи в моём доме.

Вика чудесно говорила по-английски – я восхищался её межзубными [th] звуками и умением произносить на американский манер английское [R].

Супруги Дмитриевы покорили моё сердце реальным подходом к своим знаниям, полученным в советском медицинском институте. Вика восклицала: «Вячеслав Дмитриевич, вот вроде бы я была в на курсе не в последнем десятке по успеваемости, а здесь читаю – ну ничего не знаю!» Как только Дима получил известие из Мед Совета о том, что экзамены он сдал и

имеет право на ограниченную регистрацию вместе с правом искать себе работу в любом из госпиталей ЮАР, он вызвал из Москвы своего сына и тещу.

Доктор Слава

Профессор Глен Гельхелд, окрестивший меня «буш хирургом»

Моя неграмотность в юридических медицинских делах была просто беспредельна, а потому я был безумно счастлив своей воистину миссионерской медицинской деятельностью с архи-скромной зарплатой Medical Officer и, проходя мимо могил основателя госпиталя доктора Хаинда и его жены, подумывал: «Вот если я умру в этом госпитале, нужно будет меня

похоронить здесь и на надгробии написать на двух языках «Вячеслав РЫНДИН, русский доктор».

Мою ленивую мозговую жвачку о поисках места собственного захоронения прервал Дима Дмитриев:

– Вячеслав Дмитриевич, ваша зарплата – это не деньги. Сдавайте экзамены в Мед. Совете ЮАР и вы получите лучшую работу, лучшие условия жизни и более лучшую зарплату.

– Дима, да мне бы годика два-три – язык попримичнее усвоить, почитать хорошенько, с ихней системой здравоохранения освоиться...

– Вячеслав Дмитриевич, с вашим опытом вы сдадите эти экзамены – читайте Мерка³.

Попылив немного на тему «Мы этих негров учили-учили, в том числе и на мои кровные, а они теперь не хотят моего диплома признавать!», я с опаской попросил Диму показать мне его сокровище.

*И в беде, и в радости, и в горе
только чуточку прищурь глаза
в флибустьерском дальнем синем море
бригантина поднимает паруса!*

Павел Коган

...«С вашим опытом...» – ухмылялся про себя я – «Кто же лучше меня может знать реальную цену моему опыту? Да и потом, я еще не полностью отработал золотиносную – для меня – жилу под названием Raleigh Fitkin Memorial Hospital, Nazarene Church Health Institutions.»

³ The Merck Manual – нечто вроде советского «Справочника врача-терапевта».

Разумеется, что человек без видения может усечь только толпы нищенского вида посетителей клиники госпиталя (поликлинический отдел) и обитателей наших убого оборудованных палат, может ухмыльнуться размерам моей зарплаты, скривить морду лица по поводу моей радости – полученного разрешения питаться в госпитальной столовой вместе с чёрными студентками медицинского колледжа, медсёстрами, санитарями, уборщиками и другими техническими работниками.

Но я – Стрелец, человек без комплексов, гибкий, лёгкий на подъём, с интересом всеми фибрами своей души воспринимающий новое и необычное – чужие страны, чужой язык, чужую культуру.

И я с детства люблю прищуривать глаза и умею видеть бригантины...

Три года я жил в 10 метрах от госпиталя в просторном доме – самая первая постройка госпиталя, где окна моей спальни-кабинета выходили на часовню, в которой перед завтраком и перед ужином собирался на спевку хор студентов Nursing College.

Кто-нибудь мог бы прожить два года в таком соседстве с хором представителей Русской Православной Церкви? Не знаю... Я люблю русскую церковную музыку, но её, по-моему, употребить в таких количествах обыкновенному смертному не под силу – она делает человека маленьким и ничтожным, как великолепные своды Казанского собора в Санкт – Петербурге.

Gospel (евангелие) music протестантской церкви вообще, а протестантской церкви в Африке в особенности не может надоесть в силу своей приземлённой жизненности. Вспомните, как лихо мы отплясывали под «O, when the Saints go marching».

Только только благодаря дурацкому переводу – «Когда святые маршируют» – советские парни и девушки могли подумать, что захватывающая мелодия этого прекрасного Negro spiritual была написано для танц – площадки.

Нет, это было написано для церкви:

«Когда восстанут все святые,
О Боже, я хотел бы быть в их числе...»

We are trav'ling in the footsteps
Of those who've gone before,
And we'll all be reunited,
On a new and sunlit shore,

Oh, when the saints go marching in
Oh, when the saints go marching in
Lord, how I want to be in that number
When the saints go marching in

And when the sun refuse to shine
And when the sun refuse to shine
Lord, how I want to be in that number
When the sun refuse to shine

And when the moon turns red with blood
And when the moon turns red with blood

Lord, how I want to be in that number
When the moon turns red with blood

Oh, when the trumpet sounds its call
Oh, when the trumpet sounds its call
Lord, how I want to be in that number
When the trumpet sounds its call

Some say this world of trouble,
Is the only one we need,
But I'm waiting for that morning,
When the new world is revealed.

Oh When the new world is revealed
Oh When the new world is revealed
Lord, how I want to be in that number
When the new world is revealed

Oh, when the saints go marching in
Oh, when the saints go marching in
Lord, how I want to be in that number
When the saints go marching in

... Солнечными утрами я пробирался в столовую госпиталя, отвечая на десятки улыбающихся приветствий. Отстояв небольшую очередь, я выбирал себе «скромный» завтрак – кукурузные хлопья с молоком, знаменитый английский porridge, хлеб с маслом (в СССР это масло зовут почему-то «сливочным», а здесь – просто маргарином, что совсем не оскверняет его вкуса) и сыром, пару яиц.

Я садился за длинный стол лицом к лучам солнца, пробивающимся через расположенные высоко-высоко под потолком окна. Как и все присутствующие, я закрывал на минуту глаза, но в отличие от свазей, опускающих головы во время молитвы, я поднимал лицу навстречу солнечному свету и вступал с ним в интимный разговор: – Сиабонга, Нкулу-нкулу! Сиабонга, Баба!

– Спасибо, Господи! Спасибо, Отец Небесный!

Кстати, в этой столовой питались все прибывающие в госпиталь на короткий срок американские доктора и профессора, молодые врачи и студенты не только из США и Канады, но и из Англии, Шотландии, Германии, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Ямайки.

Здесь откармливался прибывший из ЮАР московский доктор Дима Дмитриев.

Таким образом, первых дней моего пребывания в миссионерском госпитале я был в достаточной мере обеспечен и хлебом, и словом Господним.

Под завязку хватало практики, профессиональную помощь и совет можно было легко получить, в первую очередь, у акушера-гинеколога Игоря Петрова, у ещё оставшихся в госпитале некоторых американцев, у постоянно ротирующихся молодых врачей со всех континентов. Молодежь гнала сюда возможность получения практики – возможность что-то сделать самому! Именно за это они платили до 2000 долларов! Я, приученный рассматривать Африку только

как источник свободно конвертируемой валюты, был в шоке. Смогут ли сейчас это понять молодые российские врачи??? Не уверен...

Для скорейшего вхождения в язык я купил себе телевизор и видео магнитофон, ходил на все воскресные службы в церкви, пошёл на расходы, связанные с членством в Rotary Club и выработал в себе привычку читать книги с переводом каждого слова... На одной из моих книжных полок и сейчас стоят три маленьких карманных тома, с которых я начинал моё изучение англо-язычной медицины:

(1). Oxford Handbook of Clinical Medicine – RA Hope, JM Longmore, PAH Moss and AN Warren

(2). Oxford Handbook of Clinical Specialties – JAB Collier, JM Longmore, and JH Harvey

(3). Oxford Handbook of Clinical Surgery – GR McLatchie

Кто-то из авторов одной из этих книг признался, что идея выпуска таких книг родилась из записных книжек, которые они создали для своего пользования во время обучения в резидентуре. Прекрасная идея! Прекрасные условия жития в стране, где есть условия реализации идеи!! Прекрасный продукт синтеза идеи и жития!!!

Сейчас в России вряд ли кого удивит такими книжечками, но тогда они для меня были удобны среди прочего и тем, что в конце каждой небольшой темы освещалась чистая страница, на которую можно было вписать перевод слов. Да и сам текст был напечатан не слишком густо – с большими интервалами, значительными полями. В томик по хирургии я даже вклеил дополнительно несколько чистых страничек – для внесения английского текста из других учебников.

Эти томики я сейчас-то почти и не открываю – стоят, как семейная реликвия. В моей семье нет ни одного медика – некому оценить подвига отца. Может быть подарить кому молодых российских врачей? Да только вряд ли это будет кому полезно... Польза становится очевидной тогда, когда сам берёшь книгу и отрабатываешь её от корки до корки сам... сам... сам. Потом и ценишь – только сам и ценишь.

Библиотека миссионерского госпиталя была составлена из книг, завезенных и подаренных американскими врачами. Эти врачи были пенсионного возраста, такого же возраста были и книги. Я ни в коей мере не хочу бросить какой-либо упрёк в адрес этих добрейших людей – любой знает стоимость в США медицинских книг. Но мы знаем и заработки американских врачей.

Здесь не было чрезмерной благотворительности. Мера последней была рациональной: пожилые доктора приезжали на месяц посмотреть Африку – знаменитый Крюгер парк, например, принять несколько десятков поликлинических больных (день-два), выполнить десяток-другой небольших операций (два-три дня) и даже физически поработать на строительстве клиники в отдалённой местности. Они и привозили книги из собственной библиотеки или собранные у таких же коллег пенсионеров.

Приличное число наиболее ходовых книг дублировались.

Незадолго перед отъездом в Африку я отнёс всю свою домашнюю медицинскую библиотеку в торакальное отделение ВОНЦ АМН СССР и поставил в конференц-зале для разбора молодыми врачами – опыт показал, что держать дома эти книги просто бессмысленно. Десяток лучших книг я оставил в своём кабинете, где остался Валентин Мазурин, а потом туда въехал Борис Полоцкий. Все мои книги помечены штампованным именованным экслибрисом – пусть вспоминают, если возьмут в руки.

Поэтому я без угрызений совести присвоил несколько книг из библиотеки миссионерского госпиталя – спёр, проще говоря, для своего личного пользования с черканием текста и вписыванием над английскими словами русского перевода.

Я знаю, что не только русские доктора переместили книги из госпитальной библиотеки на свои домашние книжные полки. Это было легкое проследить по исчезновению только что завезенных книг...

* * *

Только с четвёртого захода я сдал экзамены в Медицинском Совете ЮАР, что давало мне право на получение ограниченной регистрации и права найма на работу в государственном госпитале ЮАР. Наши с женой мечты о домике на берегу тёплого океан-моря начинали принимать реальные очертания.

Перед отъездом из Свазиленда мне не хотелось омрачать нашу светлую радость мелочными обидами.

Кроме того, денег у миссионерского госпиталя не было не только для меня – госпиталь вступил в полосу финансовых трудностей, описание которых поможет читателю понять систему финансирования некоторых госпиталей в этой части света.

Из письма к дочери:

...В нашем сказочном королевстве есть, как и положено в любой стране Британского Содружества, своя (ну это ещё вопрос – «своя» ли?) газета «Times of Swaziland» – довольно безграмотный, дерьмового вида и, особенно, содержания единственный в стране «ежедневник», финансируемый из ЮАР. Газетёнка, как ей и положено, живёт скандалами. Свою индивидуальность и независимость она проявляет нападками на существующую традиционную систему правления (англичанами подогнанная под современность доколониальная иерархия власти): возжи на местах, аристократы – род Dlamini, возглавивший в своё время борьбу свазей за независимость против захватчиков зулу (куда ни плюнь – всё в какого-нибудь Дламини попадёшь, а то и в принца) и король из рода Dlamini.

Демократичность свою газетёнка демонстрирует поддержкой руководителей Свазилендской Федерации Трейд Юнионов (SFTU – СФЕЮ) в устремлении последних разрушить хлипкую экономику страны через всеобщие забастовки (здесь они называются «toyì-toyì» – знакомые всем нам с детства из книжек по Африке пляски с подпрыгиванием то на одной, то на другой ноге с песнями и выкриками, зовущими если не к топору, то уж определённо к разрушению, чему я сам был свидетелем).

Члены СФТЮ – в абсолютном большинстве неквалифицированные рабочие-свази (любая маломальски квалифицированная работа выполняется здесь более трудолюбивыми и миролюбивыми, более сообразительными и более шустрými мозамбиканцами – жестяники, механики, слесари, строители) – конечно же нуждаются и в лучших условиях труда, и в повышении зарплаты, и много ещё в чём.

И существующая политическая система, конечно же, вороватая: воруют прямо и косвенно (через взятки от местных и иностранных компаний).

И собранный каким-то смешным образом парламент занимается обсуждением не менее смешных (для нас!) вопросов, а именно: «Член парламента Шонгве заявил, что запрещение министрам брать с собой в зарубежные поездки жён (множественное число!) способствует развитию содомии и лесбиянства.» А что? Ничуть не менее актуальная проблема для свази, нежели для американцев проблема признания прав гомосексуалистов.

У кого что болит...

... На каком-то этапе моего пребывания в Свазиленде я стал обращать внимание на появление в газетёнке серии публикаций злобного характера против нашего миссионерского госпиталя. Чёткая постоянность как в периодичности, так и в негативном характере публикаций не оставляла сомнений в организованном характере акции. Особых поводов к подобным нападениям госпиталь не давал, поэтому журналисты пользовались слухами, печатали полуправду, а то и откровенную ложь.

Почему таким вниманием пользовался только наш RFM-Hospital? Есть же и другие государственные и миссионерские, частные госпитали и клиники...

Потом выяснилось, что у кого-то в правительстве есть идея построить в городе Манзине новый современный госпиталь. Идея-то хороша, а есть ли на это деньги у страны с коренным населением в 1 млн человек?

Новый госпиталь! Это же заказ для частной строительной компании – кто пробьёт идею через парламент, тот получит хороший гешефт от компании! Кроме того, новый госпиталь – это же новые посты для чёрных чиновников!

Откопали, наконец-то, газетчики нечто существенное в деятельности нашего госпиталя.

Наш госпиталь – частное предприятие, принадлежащее церкви Назарен, которая подрядилась у государства Свазиленд за определённую сумму лечить всех, кто придёт за помощью.

Началось это всё ещё в эпоху колониализма. Затем предыдущий король автоматически продлил это соглашение с церковью.

Нынешний Председатель Совета Попечителей доктор Хаинд – сын основателя госпиталя доктора Самуэля Хаинда, чьим именем названа улица, на которой стоит наш госпиталь, – был министром здравоохранения Свазиленда и горячо поддерживал госпиталь. После этого прошло несколько туров смен правительства – и ни у кого не вызвала сомнений законность финансирования госпиталя. Вдруг объявили: *никакого соглашения между правительством и госпиталем нет, госпиталь не отчитывается перед правительством, они тратят деньги не поймёшь куда и вообще – воруют!*

Кинулись искать бумаги – договор, контракт, соглашение. Ничего нет – более 50 лет госпиталь и правительство работали (и как показало последующее расследование – работали без малейших финансовых нарушений, не говоря уж о каких-то злоупотреблениях!) без всяких бумаг, на основе чисто «джентльменского соглашения». Моему совковому уму это было просто недостижимо!

Церковь постоянно подпитывала госпиталь подношениями из США: небольшие партии лекарств, оборудование, техника и т. д. Пусть иногда и не новое, но всё-таки годное для работы на какой-то срок. И врачи американские постоянно наезжали для бесплатной работы – на пару недель, на один-два месяца... и студенты. И все эти люди даже платили за своё проживание и питание в госпитале. И так было все 50 лет! Во сколько это можно оценить?

А постоянный врачебный персонал и часть мед. сестёр – в основном американцы-миссионеры – вплоть до моего приезда в декабре 1992 года оплачивался Международной церковью Назарен.

Деньги, получаемые с государства свазей, шли на поддержку госпиталя, его технического и медицинского оборудования, на питание больных, на покупку медикаментов, содержание 5 клиник в сельской местности (клиника – по российским меркам представляет собой не более, нежели фельдшерско – акушерский пункт) и Медицинский колледж, готовящий медицинских сестёр для страны.

Следует отметить, что демонстрацией признания Медицинским Советом ЮАР высокого уровня медицинской помощи в нашем госпитале является занесение его в список госпиталей региона, стаж работы в котором засчитывается Реджистраторам по хирургии и акушерству и гинекологии в пятилетнем курсе их обучения.

Мед. сестёр, выпущенных Сестринским колледжем нашего госпиталя, с большой охотой берут на работу в государственных и частных госпиталях ЮАР (в свою очередь сёстры ЮАР высоко котируются в Англии, Саудовской Аравии и Арабских Эмиратах).

В один прекрасный день в ноябре 1996 года новый министр здравоохранения Свазиленда (четвёртый за время моего пребывания в стране) распорядился приостановить финансирование госпиталя (а заодно – и всех других миссионерских госпиталей в стране) и установить расследование финансовой деятельности администрации. Моментально прервались все связи госпиталя с компаниями – поставщиками медикаментов, перевязочных средств и оборудования. Администрация госпиталя объявила через средства массовой информации, что госпиталь вынужден ограничить свою деятельность оказанием только экстренной помощи: все больные, которые могут добраться без угрозы для их жизни до столицы страны Мбабана, где должны обращаться за медицинской помощью в государственный госпиталь.

Через пару недель министр здравоохранения объявила, что финансирование госпиталя восстановлено. Но это было полу-правдой: нам дали денег только на выплату основного оклада и затрат на минимальные нужды госпиталя.

Для врачей эта «полу-правда» состояла в том, что не было оплаты дежурств (а это половина нашей месячной «получки»), не было положенных в конце двухлетнего контракта билетов на Родину и не было выплаты «пенсионных» – 30 % от основной зарплаты за два года. Для многих врачей это означало крушение многих планов – в первую очередь оплаты учёбы детей.

Врачи собрались на митинг. Постановили написать письмо к администрации: «Что нам делать? Мы не можем в таких условиях *НОРМАЛЬНО ВЫПОЛНЯТЬ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ*. Просим вас решить эту проблему в течение двух дней.»

Администрация расценила такое наше обращение как угрозу забастовкой.

(Интересная постановка вопроса: Когда администрация приостановила деятельность госпиталя, это забастовкой не называли. А такое же решение коллектива врачей – забастовка!)

Доктор Хикл, «главный врач» сказал:

– Я душой – с вами. Не для протокола: Решение Совета Попечителей о сокращении активности госпиталя в связи с прекращением финансирования принималось по моей рекомендации. И я вообще не понимаю, почему в моё отсутствие Совет Попечителей принял решение возобновить деятельность госпиталя в полном объёме при явном отсутствии со стороны правительства восстановления финансирования госпиталя в полном объёме. По долгу службы я не могу вас поддержать. И вы должны начать работу: вы все – иностранцы, у вас будут неприятности – с продлением «рабочей визы», получением в Мед. Совете страны “Good Standing Certificate” (своего рода «характеристика с предыдущего места работы», необходимая для перехода на новое место работы).

Я посоветовал коллегам начать работу:

– Никто из верхов в этой стране и не почесался от того, что по капризу министра здравоохранения крупнейший госпиталь в стране уже три месяца не работает нормально. Страдают немущие связи, страдает персонал госпиталя, но не члены правительства – они, при нужде, едут лечиться к частным врачам или в ЮАР. В такой ситуации попытки давления на правительство бесполезны – мы проиграем! Пошли работать и молить Бога, чтобы всё это поскорей закончилось.

Комиссия закончила работу, а денег нам и по сей день (февраль 1997 года) полностью не выплатили. Надежда на то, что новый финансовый год в этой части Африки начинается с 1-го апреля и деньги все-таки будут.

Хиклу я сказал:

– После опубликования данных о ежегодном дефиците бюджета в 150 000 000 рандов я понял, что вся это возня с госпиталем – просто трюк. Они всегда начинают воровать из бюджета образования и здравоохранения... во всех странах... и не только Африке.

Они инспирировали забастовку учителей на два месяца, а потом объявили: оплаты за время забастовки не будет! Не трудно подсчитать их экономию: даже на 1000 учителей Свазиленда с окладом в 3 000 рандов за два месяца это составит 6 000 000 рандов.

Они инспирировали приостановку финансирования миссионерских госпиталей, а потом пошли на его только частичное восстановление (примерно в объёме 30 %)» на пять месяцев. Очень нетрудно подсчитать: только на нашем госпитале они сэкономили 5 000 000 рандов.

Dr's Slava “Good Bye” – Прощание со Свазилендом

...Для меня получение «пенсионных» и «авиационных» денег по окончании второго контракта с госпиталем было архи-важно – подоспел срок уплаты за учёбу сына в университете Кейптауна. Мне удалось объяснить доктору Хиклу мои трудности, а тому удалось уговорить бухгалтера наскрести для меня минимально требуемую мне сумму – остальные деньги мне обещали выплатить в ближайшие 3–6 месяцев.

Не могу сказать, что меня это очень радовало, но мне не хотелось омрачать своего прощания со Свазилендом, с миссионерским госпиталем.

Когда-то я мечтал перед отъездом из Свазиленда устроить прощальный вечер, но сейчас денег не было, и «пати» не состоялось.

В день прилёта в ЮАР моей жены с сыном и дочерью в августе 1993 нас приютил на ночь в своём доме в Йоханнесбурге пастор церкви Назарен в Манзини. У этих людей мы останавливались ещё раз по пути на отдых в Кейптаун в ноябре 1993. Да и позже у нас с ними были чудесные отношения. В мыслях я давал себе обещание сделать хороший денежный взнос в церковную кассу, но в связи с упомянутыми финансовыми трудностями я решил просто сказать несколько слов в последнее воскресенье на утренней службе.

Я просидел над обдумыванием моей прощальной речи весь вечер... Было ясно, что уже давно уехали те американские врачи, которые приняли меня на работу в госпиталь и сердечно помогали мне в самые позорные первые месяцы моей деятельности здесь... Медсёстры, которые натерпелись от меня за без малого пять лет совместной работы, не ходят в нашу церковь... Для кого говорить то?

«Для меня самого! – решил я – Я не буду уважать себя, если просто уеду тихой сапой... Церковь, как минимум, помогла мне войти в английский язык...»

Привожу ниже текст моего выступления на уровне моего знания английского того времени.

Dr's Slava “Good Bye”

“Living Water Church”

Sunday Morning service

(16 March 1997)

Good morning! – Доброе утро!

Before to invite you to pray with me I would like to tell you that I felt in love with Africa since my first arrival in Niger 22 years ago.

Прежде чем пригласить вас присоединиться к моей молитве я хочу вам сказать, что я влюбился в Африку с момента моего первого прибытия в Нигер 22 года назад.

It looks like this love was mutual because in difficult times for me African land – land of Swazis' gave me a shelter to stay and a job to gain bread. In land of Africa my son was born, on this land all my three children started their education.

Похоже, что эта любовь была взаимной, потому что в трудные для меня времена африканская земля дала мне убежище для жилья и возможность зарабатывать на хлеб. На африканской земле родился мой сын, на этой земле все трое моих детей начинали образование.

This is why my first pray about Africa, about Swaziland. Let's pray.

I'm going to pray in Russian and everyone of you can joint my pray in his mother language.

Поэтому моя первая молитва – об Африке, о Свазиленде. Давайте помолимся.

Я буду молиться по-русски, а каждый из вас может присоединиться к моей молитве на своем родном языке.

Отец наш небесный, спасибо тебе за то, что ты дал нам сегодня вновь увидеть свет твой, благодарим тебя за хлеб насущный, который ты даёшь нам.

Воздаём тебе благодарность, Господи, что ты привёл нас в этот чудесный край Земли – африканскую землю, где в тяжкий час испытаний мы нашли для себя приют и работу.

Спасибо тебе, Боже, что на благословенной тобою земле свази ты привёл нас в один из твоих храмов, где мы смогли с международному братству, творящих славу тебе.

СЛАВА ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

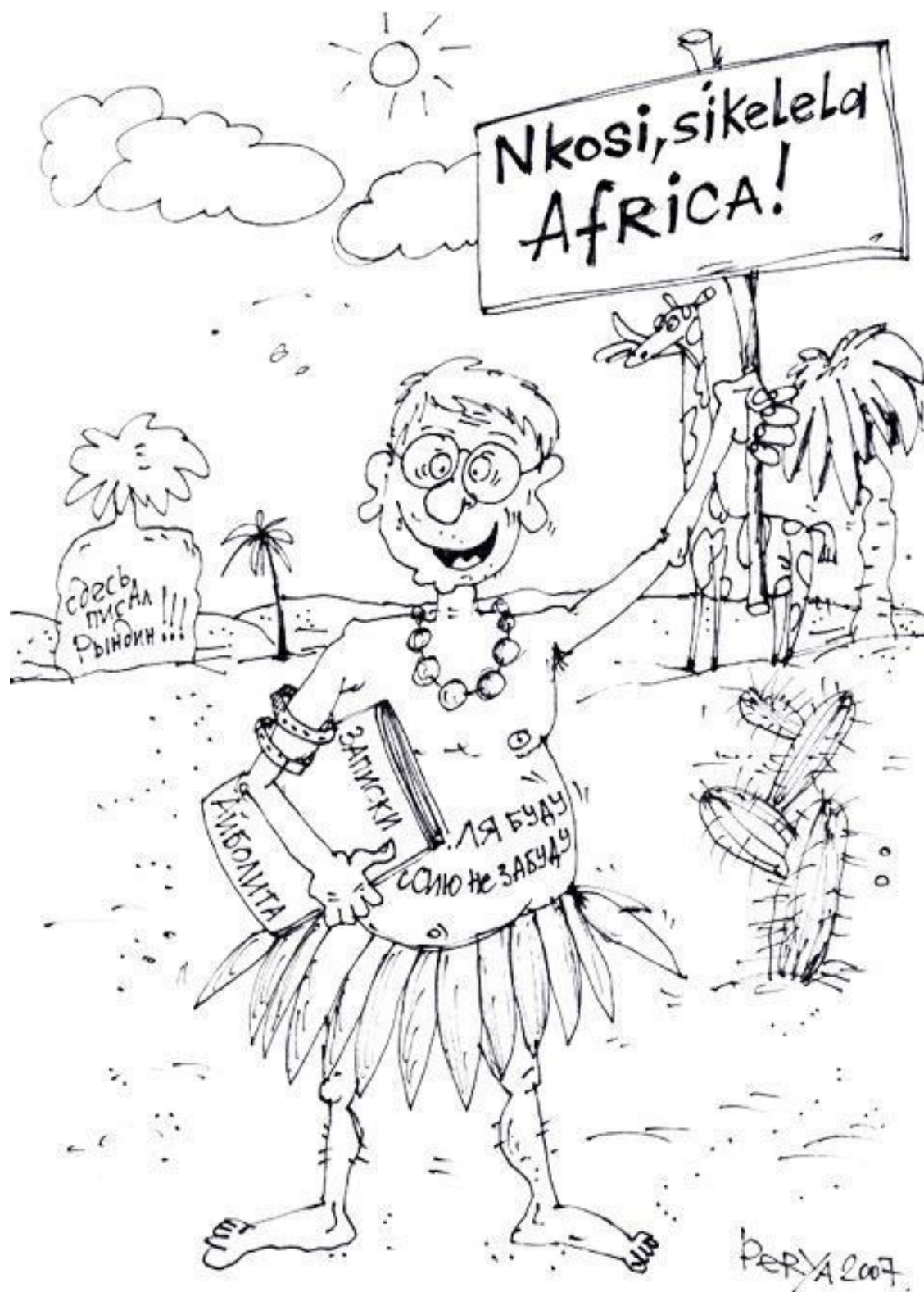
ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ, БОЖЕ!

БЛАГОСЛОВИ, БОЖЕ, ЗЕМЛЮ АФРИКАНСКУЮ!

**БЛАГОСЛОВИ, БОЖЕ, АФРИКАНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
СВАЗИЛЕНД!**

**НКОЗИ, СИКИЛЕЛА АФРИКА! НКОЗИ, СИКЕЛЕЛА
СВАЗИЛЕНД!**

In Jesus name we pray, amen!

В настоящий момент это мой долг русского хирурга рассказать вам историю другого русского хирурга, великого русского хирурга.

At the moment it is my duty of a Russian surgeon to tell you the story about another Russian Surgeon, a great Russian Surgeon.

Тотчас после коммунистической революции в России, когда коммунисты убили русского императора и расстреляли тысячи священнослужителей

Русской Православной Церкви, русский хирург по имени Войно-Ясинецкий решил принять на себя сан епископа.

Just after the Communist Revolution in Russia when the communists murdered the Russian Emperor and killed thousands priests of Russian Orthodox Church a Russian Surgeon whose name was Voyno-Yasenetsky decided to accept the post of a bishop.

Представьте величие его акта в атмосфере коммунистического террора.
Imagine how great was this his act in the atmosphere of the communist terror.

Он прибил икону на стене операционной и сказал: «Если власти снимут икону, я не войду в операционную.»

He put an icon on the wall of the operation theater and said: "If the authority remove the icon I will not come in!"

Этот героический человек был арестован и провел многие годы в лагерях и тюрьмах.

This heroic man was arrested and spend many years in concentration camps and prisons.

И сейчас, зная эту историю, вы поймёте, что только несколько лет назад я даже и представить себе не мог на этом месте – кафедре пастора протестантской церкви в Африке – и смотреть в лица людей с различных уголков земли.

And now after having this story you can understand that only a few years ago I could not even imagine to be on this place – in the chair of a pastor of a protestant church in Africa – and to look into the faces of the people from different corners of the world.

Но сейчас я могу это делать и я делаю это, и я нахожу как прекрасны вы христиане Африки (Свазиленда, Южной Африки, Мозамбика, Замбии, Нигерии, Заира, Уганды, Эфиопии), христиане Европы, Азии, Америки, Австралии и даже Новой Зеландии!

But now I may do, I am doing it and I am finding how beautiful you are Christian people of Africa (from Swaziland, South Africa, Mozambique, Zambia, Nigeria, Zaire, Uganda, Ethiopia), Christian of Europe, Asia, America, Australia and even New Zealand!

Сана бонане!

Гуд мординг!

Хуе море!

Бон дия!

Бон жур!

Добое утро!

Я приветствую вас именем Господа нашего Иисуса Христа! –
I am greeting you in the name of our Lord – Jesus Christ!

Вам нужно чудо?

Do you need a miracle?

Не ходите в поисках чуда далеко: чудо здесь, в этом храме, где мы все вместе – люди различных рас, культур и языков – связаны Любовью Господа нашего.

Don't look for a miracle far away: we have got a miracle here, in this church where we are together – people of different races, cultures and languages – bound with Love by our Lord.

Знаете, я формировался в очень политизированном обществе и меня учили быть борцом классовой борьбы.

You know, I was formed in very political society and I was taught to be a fighter in a class struggle.

Прежде чем разрешить мне выехать из Москвы в Нигер, а позже в Анголу меня проверяли, насколько я силен в этой проклятой классовой борьбе.

Before I was allowed to leave Moscow for Niger and later for Angola they tested me how I was strong as a fighter in this bloody struggle.

Люди моего возраста были свидетелями того, как человечество 20-го века преодолело влияние анти-христианских теорий фашизма и коммунизма, базирующихся на расовой ненависти и кровавой классовой борьбе между народами.

The people of my age, we have been a witnesses how the mankind of 20th century has overcome influence of anti-Christian theories of Fascism and Communism which are based on racial hatred and bloody class struggle between people.

Сотни миллионов людей были убиты прежде, чем человечество убедилось в том, что невозможно построить правый мир на крови.

Hundreds millions people were killed before the mankind was insured that it is impossible to build a right world on the blood.

Какое лекарство может очистить ту часть человечества, которая уцелела в кровавой классовой борьбе? – Нет такого лекарства, ничего нет... только кровь Христа.

What remedy may clean another part of the mankind which survived in this bloody struggle? – There is no remedy, nothing... but the blood of Jesus.

Именно поэтому на меня большое впечатление произвел гимн со словами «... только кровь Христа...».

This is why I was very impressed when I had heard the hymn containing the words "only blood of Jesus".

В мой самый последний день в храме «Живая Вода» я был бы счастлив услышать два гимна: «Свяжи нас вместе» и «Только кровь Христа».

In my last day in the "Living Water" church I would be happy to hear two hymns: "Bind us together, Lord " and "Only blood of Jesus".

Спасибо, да благословит вас Бог!
Thank you and God bless you.

1. Bind us together, Lord!
Bind us together
With cord that cannot be broken.

Свяжи нас вместе, Боже!
Свяжи нас вместе
Узами, что не порвать.

Bind us together, Lord!
Bind us together
Bind us together with Love.

Свяжи нас вместе, Боже!
Свяжи нас вместе,
Свяжи нас Своей Любовью!

2. What can wash away my sin? —
Nothing but the blood of Jesus.

Что может смыть с меня мой грех?
Ничто, лишь кровь Христа!

What can make me whole again? —
Nothing but the blood of Jesus...

Что даст мне сил воспрянуть вновь?
Ничто, лишь кровь Христа...

Если завершить рассказ об этом волнующем событии просто фразой «Я сошёл с пасторского мостка под пение упомянутых гимнов», это было бы неправдой. А полная правда в том, что несмотря на мою предварительную, довольно хладнокровную, работу над составлением моего церковного выступления, я так расчувствовался, что слёзы сначала стали просто душить меня и не давали мне говорить, а потом они просто хлынули ручьём. Еле-еле я дошёл до места в моём «спиче», где молитва должна была быть произнесена по-русски. Тут я попросил мою Татьяну, стоявшую рядом, прочитать молитву. Жена оказалась эмоционально более устойчивой и спокойно справилась с текстом.

... Через два часа мы уже пересекли границу между Свазилендом и Южной Африкой и рулили по крутой горной дороге по направлению к столице Северного Трансвааля городу

Питерсбургу, где я получил место в хирургическом отделении после успешной сдачи экзаменов в Медицинском Совете ЮАР.

Письма русского буш Хирурга

*Пишу для счастья, не для славы,
бумага держит, как магнит,
летит перо, скрипят суставы,
душа мерцает и звенит.*

*И что сравнится с этим мигом,
когда порыв уже затих
и строки сохнут? Вялый ветер,
нездешний ветер сушит их.*

Игорь Губерман «Обгусевишие лебеди»

Автобиография

Мне 65 лет... Принимаю поздравления!

В своей на зависть блестящей автобиографии Миша Клячкин, в прошлом советский кардиоторакальный хирург и доктор медицинских наук, а ныне американский частнопрактикующий хирург, писал, что его прадедушка, угнетённый российским антисемитизмом по причине своей некрещёности, действительный статский советник, был автором учебника латыни для студентов-медиков.

В очередной эмигрантской перепалке этот гениальный внук гениального деда бросил мне:

– Ах, я сейчас расплачусь по поводу твоего пролетарского происхождения!

1. Происхождение

Нда-а-а... Мне с этим делом просто не повезло – никакого национального угнетения. И даже более того – никакой связи с пролетариатом.

Моя мама – темноволосая красавица Мария – родилась в Астрахани в семье кожевенных дел мастера Василия Хаперского (возможно, «Хоперского» – с реки Хопер?). Мой отец, Дмитрий Петрович – из семьи мелких торгашей Рындиных села Поим, Чембарского уезда, Пензенской губернии.

Рындиных по Поиму было много, но за семьёй моего отца была закреплена ещё и уличная фамильная кличка «Гусаровы». Не буду строить спекуляций по поводу происхождения официальной фамилии и уличного прозвища семейства моих предков, отмечу только, что они мне по душе: и рынды, и гусары – боевой народ.

Вероятно, в силу зова крови своих воинственных пра-пра-пра-мой отец записался в смутные годы гражданской войны в школу красных командиров. Однако русские гусары известны своей доблестью не только на полях сражений, но и в застольях. Именно эта часть наследственного гена порушила отцу блистательную военную карьеру – за пьяную драку с сельским священником Дмитрий Петрович Рындин получил свой первый срок.

Голод выгнал мою мать с тремя детьми из Поима на поиски работы в столице. Отец появился позже, после двух отсидок – зачал меня, а вскорости был призван в Красную Армию, с которой прошёл всю войну.

С подходом гитлеровских войск к Москве моя героическая мать опять, на этот раз уже с четырьмя детьми, меняет место жительства – её отправили в эвакуацию.

Это странное слово вошло в моё детство с большой буквы – Эвакуация. Собственно говоря, эвакуацией было просто возвращение матери в Поим, где мои сёстры и брат работали на колхозных полях за голодный паёк. В поисках дополнительного их подкорма моя мать обходила окрестные деревни и сёла с ручной швейной машинкой за плечами, подрабатывая в роли портнихи – янихи⁴.

Истинный героизм этой женщины я оценил много позже – из пьяных рассказов моей тетки Мани:

– Мать твоя ради куска хлеба исхаживала многие вёрсты по расквашенным весенним раздопольшам дорогам, иногда по пояс в ледяной воде.

Все вышесказанное – сведения из устной семейной хроники. А моё самосознание начинается с обрывочных картинок:

– в бревенчатом доме у большой русской печи мать вручает мне тарелку с блинами, которые я несу в горницу сидящему на табуретке плачущему сморщенному старичку – моему деду;

– холодный стальной тамбур железнодорожного вагона – возвращение из эвакуации;

– дымящая двухконфорочная плита-голландка в большой, на три семьи, комнате барака «Мосжилстроя» – Москва (!);

– огни салюта и круговерть прожекторов в тёмном небе – Победа (!);

– появление в дверном проёме комнаты ладного и выбритого мужчины в гимнастёрке и шинелью в руках – возвращение отца с войны.

Древнее село Кожухово, стоящее на высоком берегу Москва-реки, было набито различных ведомств бараками и их многонациональными обитателями – русскими, цыганами, евре-

⁴ Другое загадочное слово из моего детства – я его не нашёл даже в словаре Даля. Портниха – яниха – портниха, занимающаяся перелицовкой верхней одежды. Не уверен, что мои дети поймут значение мудрёного слова «перелицовка».

ями... Наш барачный быт более всего был сходен с описанием поэта-песенника⁵ Владимира Высоцкого: «... система коридорная – на 38 комнаток всего одна уборная».

И мне ничего лучшего не добавить к песенным стихам Высоцкого про наших идолов того времени – «воров в законе», про «толковища до кровянки», про то, что наши коридоры закончились «стенками» для некоторых их обитателей. Здесь прошли все мои школьные годы – с первыми, вымученными во время классных уроков, стихами, с воспитательным увлечением театром, с первыми жаркими поцелуями.

Любке Хейман я не посвящал и не читал своих ужасных стихов – они почему-то доставались Лидии Кисиной, отличнице – комсомолке – конькобежке и правильной во всех отношениях девочке с плоскими грудью и задом и кривоватыми ногами.

У смуглолицей Любки была головка Кармен, большой улычивый рот с морщинками коричневой выкладки губ, горячие пиалообразные груди и обжигающие бедра. В то пору официально благословлялись только бальные танцы, но наши бедра нашли друг друга в танго и фокстроте в пыльных кожуховских дворах, куда эти возбуждающие мелодии свободно изливались из выставленных в окна радиол. После этих уличных танцев мы застревали с Любкой в каком-нибудь тёмном закоулке, где целовались часами.

Наша страсть протекала вполне невинно – кроме неограниченного числа поцелуев, мне разрешалось не слишком сильно тискать Любкины груди, ниже пояса руки не допускались. К её бедрам можно было только прижиматься. Таков был регламент тогдашнего возраста. Однако и того вполне хватало для обоюдного ухода в неземное блаженство, когда вся кровь убегала в междуножья, где моя непочатая плоть непрерывно пульсировала и мокрила мне трусики, а мои скромные тестикулы к концу нашего свидания превращались в свинцовой тяжести болезненные яйца.

⁵ Пояснения такого рода я должен делать для своих детей, Дениса и Ксении, которые, возможно, и не знают Высоцкого.

Так непочатым я и закончил школу. Наши бараки пошли на слом, и мы получили сказочную комнату в коммунальной квартире нового большого дома по Университетскому проспекту, на Ленинских горах. Туалет, ванная с горячей водой, мусоропровод – это же почти коммунизм, который и сам, по словам Никиты Сергеевича Хрущёва, был вот-вот на подходе!

Московский международный фестиваль молодежи и студентов 1957 года залечил мои страдания по поводу неудачной попытки пробиться в звёзды советского драматического театра и открыл мне практическую полезность английского языка.

С приближением 1 сентября 1957 я чувствовал себя всё отвратительнее – что делать в жизни? Пролетарской романтики хватило только на три месяца трёхсменной работы на автозаводе – после ночного выпрессовывания лонжеронов для автомобилей марки «ЗИЛ» сил на стихи уже не оставалось. Стала очевидной необходимость поступления в институт. В какой? И хотя у меня никогда не было проблем с математикой, мозги были настроены на гуманитарный лад. Однако, как показали доклады Хрущёва, история и литература были слишком подвержены политическим веяниям.

Мне показалось, что медицина должна быть политически независима – болезни буржуев и пролетариев протекают одинаково во все века. Я бросил завод и сел за учебники.

Конкурс во 2-й медицинский институт Москвы в 1958 году был приличным – на одно место претендовали семь абитуриентов. Я сдал на пятерки экзамены по физике, химии и английскому языку, но получил тройку за сочинение – всю жизнь страдал плохим знанием русского письменного языка. Однако набранные 18 баллов были вполне приличны на фоне общего уровня знаний абитуриентов.

И вот здесь я впервые столкнулся с порнографическим аспектом медицины: в 1958 году впервые страна отдала преимущество при зачислении в ВУЗы абитуриентам, отслужившим в армии. Вчерашним солдатам и матросам для поступления в институт было достаточно набрать 12 баллов из двадцати.

Со справкой об отметках на вступительных институтских экзаменах я отправился в Сокольники и был принят в медицинское училище № 19 при психиатрической больнице им. Ганнушкина, находившейся в Потешном переулке, у Матросского моста через Язу-реку, вблизи Преображенской площади. Господи, какой музыкальный набор слов, пахнущих русской историей!

Первым занятием в медучилище была микробиология, где умнейшая Анна Ефимовна Аптекарь не только открыла для меня волшебную книгу Поля де Крюи «Охотники за микробами», но и предсказала моё будущее:

– Ну, вы, конечно же, не остановитесь на медучилище!

Мои старые и больные родители едва-едва зарабатывали на скудный кусок хлеба лифтами в нашем же доме, все трое мы держались за счёт помощи брата Юрия и сестры Нины. Даже моей повышенной стипендии в медучилище хватало только на плату за проезд с Ленинских гор до Сокольников и сигареты. Я устроился ночным санитаром в приёмном отделении 1-й Градской больницы, где такой же несостоявшийся студент мединститута Гриша Цейтлин обучал меня мытью полов и открыл мне, что слово «Гастроном» «происходит от латинского «гаструм» – «желудок».

Феномен пятикратного поступления в мединститут очень башковитого Гриши Цейтлина меня озадачил. «Почему не взяли такого умного парня? Он про «гастроном» хорошо знает», – так я открыл вторую порнографичность медицины.

В приёмном отделении сердобольные ночные санитарки подкармливали нас с Гришей утаёнными от больных порциями ужина – я в ту пору постоянно хотел есть.

Чуть ли не в первое наше совместное с Гришей дежурство нам явилась третья порнографичность медицины в облике терапевта – толстогубого еврея с многовековой тоской в глазах:

– Зачем вы идете в медицину, ребята? Я бы сейчас ни за что не пошёл... Я делаю обход больных и считаю про себя – этот помре..., и этот помре..., и этот...

Для полноты загрузки я поступил на вечерние двухгодичные курсы английского языка. Помимо естественной постоянной потребности что-то поесть, у меня была такая же естественная постоянная потребность плотской любви, с этим делом в те годы не было проблем – раннюю молодость мою украсила внушительная интернациональная галерея девушек, с которыми безумными ночами я измерил ногами половину Москвы. И как я на всё это умудрялся находить время?

В 1960 году меня призвали в армию и направили для тренировки в учебный медико-санитарный батальон в Риге. В столице Латвии я познакомился со звучанием органа Домского собора и с её гарнизонной гауптвахтой.

По окончании учебного медсанбата мы прошли практику в сказочном городе Таллинне, где светлыми июньскими ночами Иоэлит Пац водила меня по Вышгороду, а затем под сенью яблонь в саду своих родителей превращалась в библейскую Суламифь. «Будь моим Соломоном!» – жарко шептала она, прикусывая мочку моего уха. Я, как мог, старался обиходить её виноградник, но до библейского царя мне было далеко.

Год службы в разрушенном войной Кенигсберге пролетел незаметно благодаря могиле Канта, к которой на поклон каштановыми аллеями меня водила учительница русского языка и литературы Зарифа Бацакашвили. Здесь мне посчастливилось быть представленным известному всем служилым округа тех лет военному коменданту гарнизона под кличкой «Полтора Ивана»:

– Ликер («Старый Томас» – подарок друзей из Эстонии) разбить, сержанту – 15 суток!

На приобщение к славе знаменитых людей мне везло – в Ленинграде я был удостоен чести отсидеть 10 суток «губы «в камере, где сиживал знаменитый Валерий Чкалов». Но задолго до этого исторического события в строю первокурсников морского факультета Военно-медицинской академии им. Кирова я колотил матросскими прогарами по брусчатке ул. Лебедева у

Финляндского вокзала и промышлял очередное письмо своей маме: «Дорогая мамочка, я не уверен, что стану профессором, но уж кандидатом-то наук я точно буду...»

Почти 90 % набранных в тот год слушателей военно-морского факультета составляли служащие (от рядовых до младших офицеров) армии и флота, из которых было четыре ленинградца и два москвича. Судьба в очередной раз продемонстрировала причудливость своих зигзагов: одним москвичом был я, а другим – Олег Терешенков, с которым четыре года до того мы начинали медицинскую карьеру в медучилище в Потешном переулке у Матросского моста на Преображенке.

Страна всё ещё наслаждалась хрущевской оттепелью, и мы жадно бросились в культурную жизнь Ленинграда. В БДТ у великого Товстоногова блистали Полицеймако в роли Эзопа («Лиса и виноград»), Юрский в «Горе от ума». Наши огрубевшие солдатско – матросские души млели от мягких голосов Майи Кристалинской и Эдиты Пьехи. Махмуд Эсамбаев своим «Портняжкой» заставлял мурлыкать «Фреликс» самых махровых антисемитов. Смоктуновский в роли князя Мышкина в спектакле «Идиот» открывался миру и нам. Лектор Вайкоп вводил нас своими удивительными лекциями в прекрасный мир классической музыки и балетных этюдов на темы Родена. Рецептор «Маленьким принцем» Антуана де Сент-Экзюпери возвращал нас в невинное детство. У каждого слушателя факультета был свой гид-проводжатый во время таких культпоходов. Елена Тиграновна Джаракьян, «Джара», была гидом моей золотой ленинградской молодости.

В ленинградской ВМОЛА им. С.М. Кирова начался мой поход в Африку.

Неизбежность крутых перемен в жизни мне предсказала мама моего друга по курсу, Лёшки Загорина: «Слава, а ведь вы не остановитесь на академии».

Лёшкина мама была святой женщиной: ударами своих неутомимых пальцев по клавишам старенького «Ремингтона» она не только выбивала рубли на прокорм трёх сыновей, но и нечто разительное из Марины Цветаевой: «Не в первый раз в твоих соборах – стойла. Всё вынесут кремлевские бока».

Предсказание этой женщины воплотилось появлением в академии группы военных кадетов из Ганы – самой первой страны Африки, освободившейся от колониализма. Я продолжал изучение английского на курсах в доме офицеров и просто не мог упустить такой шанс для практического применения своих скромных знаний. Мы с посланцами таинственного континента подружились.

В один из тёплых дней золотой осени ленинградцы были удивлены появлением на водах одного из многочисленных каналов города восьмивёсельного яла с лиловыми неграми в роли гребцов и белым парнишкой в бескозырке, распеваящего слова команды: «И-и-и – раз! И-и-и – раз!» Мы кое-как добрались до Большой Невы, на быстром течении и высоких волнах которой я немного струхнул: «Они же меня утопят, черномазые черти!»

В другой раз я повёл моих ганцев на «Аврору» – корабль-музей, начальником которого был герой книги А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «кавторанг» (мы приглашали его в организованный мной в нашем общежитии «Пироговский музей» клуб интересных встреч).

О моём общении с африканцами было доложено «куда надо». Начальник особого отдела академии удовлетворился моим объяснением интереса к англоговорящим парням:

– Изучаю язык.

– Давайте-давайте, продолжайте – вы нам поможете выявить среди них английских разведчиков.

– Буду стараться, товарищ полковник!

Я постарался... Однажды стояли мы караулом по охране факультетских шлюпок. Настало время ужина, и мы с моим приятелем Вадимом Сазоновым отправились в гости к ганцам.

Ганцы встретили нас очень приветливо: двухметровый лиловый Дэвис тут же поручил своему сожителю по комнате недомерку Мутуакилу ебун⁶ Идрису сбежать за бутылкой бренди.

– Ебунчик, и бутылку водки – вот тебе деньги! – Слушатели академии не могли себе позволить пить на халяву за счёт угнетённых чернокожих.

Я не знаю, что было у Дэвиса на уме, когда он стал наливать всем троим по полному стакану смеси бренди и водки, но мы с Вадимом не дрогнули и даже не закусили – «После первой не закусываем!»

⁶ – Когда Мутуакилу впервые мне представился своим полным именем, я переспросил:– Простите – ибн Идрису?– Нет, – набычился Мутуакилу. – Ебун Идрису! Ну, хорошо – ебун, так ебун. Наши девки быстро разберутся с этим делом.

Через пять минут Дэвис повторил маневр, и я подумал: «Выживу ли я?»

Когда ещё через пять-десять минут остекленевший Дэвис опорожнил обе бутылки в наши стаканы, я подумал: «Тут раненых не будет...» Опорожнил стакан в глотку и через несколько секунд выбрался в туалет, где нехитрым приёмом с помощью двух пальцев переправил несколько фонтанов ценного продукта из моего желудка в систему городской канализации.

По дороге в караульное отделение нас остановил патруль офицеров нашей академии:

- Откуда бредёте, товарищи слушатели?
- Да мы тут, понимаете, английских шпионов выявляли...

Меня и Вадима Сазонова с треском выгнали из комсомола и академии и сослали дослуживать срочную службу в Кронштадт.

2. Нкози, сикелела Африка

Через полгода-год я пришел к проректору 2-го Московского мединститута с академической справкой, где стояли одни пятерки и приписка – «Исключён из академии за нарушение воинской дисциплины».

– За что выгнали – за пьянку?

– Так точно, товарищ профессор!

– Наш человек! Возьму, приходи первого сентября.

Студенты Московского мединститута поразили меня игрой в карты на лекциях и убогостью своих разговоров на перекурах между лекциями – где и сколько кто выпил, кого и когда кто трахнул... Как это отличалось от атмосферы лекционных залов ВМОЛА! Ещё один порнографический аспект медицины?

В толпе студентов третьего курса помимо меня был и ещё один новенький – высокий худой и бледный парень с чёрной курчавой бородой и в тёмных очках.

– Откуда вы? Я – Рындин, Слава Рындин.

– Из Анголы. Антонио Жозе Миранда.

Мы с Тони подружились, стали вместе заниматься хирургией у ассистента кафедры Б.Д. Савчука. (С 1976 года Борис Дмитриевич – научный руководитель по хирургии Центральной клинической больницы, а с 2001 года – хирург-консультант ЦКБ. Скончался в 2004 г.) Предсказания ленинградской машинистки Закориной продолжали сбываться...

Ассистент кафедры общей хирургии 2-го ММИ им Пирогова Б.Д. Савчук (в центре) со своими кружковцами Антонио Тозе Миранда и Славой Рындиным (1967)

Много лет спустя: Антонио Тозе Миранда, генерал медицинской службы армии Анголы – (Unitas Hospital, Pretoria, 2010)

Ассистент Савчук добился от своего профессора автоматического выставления мне «отлично» за курс общей хирургии без экзамена. Не думаю, что я чем-то заслужил такую честь. Просто Б.Д. Савчук выдал мне аванс на будущее. Возможно, что сам Господь Бог действовал через ассистента, подготавливая меня к миссии в Африке.

На комиссии по распределению выпускников нашего курса меня заприметил новоиспечённый руководитель отделения торакальной онкологии НИИ онкологии им. П.А. Герцена Анатолий Иванович Пирогов. Под руководством этого человека за пять лет я выучил несколько операций и защитил кандидатскую диссертацию.

С этим скудным багажом мне (по большому благу) посчастливилось устроиться врачом советского посольства в Республике Нигер.

В сентябре 1974 года отворилась дверца «Боинга» компании «Эр-Франс», я обжёг свои лёгкие раскалённым воздухом Сахеля и ступил на красную землю, приветствующую меня возгласами уличных мальчишек:

– Бонжур, месье лё доктор! Бон арриве! Дон муа кадо – сан франк! (Привет, доктор! С прибытием! Гони подарок – сто франков!).

Я отвалил в каждую из трёх протянутых ко мне мальчишеских ладошек по 100-франковой монетке.

Господи, я, оказывается, не «ну, ты – бя!», я – месье!...

О, Боже, я люблю эту землю – я готов жить на ней всю жизнь!

В 1982 году я прибыл в Луанду, столицу разорённой гражданской войной Анголы, где меня опять приветствовали уличные дети:

– Бон диа, сеньор доктор! Бьенвенидо! Да ме пао...

(Добрый день, сеньор доктор! Добро пожаловать! Дайте мне хлеба...)

В день своего рождения, 26 ноября 1992 я пересекал границу Намибии и ЮАР, где стражник бур колыхнул своим огромным животом от удивления:

– Рашн? Уилкам, сэр!

Во время моего первого прихода в хирургическую палату госпиталя имени Ралей Фиткин миссионерской станции церкви Назарен в Свазиленде смешливые чернокожие девушки приветствовали меня на си-свати:

– Саабона, докотела!

Пятью годами позже меня приветствовали уже на соту:

– Тобела, рахулу!

В Африке я провел более половины из 38 лет своей врачебной деятельности.

В августе 2000 года я прилетел в Москву с тайной мыслью: «Может, мой сертификат хирурга высшей категории, моя докторская диссертация, моя сотня публикаций, мой русский и африканский опыт, моё знание двух иностранных языков пригодятся моей стране, и я смогу найти свою нишу на Родине?»

Однако в первой же университетской клинике столицы на меня жёстко взглянули:

– Хотите честного ответа? Для вас в 60 лет здесь нет никаких шансов.

Больше я не думаю о возвращении в Россию, я нашёл свою нишу в стране, которой я нужен.

Однако не следует понимать слово «ниша» с крысиным подтекстом – «Я нашёл свою сытую нишу в одной из дырок ломтя швейцарского сыра». Африка, безусловно, хорошо оплачивала мой напряжённый труд – это дало мне возможность поставить на ноги моих собственных детей и заманить из России и Украины коллег, которые пребывают здесь под кличкой «дети Айболита».

И своим родным детям, и завезённым-по-случаю-приобретённым я всё время пытаюсь объяснить, что Африка – это правильное место испытания для настоящего мужчины.

Если согласиться, что для хирурга Хирургия – его Бог, то можно сказать, что я обрёл этого Бога в Африке. Да, да – в России я получил все самые высокие профессиональные дипломы-сертификаты-аттестаты, а хирургом стал только в Африке. При этом хочу подчеркнуть, что начал заново учить медицину и хирургию в Африке в возрасте 53 лет, сдал экзамены на юаровского зауряд-врача⁷ (с четвёртого захода) в возрасте 57 лет, экзамены на юаровский хирургический сертификат – в 59 лет, а вот почувствовал себя хирургом только в 65... Теперь, полагаю, коллеги поймут, почему я с большим удовлетворением и душевным трепетом мурлычу первую строку юаровского гимна: «Нкози, сикелела Африка»... («Боже, благослови Африку...»)

Аминь.

⁷ Зауряд-врач – (правильно: «зауряд-военный врач») аналог воинского звания для наименования зауряд-военно-медицинских чиновников в Российской империи. Звание зауряд-врача присваивалось студентам 4-го и 5-го курсов мединститутов, медицинских факультетов университетов и Императорской военно-медицинской академии с 1894 года при назначении к исполнению должности младшего врача при мобилизации войск и в военное время. В шутку назывались «навряд-врачами». Погоны зауряд-врача самого низшего, II разряда имели большое сходство с погонами капитана. Благодаря этому чисто внешнему обстоятельству мобилизованный студент-медик приобретал существенный вес в военной среде. Самые яркие примеры – карьера заместителя председателя Реввоенсовета Э. М. Склянского и комиссара Ярославского военного округа С. М. Нахимсона. Звания «зауряд-военный врач» и «зауряд-военный фармацевт» были отменены 23 января 1918 года приказом Народного комиссариата по военным делам РСФСР. **Зауряд-врачи в СССР – В 1941 году в связи с Великой Отечественной войной студенты старших курсов высших медицинских учебных заведений были выпущены зауряд-врачами.**

3. Дакар

В 1974 году я с удовольствием защитил свою кандидатскую диссертацию. По этому поводу полагалось устроить большую пьянку для сослуживцев – легко понимаемая традиция (в России даже ничтожный повод не обходится без выпивки, а тут такое!), но тяжело поднимаемая многими соискателями учёных степеней никчемная финансовая обуза. На моё счастье, за три недели до защиты у меня появился интересный пациент – инспектор винодельческих совхозов Молдавии. На его попытку всунуть мне конверт с деньгами я сказал: «Для вас и без денег нет проблем с госпитализацией – у нас не так уж много больных, которым можно ещё выполнить операцию». Инспектор привез мне три 10-литровых бутылки молдавского вина: всемирно известный портвейн «Букет Молдавии», великолепное белое вино и совершенно сказочное красное вино – только один хлюп его наполнял рот нескончаемым ощущением чёрной виноградной кожуры. Во время банкета мужики нашего отделения, почитатели коньяка, отдали предпочтение молдавским винам. Коньяк, правда, позже тоже прикончили, но водку оставили непечатой.

На фоне процветающего в советском медицинском мире ханжества и спеси одних, прихлебательства и угодничества других, трудно себе было придумать более глупые речи и тосты во время застолий по поводу защит медицинских кандидатских и докторских диссертаций. После того, как дверь нашей квартиры захлопнулась за спинами наших кавказских аспирантов, уносящих отяжелевшее тело профессора Пирогова, моя жена припечатала: «Боже, какой же убогий мудак ваш шеф! И вы все – такие же мудаки».

С получением диплома кандидата медицинских наук моя зарплата увеличилась на целых 10 рублей – одна бутылка самого дешевого коньяка стоила 8 руб 12 коп.

Через генерала КГБ, милейшего и мягчайшего дяди моей жены, который обожал шахматы, но довольно слабо играл в них, я стал оформляться врачом посольства СССР в дальнем забугорье. Мне были предложены – Индия, Новая Зеландия и Нигер. Господь прошептал мне: «Бери Африку – там твоё будущее».

Первым на жаркий⁸ континент отправился я.

В отделе кадров мне навязали два «подарка»: «Ты по-английски говоришь. Вот – под твою ответственность».

Первым подарком была Ирина, обладательница сильно заштукатуренного прыщавого лица, дочка какого-то маститого работника МИДа СССР, выданная за самого молодого дипломата посольства СССР в Ниамее Сашу Р. Эта безгрудая и костлявая жена Александра была выпускницей МГИМО; с первого момента знакомства в ней чувствовалось – бабенка капризная и вздорная. Весь долгий перелёт от Москвы до Дакара она мучила меня какими-то МИДовскими сплетнями, которые мне, обыкновенному совку, было просто не понять.

Вторым «подарком» были три наших технических кгбэшника, которые ни слова не знали ни по-английски, ни по-французски.

Наконец миновала ночь, и рано утром мы приземлились в Дакаре. Вот она, Африка!

Нас поселили в сказочном отеле «Меридиан» на берегу океана. Породистая Ирина панически страшилась говорить на английском языке, которому её долгое время обучали в МГИМО:

– Слава, попроси их разбудить меня в 6 вечера.

– Ирина, ты же в тысячу раз лучше меня знаешь английский!

⁸ Много позже жена пилота из Сыктывкара мне рассказывала: «Меня муж вызвал – прилетай срочно! Я ему звоню в ЮАР по телефону нашего бухгалтера: Вань, а что из одежды брать? Та-а-ак, записываю... свитер, шерстяные носки... теплые верблюжье одеяло...» Бухгалтер не выдерживает: «Ты из меня дурочку-то не делай! В Африку едут, да ещё в южную! – одеяло им, видите ли, тёплое верблюжье!»

С кгбэшниками не было проблем:

– Мужуки, я сметаюсь, посмотрю город, ага?

– Вали! – ответили мужуки.

На базаре Дакара я рыскал в поисках сувениров. Меня в Москве натаскивали: «Чёрные торговцы с туристов запрашивают втридорога. Ты сразу предлагай свою цену – в два раза ниже». По всей видимости, торговцы сувениров быстро раскусили нехитрую тактику русских туристов – и стали просить за свои деревяшки, вымазанные гуталином (под эбеновое дерево!), в пять раз больше. Я купился – приобрел какой-то кусок тяжелой чурки за десять долларов.

Сенегал – мусульманская страна, а рынок в Дакаре – классический восточный (в данном случае – африканский) базар. Горы товаров. Горы пряностей. Горы сушёных кузнечиков.

Доброжелательные торговцы – такого никогда не встретишь в России. Торговля – это не «купля-продажа», это социальное общение. Нельзя отваливать за интересующий вас товар немедленно запрошенную сумму денег – этим вы оскорбите продавца, потеряете его уважение. Продавца нужно поприветствовать, спросить о том, о сём, потом спросить цену товара... потом опять про то, про сё... потом поторговаться.

– Салам алейкум, почтенный Саид!

– Вагалеюкум салям, досточтимый.

– Как ваше драгоценное здоровье?

– Моё презренное здоровье хорошо, слава Аллаху!

– Как ваш папа... мама... дети... скотина... жён?

– Слава Аллаху! Между прочим, сколько стоит этот кусок дохлятины?

– Этот царственный барашек стоит 300 франков за 1 кг.

– А как процветает ваш бизнес? Как то...? Как сё...?

– Слава Аллаху!

– Я могу вам предложить 100 франков за 1 кг.

– Бла-бла-бла...

– Ну, максимум 220 франков...

– Дон л'аржан! (Давай деньги!)

Нет, россияне, вы должны посетить африканский базар!

Кстати, на базаре у вас могут запросто свистнуть из кармана кошелек, но вот если поторговались с бродячим торговцем и сошлись в цене, например 100 франков за корзину апельсинов, вы можете дать ему 500 франков и спокойно ждать, когда он принесет вам сдачу. Не помню случая, чтобы кто-то удрал с моими деньгами. Так было в 1974 году. Не знаю, что сейчас с нравами на этих базарах.

Я слонялся по базару, жадно пожирая глазами невиданное до этого зрелище. Прохожу мимо очередной лавки и чуть задерживаю свой взгляд на разложенных товарах – хозяин моментально бросается ко мне:

– Спаниш? Ноу? А-а-а...! Саша! Заходи!

На базаре всех русских торговцы окрестили Сашами...

В Африке в ту пору русский знали дольно много африканцев. Наш дипломат в Дакаре рассказывал:

– Тут в одном магазине наши рыбаки покупали что-то, а потом заторопились к выходу. Один рыбак принялся что-то с интересом разглядывать. Ему приятель кричит: «Вась, пошли... Брось ты тратить деньги – хуйня это!» Сидящая за кассой высокая представительная африканка поворачивается и говорит: «Ну, почему же хуйня – очень хорошая вещь».

Я вернулся из Дакара в отель на берегу океана с темнотой. Ирина читала книгу около бассейна, а кбэшников не было видно ни в номере, ни в баре. Я обнаружил моих «специалистов по сельскому хозяйству» в ресторане, где гремела музыка и выступал сенегальский балет – там «топлесс»-девочки демонстрировали своё искусство крутить титьками в разные стороны.

– Ребята, кто за всё это, – показал я пальцем на уставленный винными бутылками стол, – будет платить?

– Доктор, верь нам – «Аэрофлот» платит за всё!

Да, это было золотое время, когда во время пересадки «Аэрофлот» оплачивал проживание в отеле типа «Меридиан» и трехразовое питание с вином. Виски, правда, не оплачивали.

– Летаем только самолетами «Аэрофлота»! – проорал я. – Наливай!

Потом мы с «мужуками» танцевали с девочками из сенегальского балета...

Я присел перевести дух у бассейна.

– Месье, угостите меня пивом, – обратилась ко мне довольно смазливая лиловая девочка. Шестым чувством я угадал в ней представительницу древнейшей профессии. «Так вот они какие!» – сердце моё затрепетало. Сделав вид пресыщенного богатого француза я спросил:

– Сколько же ты берешь за свои услуги?

– Труа миль франк. («Двенадцать долларов!») – быстро прикинул я в уме).

– Неплохо...

– Но я делаю всё, – быстро вставила девушка.

– Прекрасно... но как-нибудь в другой раз! – я попросил гарсона принести ей пива и опять ринулся в пляс с танцовщицами балета.

На следующее утро мы покинули Сенегал. Лиловенькие девушки ворковали над нами, а динамики роняли какие-то неземные названия: «Мадам э месье, ну завон арриве а Уагадугу... Бобо-дуоласо... а Ниамей...»

4. Ниамей, Нигер

Если воздух Дакара запомнился мне жарким – липким – гниловатым, то воздух Ниамея был сухим и пугающе жарким – плюс 46 градусов по Цельсию в тени!!! В машине было невозможно открыть окно – рот моментально пересыхал, и наступало удушье.

Мне отвели квартиру, где окна не имели стёкол – только жалюзи. От предыдущего доктора мне досталась собака по кличке Бим – волк, уменьшенный в два раза. Жуткий расист – прыгал на черных до уровня глотки, но только пугал – никогда никого не укусил. Идеальная собака. Мы ходили с ним пешком по берегу Нигера, переправлялись на другой берег на лодке и возвращались по мосту. Лодочник всегда дрожал от страха:

– Месье, если ваша собака меня укусит, я тот же час умру.

В первый же вечер меня потащили в бар отеля «Терминус», находившийся в десяти метрах от моего дома. Там были та-а-а-акие шикарные проститутки, что я писал в Москву: «У местных проституток умные и одухотворенные лица профессоров. У некоторых наших профессоров тоже лица проституток... но не африканских – вот досада-то!»

Когда-то в армии я протучал многие часы в домино, а в посольстве СССР в Нигере все советские люди – от последнего коменданта до посла – убивали многие часы своей жизни в этой отупляющей игре.

Ещё мы пели... Любимая песня посла: «Ты ж мене пидманула».

Как врач, я пользовался, вероятно, наибольшей свободой передвижения. Меня знали во всех магазинах, лавках, ресторанах и барах маленького городишки. Я мог поесть-попить и сказать хозяину:

– Простите, я забыл кошелёк дома – занесу деньги завтра.

– Иль нья па де проблем, месье! (Нет проблем, месье.)

Если я обнаруживал случайно приглянувшуюся мне золотую безделушку в золотой лавке, я брал её со словами:

– Покажу жене, ага? – никогда не было возражений.

Но вот приехали русские футболисты. Мне поручили показать им город. Я провел одну группу футболистов по золотым лавкам – тогда грамм золота стоил 1 доллар США. Вернулись в отель. Другая группа спортсменов загорелась пошарить по лавкам. Пошли. Пошарили.

Сначала один хозяин золотой лавки мне говорит:

– Месье, один из ваших людей взял у меня кольцо и не заплатил...

Потом другой:

– И у меня...

Спортсмены спокойно говорят:

– Да мы даже знаем, кто эти кольца взял...

Быстро идем в отель. Говорю тренеру:

– Ребята должны извиниться под соусом: «Мы думали, что запрошенная цена включала и эти кольца» и заплатить за кольца.

– Ок...

Возвращаемся в золотые ряды. Меня встречает третий торговец со словами:

– Месье, у меня золотые вещи пропали!

– ??? – обращаюсь к спортсменам.

– Ага! – говорят...

– Платите!

– Доктор, вы уж послу не говорите... – просит тренер.

– Поздно, завтра весь город будет знать.

– Отправить их всех на нашу базу отдыха на берегу Нигера и держать там до отлёта самолёта, – распорядился посол.

В Ниамее врачевал хирург с Украины Полинкевич:

– Слава, я тут встретил чёрного парня, который работал в нашей миссии в столице Мали Бомако. Тебе «бой «не нужен?»

«Боя» звали Мусса. Он был хороший работник, но не имел жены.

– А что ты один? – спросил я Мусу.

– Денег нет купить жену.

– Сколько стоит жена?

– Стоимость мешка риса... – «Сорок долларов», – прикинул я.

Муса действительно был старательный парень – я купил ему жену за 40 долларов.

Вместе с супругами Полинкевичами по линии Красного Креста СССР в Ниамей приехала работать молодая женщина педиатр из Воронежа. Наш чёрный посольский шофёр Муса, с которым у нас были чудесные отношения, сказал мне:

– Доктор, французские женщины иногда спят с чёрными мужчинами, но никогда не спят с садовниками. Ваша доктор спит с садовником – нехорошо.

Воронежская докторица забеременела. В мусульманском Нигере аборт запрещен, она стала отпрашиваться у посла домой на месяц. Я сказал ей:

– Коллега, зря вы так... Мы бы всё организовали тихо и мирно – у меня хорошие отношения с польским хирургом, который устраивает такие дела нашим посольским женщинам. Из отпуска в Ниамей она уже не вернулась.

Прибыл к нам новый шифровальщик. Он хорошо играл в волейбол и имел медаль «20 лет безупречной службы в КГБ». Через год он сбежал в США. Почему я тогда не сбежал?

Одним из самых замечательных развлечений для всех нас был «Гран марше» – «большой рынок», который все наши сотрудники звали «вонькой», но все мужики и женщины, включая жен дипломатов – кроме, пожалуй, жен посла и советника – закупали там старые вещи, завезённые из США по линии «Ненужное старьё для нищей Африки». По цене 1 доллар за штуку барахла можно было найти что-нибудь вполне приличное. Поляки отправляли в Польшу ящики линялых джинсов – самый писк! Я помню, что детские шерстяные свитерочки носили по очереди все трое наших детей. А уж индийские кофточки, рубашки и брюки мы там закупали охотно... Это можно было понять, учитывая, что моя (высокая!) зарплата составляла 500 инвалютных рублей (что-то под 650 долларов США), а у других сотрудников – недипломатов была много ниже. Тем не менее, технические работники успевали за год накопить на «Волгу», тогда как я не смог собрать даже на «Жигули». Посол просил меня проверять холодильники сотрудников: «Люди экономят на здоровье...» Я обнаружил, что макароны, которые я брал своей собаке, охотно покупали жены наших сотрудников.

Походы на рынок – весёлое развлечение. Вот наши женщины просят меня помочь им поторговаться при закупке фруктов и овощей:

– Почём пучок редиски?

– 50 франков. (20 центов)

– А *поркуя* 50 франков? В прошлый раз было 40?? Слава, скажи ему, пусть отдаст по 40! – я доплачиваю из своего кармана дискутируемые 4 цента.

Приёмы в посольстве СССР в Ниамее проходили довольно интересно – было много вкусной жратвы и вдоволь выпивки. Посол разрешал мне для пользы дела приглашать медицинскую общественность города – польских врачей и полковника медицинской службы французской армии. И поляки, и француз на халяву всегда набирались прилично. Один поляк как-то основательно накушался на приеме, но всё-таки напросился ко мне домой для продолжения. Тут он спёкся и уснул на стуле. Ко мне заглянул чёрный сосед по дому – я затащил его с его

красавицей женой для *чуть-чуть выпить*. Нашу выпивку скрасила лужа, побежавшая из-под поляка к выходной двери, – соседка хохотала до икоты.

Советские дипломаты во время приёма не пили – работали. Но когда иностранцы убились восвояси, то тут уж мы брали своё. Пили, пели, танцевали... Уже упомянутая Ирина однажды так набралась, что выдала своему мужу:

– А ты – вали, у тебя не стоит!

Если честно, то мне как-то даже стало жалко – не Александра, а Ирину: трудно представить себе мужика, у которого бы на её костляво-прыщавое существо – я не говорю «встало» – даже что-то пошевелилось.

Мы хорошо дружили с польскими врачами. Когда Марек Брониковский и его жена-француженка Мишелин приходили к нам, я ставил на стол литровую бутылку виски, сигареты, минеральную воду «Перье» – моя доброта объяснялась очень просто: все напитки и сигареты мы получали беспошлинно, то есть в три раза дешевле, чем в магазинах города. Я и жена пили мало, но поляк и француженка не уходили, пока бутылка не становилась пустой. Частенько где-нибудь в час-два ночи Марек говаривал:

– Слава, ну пийдем до «хи-фи»!

«Хи-фи» – это единственный ночной клуб в городе, где можно было потанцевать. И мы отправлялись туда на машине, которую Марек вёл, что называется, на «автопилоте». Обратного шли пешком. Чудесные безопасные времена в Африке...

5. Порнографическая хирургия

Приятель мой тогдашний, Миша Давыдов, говаривал:

– Это не хирургия, а порнография какая-то... – имея в виду дурное выполнение хирургической операции кем-либо.

Позже я открыл, что порнографической может быть названа не только выполненная «через задницу» операция, порнографическими были и некоторые наши профессора, целые больницы, система подготовки отечественных врачей, да и вся наша жизнь в СССР частенько смахивала на порнографию.

Про всю порнографию нашей советской жизни и советской медицины и писать-то – даже под интригующим названием «Порнографическая хирургия», достаточно скучно, а уж читать-то – тем более. Но это совсем не одно и то же...

6. Мои евреи: первое падение

*Вот Мотыле любит Риву,
Но у Ривы отец раввин.
А раввин говорит часто
И всегда об одном:
«Ей нужно большое счастье
И большой дом».*

*Так жалко, что сердце поет,
Воем, как паровоз,
Ведь если у Мотыле есть что большое,
Так это только нос...*

Иосиф Уткин

Глупо отрицать тот печальный факт, что в молодости мне больше всего хотелось просто жрать и, грубо говоря, физического женского тепла.

На новогоднем вечере медицинского училища толстушка Татьяна завлекла меня своими многообещающими глазами. Я стал высчитывать: «Татьяна живет у магазина «Москва» – в случае фиаско я доберусь до дома за десять-двадцать минут».

Меня в тот вечер очень красиво «лажанули». После первого поцелуя на лестничной клетке моя толстушка тяжело задышала и жарко прошептала мне в ухо:

– Пошли ко мне.

«Во даёт!» – успел я только помыслить, а Татьяна уже ключом открывала обитую чёрным коленкором дверь и таинственным жестом пригласила меня следовать за ней.

В прихожую из комнат доносились лишь звуки телевизионного концерта. Едва я снял своё на «рыбьем меху» пальтишко, дверь отворилась и нам открылось нечто, что по моим убогим представлениям могло конкурировать только с пещерой сорока разбойников из восточной сказки про Али-бабу.

Это была приличных по московским понятиям размеров комната, забитая на 90 % её площади добротной и красивой мебелью – столами-столиками-креслами-стульями-диванами и полными всякой ценной всячиной шкапами, все стены комнаты были укутаны коврами и гобеленами с картинами и часами поверх них. Центром комнаты был стол со скатертью-самобранкой, уставленной необыкновенными яствами: сервелад-сыр-с-большими-дырками-севрюга-чёрная икра-икра красная-мясо-мясо-мясо... Свет огромной хрустальной люстры только частью утопал в сказочных узорах мягких ковров, другая часть его отражалась от бесчисленных хрустальных ваз, фужеров-бокалов-рюмашек и, преломившись через золотое-рубиновое-или-просто-водочное содержимое последних, лениво поблескивала на мельхиоровых вилках-ножах-ложках... Как-то сразу мучительно захотелось просто сесть и пожрать всего этого великолепия.

Руководящим и интеллектуальным центром небольшой семейной компании являлась высокая брюнетка с классическими чертами лица и умными спокойными глазами.

– Танюш, проходите к столу, – после танцулек-то есть хочется. А это, наверное, Слава?

Она протянула мне свою ладонь с красивыми пальцами, украшенными многочисленными кольцами и перстнями.

– Мама, он мне всю дорогу рассказывал про Шолом Алейхема, читал Багрицкого. И ещё Уткина про какого-то там Мотыле... – закладывала меня Татьяна своей мамане.

Потом она повернулась ко мне:

– Моя мама – учительница литературы.

– Да-а-а? – недоверчиво пропела мама. – А вы что – еврей?

«Вот он – момент истины...» – подумал я и проглотил слюну. Но мне так хотелось жрать, что я не смог обмануть ожиданий литературной мамы и тут же продал своих русско-татаро-монгольских предков:

– Квартерон...

Через несколько дней Татьяна поймала меня в коридоре между занятиями:

– Приходи с друзьями в пятницу на обед – мама пригласила. Предки до воскресенья уезжают на дачу – на этот раз я *вознагражу твои желания*.

Я звоню своему приятелю Юрке с фамилией Бабыак, реально отражающей не только его сексуальную ориентацию, но и основной стимул к жизни:

– Юрка, живём! Имеем хату с пятницы на субботу! Интеллигентнейшая еврейская семья ищет мужа для своей дочери – я вхож в дом *на покушать* с правами потенциального жениха. Небольшое осложнение – нужны доказательства моей принадлежности к хорошему еврейскому обществу. Бабыак, в обмен на моральную поддержку, я тебе и твоей даме – кто там у тебя сейчас? – гарантирую не только отдельную комнату на всю ночь, там хо-ло-ди-и-ильник ломится от жратвы!!!

– Но у меня Ирина – она из старинного русского дворянского рода.

– Чувак, о чем ты говоришь? Твои древние предки никогда не были расистами. А уж эти – вообще приличные люди: папа директор гастронома и мама со знанием литературы, ничего общего с антимонархическими эсэровскими евреями-террористами. Ты там сделаешь пару аккордов на пианино «Берштейн», споешь им про Дуврлея-с-Доротеей – мама-с-папой заплачут навзрыд!

Юрка превзошёл мои ожидания. В какой-то момент я даже стал опасаться, что учительница литературы, очарованная приведённым мной еврейским вундеркиндом, никуда не поедет, и опять я буду вынужден утолять свой сексуальный голод только за счёт перераспределения крови от таза к желудку.

Как же мне было прервать явный перебор Бабыака?!

*Рояль весь был раскрыт,
И струны в нём дрожали,*

*Как и сердца у нас
В гостинной без огней...*

Тут я вспомнил о коробке из-под сигар, набитой оловянными солдатиками, подаренных мне Юркой.

У Бабыака было хобби, которое по силе своей даже перебивало любые его сексуальные порывы, – оловянные солдатки! Юрка изучал по старым книгам формы солдат европейских армий эпохи наполеоновских войн, сам рисовал воинов различных рангов, лепил формы и отливал солдатиков из олова, а потом терпеливо раскрашивал их. Он подарил мне с полусотню таких солдат несколько часов назад.

Ну, пианист, погоди...

В самый разгар затянувшегося вечера, когда мамин музыкальный восторг достиг уровня близкого к сексуальному возбуждению:

...Помнишь ли, милая,

*Ночи весенние,
Белых акаций
Гроздья душистые...*

Я раскрыл сигарную коробку, где на белой вате сверкали красками гусары-кирасиры-и-гренадеры:

– А сейчас, ещё одно чудо Бабьяка!

Юрка тут же захлопнул крышку пианино, а маманя свирепо зыркнула на меня своими очаровательными глазами и приказала мужу:

– Надо одеваться!

Содержимое холодильника директора мясного магазина, орошаемое шампанским, переселялось в наши ненасытные желудки... Сытость убаюкивалась великолепными музыкальными вариациями Бабьяка и блеском его оловянных воинов.

В этом хрустально-ковровом логовище было что-то до такой степени противоестественное... Но зато какие это были солдатики!

7. Хрущёвская оттепель

Была просто хрущёвская оттепель – до конца коммунистической зимы ещё очень далеко, но кто-то уже пробовал открывать литературные кафе, а возле памятника Маяковскому пытались читать стихи Осипа Мандельштама.

Стипендии студента медицинского училища хватало только на сигареты, на еду приходилось подрабатывать санитаром. Моим коллегой по ночным дежурствам в приёмном отделении Первой градской больницы был Гриша Цейтлин.

Цейтлин – фигура потрясающей целеустремленности. Гриша поступал в медицинский институт не менее пяти раз. После каждого провала он не разменивался на обходной путь к врачебной профессии через фельдшерское училище, который выбрал я, а вновь и вновь садился за школьные учебники, зарабатывая на жизнь мойкой полов и перевозом каталок с пациентами по длинным коридорам старых московских больниц.

Сейчас Григорий Янкелевич Цейтлин – доктор медицинских наук, заведующий отделением реабилитации Института детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Блохина, РАМН.

У Гриши был приятель – колченогий пьяница Серёга, который потерял свою ногу в венгерских событиях: тогда их называли «подавлением контрреволюционного мятежа». Серега пригнулся в небогатом доме врача-лаборанта – образованнейшей еврейской женщины, воспитывавшей в одиночку единственную дочь. Серёга просто-таки женил на себе глупенькую шестнадцатилетнюю Маринку, а для, как он говаривал, «снятия семейной напряжённости» представился маме «полужидком». Мама молча страдала за судьбу своего чада, но любовь, как известно, зла. Да и колченогий «козёл» был не из глупых: он подпитывал любовь впечатлительной девчушки к себе не только устрашающими рассказами о кровавых боях на улицах Будапешта, но и маленькими семейными литературными вечерами, где читались произведения советских авторов с еврейскими фамилиями.

Прикупив в ближайшем гастрономе шестигранную бутылку золотистого венгерского ликёра, я с большим удовольствием захаживал на эти вечера только ради «послушать чудесной прозы и поэзии еврейских авторов».

8. Суламифь

После окончания московского медицинского училища я в течение двух лет не имел права обучаться на дневном отделении института. Поступление на вечернее отделение биологического факультета МГУ не избавило меня от службы в армии – меня призвали и с дипломом фельдшера и направили в учебный медико-санитарный батальон в городишке Добеле под Ригой (Латвия).

После завершения годового курса обучения на санитарного инструктора нас разослали для прохождения практики по различным гарнизонам Прибалтийского военного округа. Мне повезло – я попал в сказочный древний Таллин в конце мая. Стояла чудесная погода и белые ночи.

Меня определили фельдшером в кадрированную дивизию Панфилова, Клочковский полк, в роту Александра Матросова. Нормальное состояние этой воинской части в мирное время было «сонное» – она должна была быть в постоянной готовности к «развёртыванию». Эту готовность поддерживали не более сотни солдат и сержантов срочной службы, несколько десятков разного ранга «сверхсрочников» и кадровых офицеров. Иногда часть «развёртывали» для учебных целей за счёт призыва «запасников» – солдат и офицеров. Вот в один из таких периодов жизни части я в неё и попал.

Единственной достопримечательностью дивизии, полка и роты, на мой взгляд, была идеально заправленная солдатская койка, над которой висел портрет Александра Матросова – солдата, бросившегося грудью на амбразуру пулемётного дзота, по словам советских историков, со словами: «За Родину! За Сталина!»

Я же был глубоко убеждён в том, что Саша мог броситься на пулемёт только со словами: «Ну, бляди!!!»

Призванных на несколько месяцев «запасников» одевали ужасно: «б/у х/б» (бывшие в употреблении хлопчатобумажные) гимнастёрки и безразмерные брюки-галифе, окрашенные в неопишемые цвета. Одетому в эту унижающую достоинство любого homo sapiens форму солдату/офицеру Советской Армии голову украшал потерявший форму убор цвета половой тряпки – пилотка. На ноги полагались кирзовые сапоги, восстановленные по какой-то хитрой российской технологии из сапог б/у.

Так же отвратительно и кормили «запасников»: каша под названием «кирза»⁹, горох, жирная свинина. От этой пищи вспученные солдатские животы получали облегчение только при маршировании по плацу – каждый твёрдый удар кирзового сапога по плацу сопровождался порционным освобождением кишечника, которое в русском народе называется «попёрдыванием».

Как можно было назвать строй таких чучелообразно одетых и попёрдывающих солдат? Не иначе, как «пердячее воинство»... Но русский сердобольный народ прозвал их более ласково – «партизаны».

Дисциплина в «пердячем войске» была воистину партизанская – после отбоя половина личного состава прославленной дивизии имени героя Великой Отечественной войны и защитника Москвы генерала Панфилова рассасывалась по Таллину, а перед командой «Подъём!» отдохнувшие за ночь люди возвращались обратно в казармы. Поскольку Таллин в то время не знал темноты, жители города могли наблюдать белыми ночами «отливы» и «приливы» омерзительного цвета массы в районе упомянутой дивизии.

⁹ Кирза – материал на основе многослойной хлопчатобумажной ткани, обработанной плёнкообразующими веществами. Используется как заменитель кожи. Поверхность кирзы подвергают тиснению для имитации фактуры свиной кожи. Отсюда пошла и «кирзовая каша» – Объясняется это крайней непопулярностью перловой каши среди солдат и офицеров, которую за несъедобность прозвали «кирзой».

После жесткого режима учебного подразделения города Добеле я наслаждался свободой «партизанской» жизни в древнем Таллине. Однако ходить одному белыми весенними ночами по Вышгороду или аллеям Кадриорга было просто невыносимо, требовалась девушка. Найти даму в Таллине было очень непросто – город был переполнен романтически настроенными молодыми офицерами армии и флота, курсантами военно-морских училищ, на худой конец, матросами срочной службы – с элегантной формой всех перечисленных представителей личного состава ВС (Вооружённых сил) не могла конкурировать даже новая х/б гимнастерка и начищенные до блеска кирзовые сапоги сексуально озабоченного сержанта медицинской службы танковых войск.

Суламифь появилась на моём горизонте совершенно в неожиданном месте – в медицинском пункте дивизии. И хотя небольшого роста брюнетка с пухлыми губами и огромными чёрными глазами, полными тысячетлетней тоски, в ответ на мой вопрос «Вы – Суламифь?» произнесла: «Нет, я – не Суламифь, я – Иоэлит. Я здесь работаю зубным техником», – я понял, что место царя Соломона мне в белые ночи обеспечено.

Для завоевания сердца Иоэлит-Суламифи, помимо исковерканных цитат из повести Александра Куприна, мне пришлось пустить в ход все мизерные запасы слов на идиш, которыми меня научили мои сослуживцы по учебному медсанбату – евреи из Москвы, Риги и Резекне. Я тогда был ещё темноват волосом, глаза мои были ещё достаточно карими, а на моём худом ещё лице нос казался достаточно большим, чтобы я мог без труда сказать: «Да, я – еврей... ну, не чистый, к сожалению...»

Иоэлит жила со своими родителями в небольшом деревянном домике, построенном, вероятно, ещё во времена буржуазной Эстонии. Домик находился в центре сада с множеством плодовых деревьев, деревянный забор сада примыкал к кирпичной стене, ограждающей расположение Панфиловской дивизии. Такое везение ко мне ещё не приходило за время службы в армии.

Вечером того же дня мы отправились с Иоэлит в старый город. Моего скромного денежного довольствия хватило только для приглашения её на чашку кофе.

Уже на следующий день Еля показала мне скрытую в кустах сирени дырку в кирпичной стене, которая вела прямо из части к её жилищу.

– Слушай, Еля, да ведь это же твой виноградник! А говоришь, что ты не Суламифь.

– Пойдём в дом, я попрошу родителей напоить тебя чаем. Потом посмотрим, какой ты Соломон, – устало улыбнулась девушка.

«Чай» в гостеприимном еврейском доме, где девушка на выданье, для молодого неженатого «еврея», пусть даже в солдатской форме, – это пир души и тела!

Мне было очень уютно и хорошо в старом скрипучем доме, за столом, на который два толстеньких человечка под постоянное причитающее добродушное кудахтанье выставляли из холодильника, чулана, бесчисленных шкафов и полочек какие-то немыслимые домашней выделки и необычайной вкусоности вещи. Я моментами чувствовал себя засранцем – обманщиком, но у меня хватало сознания понимать, что весь этот пир затеян вовсе не ради меня, он просто был ни чем иным, как проявлением любви двух стариков к единственной дочери.

Мама величала меня «доктор», чем вогнала меня в смущение и вынудила поправить её:

– Да я просто фельдшер... несостоявшийся студент мединститута.

– Ну что же, что «фельдшер»? Сегодня вы – фельдшер, завтра – доктор! – ободряющее произнесла мама.

Где-то в 10 часов вечера Еля пошла меня провожать. Мы с ней застряли в саду почти до самой команды «Подъём!»

9. Академия

Выстукивая морскими прогарами по мостовой брусчатке ул. Лебедева, что вела от кафедры нормальной анатомии ВМОЛА мимо мрачных красного кирпича стен старой питерской тюрьмы «Кресты» к ветхому от старости зданию бывшего Пироговского музея на набережной Малой Невки, где располагалось общежитие военно-морского факультета академии, я мысленно сочинял письмо своей маме: «Дорогая мама, не знаю, буду ли я когда-нибудь профессором, но уж кандидатом-то наук точно стану...»

Моя мама не очень-то разбиралась в учёных степенях и званиях, но против моей ориентации на профессорскую карьеру она не возражала: подруга её детства, тетка Полина, работала долгие годы прислугой в профессорских домах.

Под впечатлением «Фрегата «Паллады» Гончарова я писал маме: «Думаю, что в один прекрасный день меня пошлют врачом посольства России в какой-нибудь островной Мурлындии, где для проживания и приёма больных мне будет отведён домик с верандой в колониальном стиле на берегу лазурной бухты... В мурлындский порт изредка будут заходить русские суда, и я, в белоснежном мундире и при золотом кортике, буду подниматься на капитанский мостик со словами: «Господа, сочту за честь оказать помощь больным и всяческие услуги здоровым соотечественникам».

Что могла возразить против «домика в колониальном стиле» старая больная женщина, вырастившая практически в одиночку четырёх детей в московских бараках и доживавшая свой век в коммуналке?

«Охотники за микробами» Поля де Крюи и книги всяких других микробиологов – вирусологов – иммунологов – инфекционистов толкали меня на самоубийственную карьеру: «Мама, а может быть, я поеду работать в лепрозорий... проведу лет пять в исследованиях по лечению прокажённых...»

Но мама шла и на такую жертву: «Сынок, я на всё согласна – лишь бы ты у меня вышел в люди...» Из своей мизерной зарплаты лифтёра московской гостиницы «Варшавская» она выкраивала деньги для посылки мне блоков «Дуката» – по 7 копеек за каждую из 20 оранжевых пачек в десять сигарет...

10. Там, где медведь хозяин

Трудно представить русского человека, который не побывал бы в Сибири. В Сибири русскому человеку побывать нужно обязательно. По крайней мере, нужно мечтать туда поехать.

Первый заезд в Сибирь мне посчастливилось осуществить после 9-го класса. На летние каникулы меня пристроили на один рейс поезда «Москва-Владивосток» ночным сторожем вагона-ресторана, где директорствовала моя старшая сестра. Виды тайги через вагонное окошко, конечно, вряд ли можно было назвать знакомством с Сибирью, но они разбередили моё воображение.

Весной 1965 года я работал в противотуберкулёзном диспансере на Октябрьской площади Москвы. С красавицей Барминой, врачом диспансера, у нас были чудесные приятельские отношения. По какому-то поводу я подарил её сыну коробку из-под гаванских сигар, полную оловянных солдатиков эпохи наполеоновских войн, – уникальную коллекцию, собранную моим другом Юркой Бабьяком.

Ответным жестом Барминой было телефонное ходатайство за меня перед её другом – начальником московской лесоустроительной экспедиции. Вот так Юркины оловянные солдатики помогли мне устроиться в группу лесопатологов, отправлявшихся для изучения причин усыхания леса в Красноярском крае.

Уже через неделю после звонка Барминой в контору экспедиции, располагавшейся в подвале неподалёку от моего дома на Университетском проспекте, я получил направление на прививку против клещевого энцефалита, авиабилет на рейс Москва – Красноярск, деньги на проезд паромом по Енисею от Красноярска до Енисейска, командировочные и трёхлитровую бутылку с диметилфталатом.

Следующие три недели ушли на экипировку. Я залез в долги ради приобретения шикарного ёмкого рюкзака зелёного цвета, такого же качества и цвета пижонского туристского костюма, туристских ботинок, портативной любительской кинокамеры, лёгкого двуствольного ружья фирмы «Bayard» 16-го калибра с эжектором и кучи всякой другой, совершенно ненужной в условиях работы в тайге, дряни.

Прилетел в Красноярск. Город, его улицы и пристань меня совершенно не тронули – все мои мысли были о тайге. В ожидании отправления парохода в буфете познакомился с командировочным из Якутска, который с одиноким брюзжанием с трудом приканчивал бутылку водки:

– Красноярские столбы... Красноярские столбы... А ты про Якутские столбы слыхал?

– ???

– Представляешь: деревянные сортиры, в которых зимой при температуре за минус 30 всё содержимое замерзает столбом... Из-за обильных снегопадов деревянный домик сортира поднимают выше и выше. По весне снег подтаивает – сортиры убирают, а столбы остаются. Это и есть знаменитые якутские столбы!

Любоваться на широкий Енисей с палубы парохода особенно не пришлось – под морозящим дождем было холодновато. В ресторане один из членов команды потешился надо мной байкой, которая взбудоражила моё московское воображение:

– Как-то шли мы по Енисею с геологами. Глядь, медведь переплывает с одного берега на другой. Ёж твою, что стало твориться-то! Все мужики заорали «Стоп машины! Шлюпку на воду!!» В шлюпку попрыгали человек шесть и только один с ружьем. Нагнали медведя – бух! бух!

Медведь плывет себе... Опять – бух! бух! Медведь разворачивается и к шлюпке. Стрелок-то опять – бух! бух! Однако мимо!!! Медведь в двух метрах – все мужики со страху в воду попрыгали, а стрелок плавать не умел – в шлюпку остался. Медведь в шлюпку влез, поломал

здорово стрелка и обратно в воду сиганул. Бедолагу еле успели живым в больницу доставить. Откачали...

В Енисейске я без особого труда разыскал дом, в котором располагался штаб экспедиции. Меня приветливо встретили московские инженеры – поулыбались на мой смешной вид туриста, с благодарностью встретили бутылку с диметилфталатом, рассказали мне о своей работе и моих обязанностях.

Глава экспедиции облетал на самолете районы с усохшим лесом и производил аэрофотосъёмку. Потом эти районы наносили на карту.

В места усыхания леса вертолётном выбрасывались группы по три человека – инженер, техник и рабочий. Поскольку вертолёт в тайге не посадишь, искали ближайшие поляны, но чаще пользовались островками огромного количества таёжных рек. Обычно место высадки группы находилось в нескольких километрах от участка с «сухостоем» – высохшим лесом, отработанным жуком-точильщиком.

Хождение по тайге со всем необходимым для жизни и работы на неделю – дело довольно тяжкое. Тайга – это нехоженный лес без дорог и троп, а в сухостойной тайге деревья падают друг на друга, образуя многие километры завалов, по которым можно передвигаться на высоте до двух метров от земли. Во время дождя для человека с двадцатикилограммовым рюкзаком за спиной хождение в сапогах со скользкой подошвой по лишённым коры стволам мокрых деревьев, обломки сухих веток которых штыками торчат во все стороны, – смертельный цирковой номер. Только молодые отваживаются на это.

Меня познакомили с членами экспедиции. Четыре инженера-лесопатолога из Москвы, выпускники московского института лесной промышленности. Запомнил имя только одного из них – Володя Стороженко, у которого дома осталась беременная жена.

Три техника – стеснительные парни, лет по 16–17, студенты лесоводческого техникума из Бийска. Первый рабочий – здоровый, с нагловатой физиономией девятнадцатилетний москвич, которому через два месяца предстояло идти в армию. Второй – бичующий мужик лет 45 из ленинградской области. Он освободился из тюрьмы три месяца назад. По возвращении домой загулял так крепко, что очнулся только когда ему сообщили, что его разыскивает милиция по делу ограбления сельского магазина. Мужик не стал дожидаться ареста с сомнительных исходом дела, к которому, с его слов, он не имел никакого отношения, и махнул в Красноярский край.

Мне повезло – в силу каких-то организационных неувязок мы вынуждены были четыре дня бездельничать в Енисейске.

Вечером под сухое вино бородатые мои инженеры пели под гитару студенческие и туристские песни, где говорилось про таёжный костер, вокруг которого молодые парни мечтают о Париже... Ну и всякие разные:

*У ворот барана режут —
Я баранины хочу!
А если мать меня не женит —
Дома печку сворочу!*

*ПРИПЕВ:
Всё потому, что кукуруза
Совершает чудеса!
Потому, что кукуруза —
Это мясо-колбаса!*

*Без кукурузы, без кукурузы
Жить не может организм!
Без кукурузы, без кукурузы
Мы не построим коммунизм!*

*Не целуй меня, Никита,
Не волнуй девичью кровь —
Я наелась кукурузы
И забыла про любовь!*

Попозже мы пошли на танцплощадку. На обратном пути нас сопровождала группа местных парней, добродушно выкрикивающих:

– Эй, геологи, идите подерёмся!

Инженер Володя сжалился надо мной и сказал:

– Ты всё это своё пижонское добро побереги – домой в нём поедешь. Вот, переоденься! – и дал мне добротный противоэнцефалитный костюм и кирзовые сапоги.

Следующий день выдался солнечным, я увязался с техниками и рабочими на городской пляж. Ширь Енисея в этом месте поражала – противоположный берег был едва виден.

Песок был довольно горячим, но вода оставалась холодной – желающих купаться не было. Люди просто ловили солнышко. Мне было скучновато с молодыми ребятами, и я присел к компании командировочных, играющих в преферанс. Узнав, что перед ними студент из Москвы, картёжники быстро объединились наколоть москвича. Я был неплохим игроком, но против группы, даже в «сочинку», устоять трудно. Проиграв рублей пять, я сослался на отсутствие денег и сел в сторонке со скучающим видом.

Енисейск был местом ссылки тунеядцев, проституток и прочих антисоциальных элементов, с которыми вёл очередную компанию борьбы очередной вождь КПСС.

Один такой антисоциальный элемент подошёл ко мне:

– Студент, баржу разгружать идём? Ещё бы нам троих ребят и по семь рваных на рыло за два часа.

Я вострепнулся от возможности встретить новое приключение, позвал моих сотоварищей по экспедиции, и мы отправились зарабатывать по «семь рваных на рыло».

Разгружали из глубокого трюма баржи какое-то удобрение в бумажных мешках. Поначалу было страшновато подниматься по качающемуся трапу с 25-килограммовым мешком. Потом привык. Двое из нас были грузчиками, четверо – носильщиками. Первые лихо подбрасывали мешок в воздух и опускали его на плечи вторых. Менялись местами каждые полчаса. Перерывов не было. Действительно, мы справились с грузом за два часа, и каждый из нас получил по семь обещанных.

– Студент, ты будешь? – спросил меня бич-организатор.

– А как же – конечно!

– Трояк!

Собрав деньги, бич исчез и минут через 15 вернулся в сопровождении двоих приятелей и тремя... флаконами в виде московского кремля с духами «Красная Москва».

Он быстро откупорил флаконы, слил содержимое в эмалированную кружку и протянул мне:

– Давай!

Когда-то, в общежитии студентов московского нефтяного института, мне доводилось пробовать зеленоватый бальзам для рращения волос, слитый в бутылку из-под венгерского

ликера. Там я выпил целых два глотка! Здесь же моей выносливости хватило только на то, чтобы коснуться верхней губой жгучей и тошнотворно пахучей жидкости.

Я вернул кружку бичу. Бич протянул её техникам из Бийска, но те прочитали на моём лице отвращение и отказались. Москвич-призывник проявил больше храбрости – глотнул чуток зелья, а потом с вытаращенными глазами возвратил кружку бичу.

Бич с довольным видом взял кружку и разделил с двумя своими приятелями содержимое.

* * *

Первый выброс-выход в тайгу. Волнительнейший момент приземления на галечном острове таёжной реки!

Нас было шестеро – две группы. Договорились встретиться через три дня на том же острове и разошлись по разным маршрутам.

Дорог не было, но этот участок тайги был «обустроен» – по нему прошли лесоустроители, поделившие тайгу на квадраты. При делении они шли точно по прямой, каждые 200 метров ставили кол с затёсками и каждый километр – примерно метровой высоты столб с табличкой, где указывался номер участка.

Путь от одного колышка до другого было легко найти по острым, высотой по колено, пенёчкам срубленного наискось молодняка. Этот путь назывался «абрисом». Идти по нему было несложно – нужно было только остерегаться падения лицом или животом на острые пенёчки.

Тайга была порой пугающе молчалива – не слышно даже пения птиц. В июньские дни температура поднималась до 30 градусов. В глухом противоэнцефалитном костюме, с намазанным против комаров и прочих кровососущих гадов диметилфталатом лицом, в шляпе с противомоскитной сеткой и тяжёлым рюкзаком за плечами эти 30 градусов быстро начинали казаться тропической удушливой жарой. Больше 400 метров без отдыха пройти было просто невозможно. При команде инженера «Перекур!» я с радостью садился верхом на какой-нибудь сухой ствол упавшего под углом дерева и спешил насладиться душистым дымом вьетнамской сигареты.

Здесь только я понял, что такое «гнус» – это с десяток разновидностей кровососущих насекомых, которые не позволяют тебе спустить штаны по большой нужде более чем на 1–2 минуты. Особо вредным насекомым была мошка с былыми полосами на лапках – «перчатками». Мошка умудрялась заползать под портянки и в кровь изгрызать щиколотки и стопы.

От гнуса, летней жары, диметилфталата, который вперемешку с потом попадал в глаза, от тяжести заплечного мешка, постоянного пересвиста сеноставок тайга в моём мозгу предстала каким-то монотонным ошалевающим звенящим знойным кошмаром. Я шёл и видел перед собой только сапоги впереди идущего инженера. Вдруг сапоги остановились. Я поднял глаза: инженер Лёша замер с предостерегающе поднятой вверх ладонью.

– Что? Медведь?

– Рябчик!

– Где??? – я никогда раньше не видел рябчика.

Проследовав глазами за указательным перстом Лёши, я увидел птаху метрах в пяти от нас.

– Стреляй!

– Разнесем в клочья... слишком близко. Я его сейчас шугану. Они здесь непуганые – далеко не улетит. Сядет, тогда и подстрелим его.

Лёша поднял с земли сухую веточку и кинул в уставившегося на нас с интересом рябчика – ветка даже не долетела до цели. Тогда он взял сырую увесистую валежину и швырнул её

в нахальную птицу. Конец метательного оружия коснулся маленькой головки птички – она камнем упала в траву под кустом.

– Неужели убил? – сконфужено спросил Лёша.

Москвич-рабочий не стал дожидаться ответа на вопрос – рванул вперёд и через несколько мгновений победоносно поднял руку с зажатым в кулаке рябчиком:

– Есть жаркое на обед!

Первая работа – околот. Для оценки степени зараженности деревьев полагалось на определённом участке леса через определённые интервалы расстелить под деревом широкое (5×5 метров) полотно – «полог» и постучать по дереву «колотом» – бревном метров семи.

Упавших при околоте на полотно насекомых нужно было собрать, отклассифицировать и пересчитать. Одна трудность была в необходимости всякий раз вырубать и очищать от веток молодое пихтовое дерево – не таскать же на себе по тайге один и тот же колот. Другая трудность заключалась в том, что полог после первого употребления намокал и увеличивался в весе раз в пять.

Вторая работа – более впечатляющая. Нужно было срубить погибшее от шелкопряда и отработанное жуком-точильщиком дерево, распилить его на метровые плашки, которые надлежало расколоть так аккуратно, чтобы не потерять ни одну гусеницу, схоронившуюся в дереве.

Самым лёгким был подсчёт разных сортов деревьев на определённом участке леса. Меня поражала добросовестность никем не контролируемых инженеров-лесопатологов.

Под впечатлением пребывания в первом маршруте по тайге и студенческих и туристских песен наших инженеров я сочинил свою песню... длинную, как песни туркменского пастуха в пустыне. Я сейчас только припев её вспомнил:

*Котёл пустой, живот пустой.
Медведь – хозяин, а лес густой.
Тайга, тайга, кругом тайга
На много сотен и тысяч га!*

Нам рассказали, что в тех местах не так давно пару геологов насмерть заломала медведица, у которой кто-то застрелил медвежонка. От таких рассказов веселее не становилось – даже во время околотов и рубки-колки брёвен я не расставался с ракетницей (говаривали, что один геолог спасся от медведицы, выстрелив из такой ракетницы прямо ей в пасть).

Излишне говорить, что после хождения по тайге с тяжёлым грузом, изнурительной с непривычки работы и желанного ужина мы забирались в палатки и засыпали таким крепким сном, что медведь мог обглодать нас на добрую половину, а мы бы так и не проснулись. Бывали случаи, что я просыпался в палатке, и мне становилось так страшно, что я стремился поскорее уснуть опять с детской мечтой убежать от страшного сна, которым была явь ночной тайги.

Выбрав место для ночлега, мы быстро разжигали костер – чему даже в дождливый день прекрасно служила кора кедра. В одном котелке варили кашу, в другом – подстреленных на маршруте рябчиков (если они попадались).

Правый берег Енисея – лесистые сопки с каменистой поверхностью. На камнях не поспишь – мы рубили пихтовые ветки, чтобы сделать пружинящую подстилку.

В разгар работ по устройству на ночлег к палаткам из кустов с полуспущенными портками выскочил москвич-призывник.

– Ружьё! Ружьё! Давай ружьё! – страшным голосом шипел парень.

– Медведь? – прошипел ему я в ответ.

– Глухарь!!! Я только присел и посмотрел вверх, а он прямо над моей головой сидит!

Я и Лёша схватили ружья и на полусогнутых двинулись за призывником.

И вправду, на одном из молодых деревьев спиной к нам сидела огромная птица, которую я раньше никогда не видел, но которая, по всей вероятности, должна была быть глухарём.

Я стал осторожно прицеливаться.

– М-ба-ба-а-ах! – опередил меня Алексей.

– Мба-ба-а-а-ах!! – поспешил разрядить один ствол своего «Bayard» и я.

Птица оставалась на своём месте...

Бу-ум! Бу-ум!! – опять с небольшими интервалами сотрясли мы воздух.

Птица неподвижно сидела на дереве.

– А глухарь ли это? – засомневался я.

– Глухарь... Я думаю, мы его убили, но он застрял в ветках и не может упасть... Сейчас я его... – солидно ответил мой инженер.

Он достал из-за пояса длинный и сверхострый нож, срубил длинную осинку, быстро очистил её от веток и двинулся к дереву, под которым сидела злосчастная птица. Этой осинкой он на манер удара рапирой ткнул птице чуть ли не под хвост. Птица... беззвучно взмахнула крыльями и тяжело полетела прочь, маневрируя между деревьями.

– Кхеее... – обиженно выдавил Леха, махнул рукой и пошёл куда-то в сторону от нашего лагеря.

– Ты куда, Лёш?

– Да сапоги отмывать... наступил я тут.

* * *

На завтрак мы заваривали чагу, добавляли в эту тёмно – бурюю жидкость сгущённое молоко – таежный кофе с молоком!

По соображениям экономии веса, да и денег, разумеется, мы не брали с собой в маршрут много провизии – рассчитывали на дичь. Но порой ни рябчиков, ни глухарей на маршруте не попадалось. Я как-то подстрелил кукшу – съели мы эту таёжную сороку за милую душу.

Сеноставка – сверхосторожное животное, её и увидеть-то редко удаётся – повернёшь голову на свист, а её уже и след простыл. Лёше удалось не только увидеть, но и подстрелить сеноставку – это что-то типа сурка. Наши молодые желудки переварили и эту крысу...

Мы стремились завершить работу побыстрее, чтобы сохранить день-два для отдыха у реки – порыбачить. Шли к месту встречи бодрыми, с предвкушением окунуться в холодную чистую воду таёжной реки и смыть с себя многодневный пот-грязь.

Пришли. Я вошёл в сапогах в воду, окунул зудящее лицо в бегущие струи и стал жадно пить. Я не помню более вкусной воды в моей жизни...

Побросали мешки, быстро скинули с себя все одежды и голышом бросились в воду – намылились после первого омовения, а потом с наслаждением бросились на волю течения.

Исстрадавшееся тело позволило перенести холодную воду что-то минуты две-три.

Лёша извлёк рыболовную снасть для ловли хариуса под названием «кораблик».

– Лёш, дай попробовать... Я никогда не ловил так.

Отмытая и холодная кожа, наверное, не издавала никакого запаха, кроме запаха хозяйственного мыла, потому ни одна кровососущая тварь не беспокоила моё полуголое тело.

Шёл просто обалденный клёв на перекате: хариус бросался на мои мушки постоянно, и я вытаскивал на берег по две-три рыбины за один заброс.

Минут за двадцать у меня в сумке уже было килограмма три хариуса. Увлёкшись рыбалкой, я отошёл метров на сто от нашего лагеря. Наверное, от возбуждения меня вдарило в пот, с потом пошёл запах, а на запах ринулся гнус. Я бросил на берегу сумку с уловом и «кораблик» и побежал к лагерю за спасительным диметилфталатом и одеждой.

На следующее утро я выпросил у Алексея другую снасть, спиннинг, и стал пробовать свою удачу. После десятка забросов впервые в моей жизни поймал на спиннинг небольшую, с полметра, щуку. А ещё через четверть часа добыл мечту моих последних дней – красавца тайменя. Пусть таймень был и не очень большим, но это был мой таймень!

Пора было и честь знать – вернуть орудие лова хозяину. Я сменил спиннинг на ружьё и решил побродить по мелководью в поисках водоплавающей дичи. Я обходил речной остров, когда вдруг увидел удирающего по чуть прикрытой водой гальке серого зайца. Я выстрелил навскидку – заяц перевернулся через голову, потом поднял голову с торчащими ушами и тут я впервые в жизни услышал жалобный заячий крик. О, Господи! Пришлось мне поспешить к своей добыче и прервать мучения несчастного животного.

* * *

Случилось несчастье – Лёша неосторожным движением топора разрубил себе ногу. Стало ясно, что нам к месту встречи пешком к сроку не добраться.

Решили смастерить плот. Разыскали три хороших кедровых сухостоины вблизи от воды. Распилили пять стволов, перекатом доставили их к реке. Здесь, под руководством Алексея, с призывником выпилили в стволах дельтаобразные пазы, в которые загнали бревна-клинья – плот готов.

На следующее утро двинулись на нём по таёжной реке под названием Пит. С большим наслаждением плыли по спокойной воде вблизи скалистых прижимов, где на глубине двух-трёх метров под нами видны были красочно раскрашенные таймени.

Беда пришла неожиданно, на первом же, не ахти как бурлящем пороге: наш плот стал поперёк течения, обоими концами упершись в подводные камни.

В мгновение напор воды перевернул его в вертикальное положение, а нас троих швырнуло в холодную воду. К счастью плот чуть-чуть задержался, и нас успело отнести подальше от места, куда он с громким шлепком упал. Нам удалось поймать плот, вывести его на мель, куда мы посадили для передышки и осмысливания случившегося нашего инженера.

Призывник и я бросились искать наши вещи: на мелководном перекате тотчас за порогом удалось разыскать рюкзаки, ружья и даже спиннинг.

*Вот пришли на поворот,
Поворот, поворот!
Влево рот и вправо рот —
Поворот, поворот!
И вот по бурному Питу
Три жопы белые плывут.*

*Припев:
Котёл пустой, живот пустой.
Медведь хозяин, а лес густой.
Тайга, тайга, кругом тайга
На много сотен и тысяч га!*

11. За морем тѣлушка – полушка...

26 ноября 2001

город Питерсбург

Северный Трансвааль

Южно-Африканская Республика

Н-да-а-а-а... Мне шестьдесят два стукнуло.

Будто всё это не со мной происходит... Я даже в молодости таких планов себе не строил. Ну, то есть дожить до 62 лет. Вот заглянуть в третье тысячелетие – такая мечта была. Казалось, что там будет что-то особенное. Нас ведь коммунизмом тешили, говорили: «Вот Он придет – ох чё будет!!!»

Коммунизм не пришёл. Пришёл антикоммунизм.

И – ох! Чё пришло-то, братцы!!!

При всём моём жизненном везеньи в СССР, у меня, до женитьбы, а потом и у нас, после женитьбы, никогда не было кровати – всё время спали на топчанах, раскладывающихся диванах... А тут, понимаешь, дом с пятью туалетами – на одной туалетной бумаге разориться можно.

В свой 62-й день рождения я проснулся на нашей с женой собственной широкой кровати с чистым постельным бельём, в нашей большой собственной спальне с примыкающей просторной и светлой ванной комнатой, в нашем собственном огромном доме, где мне доставляют несказанное удовольствие мои утренние путешествия – пройти за чашкой кофе на кухню без запахов и тесноты московского аналога, прошлёпать босыми ногами по блестящим плиткам столовой, где под лепным потолком Татьяна сотворила по-сценичному причудливый интерьер из выполненного по её заказу стола чёрного металла и восьми такого же материала стульев с завитушками. Присесть, прослушать новости CNN в моей широкой приёмной, ещё не открытой для пациентов, SURGERY, включить компьютер в уже ставшем уютным для меня профессорских масштабов кабинете.

Пока загружается электронная почта, успеваю пробежать с дозорным обходом: взглянуть на электросчётчик в «малой спальне», выдворить из «средней спальни» мальтийского пуделя Тошку, пробравшегося туда через решетки окна, погасить забытый с вечера свет в «малой гостиной»...

Выхожу на утренний сбор отходов собачьей жизнедеятельности во внутреннем дворе и саду. На веранде на меня набрасываются Тошка и его сын Кешка, а со стороны внутреннего двора ко мне через решетку рвётся и скулит внушительных размеров семимесячный щенок немецкой овчарки.

Отходы собраны. Собаки получили по случаю моего дня рождения не только ненавистные им сухие шарики, но и по банке собачьих консервов с очень вкусным, даже по человеческим понятиям, запахом.

Прохожу по стриженной два дня назад газонной траве в небольшой сад: с ветвистого дерева, что над деревянным домиком с садовой утварью, со стуком падают поклёванные птицами чёрные сливы – а мы-то в сентябре по цветам думали, что это вишня!

В небесной голубизны бассейне с заманчиво прозрачной водой тук-тукает, ползая по дну в поисках опавших с пальм листьев, «барракуда».

Размышляю: «Ночью было душновато, утро тёплое, наверное, и вода вполне пригодна для купания старика с привычной болью в спине?»

«Всё, за что *уплочено*, должно быть проглочено!» – вспоминаю я российскую народную мудрость и погружаю лицо в воду.

Изумительные ощущения – бег воды по лицу, ихтиандровское скольжения даже каких-то пять-семь метров по дну бассейна, исчезновение тяжести в выгнутой в бросе спине.

«Совсем даже неплохо для 62 лет...» – я вновь окунаю лицо в воду.

Вынырнув, замечаю нашу приходящую работницу за беседой с медсестрой Таней, снимающей у нас «granny flat» – квартиру при гараже из двух спален и гостиной для своей дочери, нового мужа, карликового пинчера, четырёх кошек и пяти удавов.

Работница всегда приходит ровно в семь утра.

«Пора будить мою Татьяну», – думаю я в предвкушении того, как поделюсь с женой своими «деньрожденскими» восторгами.

– Кэтрин, позови, пожалуйста, миссис!»

Моя «миссис» появляется:

– Славулька, с днём рождения! Что я вижу – ты утром в воде?!?! Скажу детям – не поверят!!!

– Присоединяйся – будем праздновать торжество проклятого антикоммунизма!

Шутки шутками, а не так уж плохо встречать свою 62-ю годовщину в бассейне!

И на всё про всё у меня ушло ровно десять лет... Я покинул Россию десять лет назад – 7 октября 1991 года, а ровно девять лет назад, 26 ноября 1992 года, я пересёк на автобусе фирмы «Greyhound» границу между Намибией и ЮАР. Йоханн Веб, его жена Шантел и тёща Бабс устроили по случаю моего прибытия праздничный ужин с русской водкой под названием «Медведь». У меня в кармане оставалось 5 долларов США...

«Тат, за какие такие заслуги Господь так милостив ко мне??»

У меня восьмой день двухнедельного отпуска, который я впервые за десять лет решил провести без дальних поездок. Я уже наездился в августе-сентябре, когда к нам приезжал работавший в Швейцарии русский врач Олег Блинников со своей говорящей на флеммиш (материнский корень языка юаровских буров африкаанс) бельгийской валлийкой Сесиль и пятилетней франко-русскоязычной дочерью Машкой. Сейчас Олег в Лаосе, а Сесиль с Машкой в Таиланде – и такой бывает «се-ля-ви» русских врачей в дальних забугорьях.

Пришлось всё-таки съездить в Преторию для покупки другой машины: мой старенький «форд» семейным советом решили отдать детям – ребята «на выходе» из университета. Да и к тому же Ксюшка принесла в бюджет семьи в прошлом году что-то около 6000 рандов, и в этом году ей обещали заплатить 10 000 – практически она на две трети оплатила «форд».

Я с помощью детей притормозил желание Татьяны купить шестимесячную южно-корейскую «Shuma» и настоял на приобретении скромного годовалого «Volkswagen» – «City Golf 1,6i». Так вот сделали мне первый подарок...

Татьяна разохотилась и решила на покупку давно приглянувшейся ей итальянской мебели – голубого цвета трёх- и двухместных диванов и кресла, которыми она завершила обустройство нашей гостиной-столовой. Я расценил это как подарок номер два к моему дню рождения.

Однако настоящим подарком к празднику стало прибытие из Москвы – пароходом через Англию и юаровский порт Дурбан – вещей из нашей проданной квартиры: хрусталь – фундамент семейных реликвий от Александра Николаевича и Анны Петровны Сапожниковых, немного книг – часть выделена моей дочерью Анной из моей библиотеки.

Часть подкуплена ею же на нынешних московских книжных базарах, старые фотографии из архива Сапожниковых и наших с Татьяной, фронтовое письмо дяди Татьяны – подольского курсанта, выжившего после знаменитого боя под Юхновым и погибшего позже где-то под Азовом, несколько тетрадей моих дневников, написанных за три месяца пребывания в самом центре объята гражданской войной Анголы в госпитале католической миссии Voga, вблизи провинциальной столицы Quito (Bie, Angola)...

Мне не удалось создать «родовое гнездо» на Калужской земле, так, может быть, удастся хоть какой-нибудь юаровской выделки сундук набить реликвиями русской семьи?

Среди памятных вещей, прибывших из России, большую радость принесли мне видео-кассеты, на которые я снимал «чудеса», увиденные мною в Америке, Анголе, Намибии и Свазиленде. Татьяна выразила сомнение по поводу того, что на них можно будет что-либо разобрать – материал-то был отснят 5–10 лет назад. Качество изображения пострадало за прошедшие годы, но большинство кассет мне удалось просмотреть самому и показать Татьяне в тот же вечер.

Жена мужественно просидела со мной у телевизора до полуночи, терпеливо снося мои восклицания: «Смотри, это мы с доктором Sumbo на реке Кванза, где Люка чуть-чуть не сожрала крокодилы! А это Виктор Агафонов снимал меня, танцующего с Sumbo на дне рождения ангольского врача Владимира, обучавшегося в Баку! А это Sumbo снимал меня в танце с красивой мулаткой на festa эмигрантов с Cabo Verde!» Татьяна выразила восхищение моими съёмками основателя госпиталя Voga – испанца, padre Manuel Garcia, после чего я сжалился над ней, и мы отправились спать.

* * *

Дорогие друзья, не хочу вводить вас в заблуждение – все перечисленные юаровские «богатства» куплены не на деньги, заработанные честным и тяжким трудом в Африке (те ежемесячно уходят в прорву под названием «мои дети»), а благодаря успешной продаже нашей квартиры в Москве (говорят, что три года назад цены на такие квартиры были раза в полтора выше – ах, где наша не теряла!), и за счёт падения курса ранда по отношению к доллару.

Поясню: в момент покупки наш дом стоил 300 000 рандов, то есть 40 000 долларов. Из вывезенных из России Татьяной 45 000 долларов мы отдали за дом 20 000. Нам осталось выплатить 150 000 рандов, что по нынешнему курсу валют составляет всего 15 000 долларов. Образовалась экономия в добрых 10 000 долларов – вот на них мы сейчас и шикуем

12. Десять лет вне России

7 октября 2001

Питерсбург

Северная провинция

Южная Африка

Жив ли ты, мой генерал Тозе?

Я давно собирался написать тебе – как-никак, а ты причастен к моему движению из России в Африку. Откладывать больше невозможно – не ровен час кто-нибудь из нас помрёт, и ты так и не прочтёшь юбилейного письма-отчёта о последних десяти годах моей жизни в Африке.

Да, мой друг, Господь сподобил мне своих посланников, через которых он направил мой жизненный путь на красный континент.

Первыми были Мутуакилу ибн Идрису и Дэвис – «officers-cadets» (курсанты) из Ганы, которых я встретил за время моей учёбы в Военно-медицинской академии (ВМОЛА) им. С.М. Кирова в Ленинграде.

После хорошей пирушки с ними я и мой друг Вадим Сазонов, будучи в сильном подпитии, натолкнулись на военный патруль. Дело кончилось тем, что нас изгнали с третьего курса академии и направили дослуживать на военно-морской флот.

Через год, в сентябре 1965 года, меня приняли на третий курс 2-го московского медицинского института (МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова), где я встретил молчаливого тощего-длинного-бородатого парня в тёмных очках по имени Антонио Хосе Миранда – ангольского студента, переведённого в МОЛГМИ из Ярославльского мединститута. Миранда и я были новичками на курсе – это определило наше сближение.

Поздней осенью 1969 года я провожал в аэропорту Шереметьево Миранду и его соратников по MPLA¹⁰ в Париж, откуда они должны были отправляться на Родину для ведения освободительной войны.

В последние минуты расставания я произнёс без всякого глубокомысленного подтекста:

– Ну, прощай, Тони! Давай, воюй и побеждай. Потом меня позовёшь – работать в Анголе. Небось, врачи-то вам нужны будут?

Всегда серьёзный Миранда ответил:

– Да, конечно, врачи нам будут нужны...

¹⁰ Народное движение за освобождение Анголы (MPLA), которое возглавил Антониу Агости뉴 Нето (1928–1979), создано в декабре 1956 года в результате объединения нескольких нелегальных организаций. Позже, в 1977 году, MPLA было преобразовано в MPLA-Партию труда.

13. Еда моей жизни

В ожидании приезда Анечки и Светки мы все обсуждаем, что будем им показывать. Понятно, что за короткий срок всего не увидишь. Мне кажется, что из-за ограничения в денежных средствах я не смогу «потрясти» Аню. Но мама говорит, что всё это глупости, что и в нашей провинции достаточно мест, чтобы удивить бедную москвичку. Одни магазины чего стоят... да и жратва...

Конечно, в Москве сейчас всего полно, но, по словам опять же мамы, такого спокойствия, чистоты и порядка, к которым мы уже привыкли в нашем тихом и провинциальном Питерсбурге, в Москве нет. Ну, а уж о еде я и не говорю...

Хотя... давайте поговорим о еде, ОК?

Для контраста я позволю себе предаться воспоминаниям о еде из моего детства, юности, молодости и отдельных этапов жизни.

Моё самое первое воспоминание.

Я себя помню с нашей жизни в Поиме (Пензенская область). Мать печёт блины (надо полагать, на кухне деревенской избы), а мой дед (со стороны мамы? папы?) сидит на табуретке у стены в другой комнате и плачет (я не помню точно его лица – помню какую-то бороду... и отчётливо помню, что он плакал). Мама даёт мне в руки блин и просит отнести его деду – у меня до сих пор сохранилось чувство, что этим жестом она хотела извиниться перед дедом. Таким образом, моё первое воспоминание о еде – о блинах! Типично русское воспоминание...

В бараках московского села Кожухово

Эпизод 1

Мне было около 5 лет. Приехала сестра моего отца – тетка Маня. Она привезла плетёную корзину, которую задвинули под кровать. Взрослые чего-то там горячо обсуждали за столом, а мы с маленькой соседкой Катькой тихо залезли под кровать – обследовать содержимое плетёной корзины. Там оказались конфеты драже. Мы с Катькой принялись есть и не могли остановиться... Не помню, чтобы нас выпороли...

Эпизод 2

Мне 5 или 6 лет. Послевоенные голодные годы в Москве. Из Ленинграда приехала боевая мамина подруга тетка Лёля – она водила грузовик! Тетка Лёля купила мне пирожки с выжимками – отходами шоколадной фабрики (не помню специального названия этих выжимок). Это была сказка!

Эпизод 3

Мне всё те же 5 или 6 лет. Отец уже пришёл с войны. Мы с братом Юрой сидим вечером голодные. Юре пришла в голову идея «пожарить» картофельные очистки. Вынимаем их из мусорного ведра, моем и ставим в сковороду вариться на печку (маленькая печурка, которую мы топили чурочками). Томимся в ожидании... Отведать очистков не пришлось – пришёл отец и принёс поесть что-то более удобоваримое.

Эпизод 4

Тот же возраст. У отца туберкулёз лёгких и язва желудка. Он кашляет и с мокротой выделяет «палочки», поэтому у него отдельная кружка, миска и ложки, которые он хранит в своей отдельной тумбочке. Мне объяснили, что трогать это нельзя, так как я могу заразиться туберкулёзом и умереть. Для выздоровления отцу нужно хорошее питание. Тетя Маня привозит ему из Поима «нутряного (внутреннего) сала» (было поверье, что именно оно помогает больным туберкулёзом). Отец пьёт какао с этим салом... Несмотря на угрозу заражения, я иногда отхлёбывал из кружки отца, когда его не было поблизости. Какао с салом – это было что-то!

Эпизод 5

Я начал учиться в школе... С едой было всё ещё плохо. Мои сёстры Нина и Женя работали на хлебозаводе, им удавалось проносить через заводскую проходную куски белого хлеба, засунутого в трусы. Мать моего приятеля Тольки Фролова работала на том же хлебозаводе. Она не имела дела с хлебом, но у неё был доступ к сахарному песку, который она проносила через проходную тем же способом – в трусах!

У нас в комнате ящик стола был полон кусков белого хлеба, а у Фроловых – сахарного песку. Господи, я же отчётливо помню, что, выпив кружку горячей сладкой воды с белым хлебом, мы бывали сыты!

Эпизод 6

У нас – на втором этаже барака – построили общую кухню с газовыми плитами. Татарка тетя Надя печёт огромные тонкие блины, в которые потом раскладывает картошку с луком и подсолнечным маслом... мне перепадает кусок... запоминается на всю жизнь!

Эпизод 7

Мне 7 лет. Меня первый раз вывезли на лето в пионерский лагерь, где моя сестра Женя работала пионервожатой. Какао с молоком и белый «кирпичный» хлеб со сливочным маслом. От сыра меня тошнило – я долго не мог его есть. (Много позже сыр стал моим любимым продуктом).

Эпизод 8

В лагерь удавалось попасть не каждый год, и меня вывозили «попасть на подножный корм» в Поим к сестре моего отца – тётке Дуне. Тётка Дуня – то ли от бедности, то ли от природы – была скупа. У неё я впервые оценил, как сладка может быть сушёная тыква – вместо сахара!

Мы с сельскими ребятами рыли на чужих огородах молодую картошку, варили и ели её с подсолнечным маслом... Сколько же сейчас в Москве стоит молодая картошка?

Под Куранихинской горой, на болоте, мы ловили щурят, которых мама моих приятелей жарила для нас. Грибы, понятно – жареные и скорого соления. Полевая клубника с молоком...

Раки – сотни раков, выловленных руками в норах на дне реки Поимки. Как-то присевший к нашему огоньку шофёр грузовика показал нам, как варить раков в кипящей воде радиатора машины, – чудо!!!

Эпизод 9

Меня брали с собой пастухи... С подпаском моего возраста мы собирали утиные яйца и пекли их в золе костра – почему-то их нельзя было варить, только печь.

Эпизод 10

Как-то мы забежали к одному из моих уличных приятелей домой «похлебать чё ни то». Колодезная вода + ложка уксуса + зелёный лук + куски чёрного хлеба = брюхо было набито!

Эпизод 11

Мне около 10 лет. Отец принёс «добытые» севрюжки головы, мама как-то их так приготовила – *за уши* оторвать было невозможно!

Эпизод 12

После окончания школы я устроился кухонным рабочим в столовую при гостинице «Москва». Огромное блюдо сметаны притягивало меня – я не мог пройти мимо, не зачерпнув кружку – к концу дня меня выворачивало наизнанку!

Эпизод 13

Всемирный фестиваль молодёжи и студентов 1957 года в Москве... Я проник вместе с иностранными гостями в их столовую: мамочки мои! чего же там только не было!!!

Эпизод 14

С 1958 по 1960 годы я учился в медицинском училище. Папа одной из моих «гёрлфренд» был директором мясного магазина. Когда моя подружка открыла их домашний холодильник, у меня сердце забилося от восхищения!

Эпизод 15

Армия, 1960–1962 годы. Жрать хотелось пуще, чем на гражданке. «Кирза» – перловая каша с салом... Чёрный хлеб... Гороховое пюре... После еды желудок болел так, что казалось, будто в нём пара булыжников трётся друг о друга.

Эпизод 16

После окончания мединститута я работал в Московском научно-исследовательском онкологическом институте им. П.А. Герцена. У нас было много больных с Каспия. Они благодарили врачей трёхлитровыми банками чёрной икры домашнего приготовления и коньяком. Мы пили коньяк полными стаканами и действительно ели чёрную икру большими ложками. На пустой желудок после длительного операционного дня это было ужасно, но нужно было держать «масть» – непонятно какую, правда.

Эпизод 17

После защиты кандидатской диссертации в 1974 году я уехал в Нигер, работать врачом Посольства СССР. Среди хороших воспоминаний – холодное пиво, французские сыры (один назывался «Дермо Дьявола» с соответствующим запахом), лягушачьи лапки...

Эпизод 18

В 1977 году, вернувшись из Нигера, в один из вечеров я пригласил к себе профессора Юрия Яковлевича Грицмана и Анатолия Сергеевича Мамонтова – нужно было приготовить нечто особенное. Остановился на лягушачьих лапках. Позвонил своему бывшему однокурснику на кафедру фармакологии 2-го Московского мединститута и через него достал что-то около сотни лягушек, но они были мелкие – пришлось зажарить ещё баранью ногу!

Эпизод 19

Эта овсяная мука называлась «Толокно» – небольшой пакетик грамм на 200!!!

Я очень любил есть её сырой – не нужно никакой заварки! Просто большую ложку с верхом направляешь в рот – красота!!!

14. Пять лет после операции

Один из читателей моего ЖЖ задал мне вопрос:

– Когда можно считать, что больной излечен от рака?

Царственный мой собеседник, спасибо большое за чудесный вопрос!

Конечно, если болезнь схвачена своевременно, то при правильном лечении больным удаётся обеспечить полнокровное продолжение жизни...

Все преступные спекуляции прохиндеев от науки касаются запущенных случаев. К примеру, у Иван Иваныча и Сан Саныча, мужиков сходной крепкости и жизненной силы, выявлен сходный по запущенности рак желудка/лёгкого или, скажем, пищевода.

Иван Иваныч принял мужественное решение: «Пришло моё время...» Три месяца он ещё продолжал работать, следующие три месяца уже не работал – изредка выходил из дома посидеть в скверике на лавочке, поиграть с мужиками в домино... Следующие три месяца он уже не выходил из дома – наблюдал жизнь в окошко и на экране телевизора. Последние три месяца жизни он провёл в постели. Умер через год после распознавания у него заболевания.

Сан Саныч поскреб по сусекам и карманам своих детей, заплатил великому топ-хирургу российскому 2000 долларов, да ещё с пяток тыщ всяким дополнительным медицинским службам Онкологического центра России. Прооперировали его... После операции он три месяца провёл в постели. В следующие три месяца смог чуть выкарабкаться на улицу с помощью близких. Три месяца побыл в лежачем-сидячем-едва-едва-ковыляющем положении на даче. Потом слёг и умер через год после распознавания у него заболевания.

Выводы делайте сами. Я могу набросить полгода жизни в пользу Сан Саныча – удовлетворяет ли это вас? Наверное, нет, а вот некоторых великих российских учёных такая статистика очень устраивает.

С трюками этой статистики должна быть знакома общественность...

15. Всё – с детьми покончено!

Сегодня сын, которому три дня назад исполнилось тридцать, надевает мантию по случаю получения второго диплома университета в Кейптауне. Очень своевременно.

Кто бы мог подумать, что этот выпускник советской школы периода фильздипеца развитого социализма в первые три месяца пребывания в Свазиленде упорно хотел стать автослесарем?

Всё, на этом я закончил мой долг по образованию детей – буду только в нарды играть.

Будет не совсем справедливо не отметить последнюю дочь, делающую PhD в Цюрихе.

И уж, разумеется, самую первую дочь, чья выпускная дипломная работа потрясла кафедру МГУ...

16. Мысли за рулём... и в церкви

Опять рулю – в горы на проверку «есть ли декабрьские белые»¹¹ – и мысли сам себе думаю.

А полчаса назад закончилась церковная служба – тоже чудесное время мозгами пораскинуть¹².

Лет семь-восемь назад я написал в Луанду приятелю Виктору Агафонову (химиотерапевт из ВОНЦ АМН СССР, с которым мы вместе приехали в Анголу) по поводу своей идеи с книгой «Я обрёл Бога в Африке: письма русского буш-хирурга». Витёк обеспокоился, что у меня крыша съехала, и срочно запросил меня:

– Ты чё – всю жизнь в России искал, а нашёл только в Африке?

В качестве лечебного средства для меня Витёк вложил в конверт (он тогда ещё не освоил е-мэйл – с электричеством в Луанде были перебои) вырезки из книги «Маркиз де Сад», где старательно подчеркнул красным фломастером слова «сын потаскухи и пьяного солдата» – это про Иисуса Христа!

Я чуток потешился над приятелем:

– Витя, а почему тебя так смутило упоминание Бога в письме старого человека? Вот если я, старик, говорю «х*й» – все нормально, а пишу тебе «Бог» – ты уже в отпаде??

¹¹ В России мы различаем два периода появления грибов – июль («колосовики») и осень («настоящий гриб»). В горных лесах Северного Трансвааля период «колосовиков» приходится на декабрь, а «настоящий гриб» появляется в марте.

¹² В атмосфере ладана и пережжённого парафина, под убаюкивающую англо-ганскую проповедь нашего картавого священника с вкраплениями органа или безорганных спиричуэлс на языке северных соту, в голову приходят такие ясные мысли – надо срочно-срочно это записать. Странно, что через 15 минут после окончания службы всё просветление моих мозгов испаряется – так бывает с идеями, осеняющими нас во сне.

17. Зомби мы...

И хотя в своих «письмах» я собирался говорить о Боге Хирургии, которому в российской юности я обязался служить, но познать в полной мере сподобился только в Африке, за Христа мне стало обидно – я завёлся и ответил Виктору примерно следующее.

Я, друг мой Витя, любовь к театру имею... воспитан им, можно сказать. Вот тебе куски для театрального представления моего ответа на реплику маркиза «сын потаскухи и пьяного солдата».

Первое.

«... Не от мира сего царствие моё...» – Иисус Христос.

Второе.

...В бытность мою сержантом медицинской службы в городе Риге свела меня судьба с новобранцем из Удмуртии, вырванным для трёхлетней срочной военной службы из духовной семинарии.

Все новобранцы выглядели ужасно – остриженные «под машинку», в огромных кирзовых сапогах (интересно, «кирза» – это российское изобретение??) и унижающих человеческое достоинство хлопчатобумажных гимнастерке и галифе с низкой мотней типа «мама, я опять насрал в штаны». Комичность чучелообразного облика семинариста довершали доисторические старушечьего типа очки в круглой железной оправе с мягкими заушными дужками. Салаги прибыли ко мне в медпункт для ухода за большой партией гриппозных солдат. Я, «старик» сержант, не упустил шанса поиздеваться над столь притягательным в своей необычности удмуртом:

– А ну-ка, семинарист, докажи мне, что Бог есть?

Чучело выпрямилось, отвлекаясь от мытья пола, и произнесло:

– А мне, товарищ сержант, не нужно ничего доказывать: я – верующий, я верую... Вам нужно? Вот вы и доказывайте.

Не буду врать, что я именно в тот миг вспомнил разговор Христа с Понтием Пилатом на картине Ге «Се – человек!» – это пришло ко мне значительно позже... Но тот удмурт имел много общего с обликом Христа с картины Ге, а сам Христос – вылитый «Ёжик в тумане».

Третье.

Пьяный солдат и потаскушка: рождественская сказка, навеянная маркизом де Садом

Холодный дождливый вечер на библейской земле... В одной из таверн на лавке поближе к очагу притулилась в ожидании клиентов-мужчин Мария – дочь многодетного неудачника, выгнавшего девушку-подростка на улицу в поисках прокорма для семьи самым древним промыслом. Мужики тех мест и в те времена не очень задумывались о возрасте девушки.

(А где и когда они задумывались? Напомню вам Шекспира. «Ромео и Джульетта» – разговор отца Джульетты, сеньора Капулетти, со сватающимся за его дочь графом Парисом:

Отец: Но дочь моя почти ребёнок – ей нет ещё четырнадцати лет...

Жених: Я знал ещё моложе матерей...

Обратите внимание, что речь не идёт о «взять девочку и растить её до половозрелого возраста», князь готов сделать её, тринадцатилетнюю, матерью!

Да-а-а... Ну, так вот – эти коблы библейских времён пользовались телом Марии, которая терпеливо отрабатывала кусок хлеба для своей семьи. Ни мозг её, ни физиология никак не связывали эти торговые сексуальные сессии с тем, что ныне называют «to make love». Можно ли назвать это блудом? – Нет. Была ли Мария непорочной? – Да. Принеся домой несколько

заработанных монет на пару лепёшек и, получив от отца пару оплеух «Мало принесла!», Мария плакала и забивалась в свой уголок играть в куколки.

Она не была «непорочной девой», она была ещё просто непорочным ребёнком-девочкой. Если кто-то ринется в анатомию с доказательствами, то я просто отсылаю его к выше приведённым словам Христа: «... Не от мира сего царствие моё...» А в царствии том совершенно другие понятия...

Ну, так вот... В тот промозглый вечер в описанную выше библейскую таверну вполз дрожащий от холода изувеченный войной молодой солдат. Он протянул хозяину пару собранных нищенством монет – «Хлеба...» – и уселся греться у огня. Хозяин дал порубленному парню кусок хлеба и со словами «За огонь нужно платить отдельно!» выпихнул его на улицу.

В сердце наблюдавшей эту сцену Марии возникло Сострадание – это то, чему учил Иоанн Предтеча¹³, не так ли? – проникновение Святым Духом.

Купив кувшин вина (вино всегда считали лекарством!) и хлеба, девушка вышла из таверны вслед за солдатом. Она нашла его под холодным дождем, взяла под руку и поволокла в свою комнату в доме отца, где накормила и дала ему немного вина. Поскольку дрожь солдата не унималась, Мария улеглась с ним рядом, пытаясь согреть его своим телом. Богоугодное дело всегда ходит рядом с греховным. Согревшийся и охмелевший молодой солдат пошёл дальше. А Мария, привыкшая к такому поведению мужчин, по такому же Состраданию отпустила солдата – и не было в этом ни крохи того, что мы называем ныне плотской любовью, блудом. Это было – Сострадание непорочной девы, проникновение в её душу Святого Духа.

Вот так и понесла Мария... от Святого Духа. И от всего этого для меня божественное величие жизни и смерти её сына, Иисуса Христа, только усиливается.

С Рождеством вас Христовым!

¹³ В легкомысленной светской и некоторой глупой церковной литературе Ионна неверно называют «Креститель» – по неправильному переводу глагола *to baptize*, который для русской действительности правильнее, наверное, переводить не «крестить», а «посвящать/приобщать», если речь идёт о детях, или «просвещать/приобщать» – если о взрослых. А называть упомянутого Иоанна «Крестителем», по-моему, ну никак нельзя – крест-то ещё не состоялся... Наиболее умные российские авторы и вдумчивая церковная русская литература пользуются более правильным определением – Иоанн Просветитель. Кем-то найдено совершенно потрясающее поэтическое определение – Иоанн Предтеча.

18. Опять мысли за рулём: так как же, как удержат хвост пистолетом?

Всё – «саммит» Рындиных закончился...

Дети разлетелись: Денис уже приступил к работе по первому в своей жизни контракту, Нюрка уже наполняет свой ЖЖ какими-то фантазиями на тему «Айболит и его Лимпоповия», а Ксения вылетает из Кейптауна в Цюрих через два часа...

Так уж получилось, что на приезд детей выпал самый напряжённый период моей работы в частной практике. Ну, это и хорошо – они видели, как дед держит хвост пистолетом.

19. Опять мысли за рулём: как простоял хвост первый месяц?

Я успешно вписался в разноцветный коллектив частного госпиталя

Оценить частную практику можно, только побывав в ней всем своим нутром... Я уже сделал первые открытия.

В государственном госпитале ты получаешь гарантированную зарплату, а всё остальное время просто имитируешь, что ты не только её заслуживаешь, но даже перерабатываешь. Каждый вызов к больному ты воспринимаешь чуть ли не как оскорбление: «Ну, ба-ааа-алин, просто заколебали!»

В частной практике ты ждёшь каждого звонка и бежишь зарабатывать. При этом без всякой уверенности (!!!) в том, что этот вызов-операция или многие дни/недели у постели больного в отделении интенсивной терапии принесут тебе доход. У внешних сил есть много способов не оплатить твой труд...

И даже когда оплата гарантирована, она поступает иногда аж через полгода – и плакаться тут некому. Просто на эти полгода нужно иметь что-то *для их прожить*.

В частной практике, особенно если ты – старый русский доктор в стране буров-и-всяких-там-зулусов-мусульман-индусов, у тебя нет выходных и «холидеев». Нет спокойных ночей, нет времени для пьянок («А они тебе нужны?»).

Да, в государственном госпитале работа более интересна – там можно поэкспериментировать: «Сегодня режу турлы-мурлИТ вдоль, а завтра такой же мурлИТ прорежу поперек!»... В частной практике нужно всё резать хоть зигзагом, но без непосредственных осложнений, а позже – пусть хоть лишайник на этом месте вырастет. Выписка больного всё списывает...

В частной практике довольно состоятельный старик-бур Кронье не может себе позволить отказаться в пользу нищего русского даже от занюханного аппендицита, но здесь и всякий больной может оказаться совершенно новым и необычно представленным.

20. Продолжение через два дня

В операционной особо снимать нечего – блестящая чистота. Ну, там какие-то прибабахи, которые так обычны, полагаю, для районных больниц России.

Следует отметить, что я – первый хирург в новом госпитале. Понятно – первый русский доктор *тута*. Я во многих африканских местах был первым русским хирургом, русским доктором, а то и вовсе русским человеком...

Я выполняю первые хирургические операции в этой округе. Гинекологические и ортопедические не в счёт – с этим делом много лучше уже.

Моя первопроходческая деятельность по душе медсёстрам. Особенно им понравились мои операции под местной анестезией. Сёстры стараются мне угодить: в конце первой операции я сказал:

– Попросите привезти следующего больного из палаты.

– Доктор, больной уже на столе в соседней операционной.

Я просто обалдел: такого я не только в провинциальном госпитале не видел – даже в частном госпитале таким сервисом нас не балуют. Только бы мне не забыть в следующий вторник купить операционному блоку пару тортов.

Очень приятно выглядит стерилизационная секция операционного блока. Кстати, я нынче принёс из Полокване (провинциального госпиталя) три даксоновые сетки для закрытия дефектов брюшной стенки. Размер сеток 30×30 см – такие мне сегодня не нужны.

Спрашиваю:

– Сестра, а как бы нам простерилизовать остатки сетки таким образом, чтобы они не испортились?

– Доктор, у нас есть газовая стерилизация для таких деликатных материалов.

Ну, что тут скажешь – глухая африканская деревня и всё тут!

21. Нет грибов

Да, дождей было много, но грибов пока нет.

Однако, воздух – я просто упивался им. Один – со мной никто не поехал. Сочли меня ненормальным. И это так...

Я ненормально наслаждался полным воды водохранилищем...

И полной воды лесной речкой...

И плакучими мексиканскими соснами...

Серебристой мягкой хвоей плакучей мексиканской сосны...

Я наслаждался неожиданными встречами на лесной дороге...

И этими цветочками, которые заполонили обе стороны лесной дороги.

Кусты ежевики и жёлуди – возбуждают ностальгические чувства...

По России? Вряд ли... Скорее, по юности-молодости!

Я уже давно в том возрасте, когда жаждут нового и необычного...

22. Нет, у меня нет никакого сомнения в том, что Бог меня любит!

В Свазиленде во время подготовки к юаровским экзаменам после каждого очередного провала вслух я шутил:

– Ничего, отрицательный опыт – тоже опыт. И он двигает нас всё ближе и ближе к голубой мечте – иметь под старость домик у самого синего моря.

А про себя молил: «Помоги, Господи!»

И вот сбылась голубая мечта – мы купили-таки дом на берегу моря!

Началось всё с того, что мне позвонил из Кейптауна сын и сказал, что он вынужден искать другое жильё. У меня автоматически вырвалось: «Давай я куплю квартиру, а ты будешь мне платить ежемесячно».

Я скор на принятие решений – через неделю мы прибыли с женой на три дня в Кейптаун для покупки жилья. Остановились вблизи кейптаунского университета в «гест-хаузе» с офигительным видом из окна Table mountain.

Эта гора и определила наш подход к выбору жилья для сына.

В непереводаемом благозвучно на русский язык Table View мы присмотрели жильё. И купили.

И купили не квартиру даже, а целый дом. Цены на жильё в этой части Кейптауна сумасшедшие – начинаются с 150–300 тыс долларов. Из одной квартирki в одну спальню с видом из окна на Table Mountain и океан за 130 000 баксов я уходить не хотел:

– Заверните – беру! – кричал.

А за один чудесно отделанный дом хозяин просил 180 000 долларов; я его чуть ли не за грудки брал и резко шептал ему в ухо:

– Отдаешь за 160 000? Сейчас беру!

Жена с сыном уговорили меня взять дом поскромнее – за 140 000 – мне в долги не нужно залезать...

Я сказал сыну:

– Ну, сын, тут вот и твоя доля наследства, и моя пенсия – владей! Теперь у тебя есть все атрибуты представителя среднего класса – два диплома и дом в шикарном районе. Старайся держаться этого уровня – не падай ниже.

23. Памяти Валерия Носика

В самом начале его карьеры о Валерии Носике в каком-то журнале была помещена статья внимательного автора со словами, смысл которых заключался в том, что чудесный актер В. Носик ждёт своего режиссера. Хэппи-энды всегда присутствуют в американских кино, но в российской действительности они встречаются гораздо реже. Валерка так и не дождался «своего» режиссера...

Мы побывали друг у друга на 50-летиях и разошлись. Я не могу сказать, что мой друг Валерка умер от пьянства, но прикладывался он часто... и, похоже, по большому счёту. А ведь его в молодости любили и ценили многие, в том числе и Лия Ахеджакова – умнейшая и талантливейшая актриса нашего времени. Предполагаю, что важнейшей причиной развода была водка.

Ещё одна неожиданная находка – мятая и местами порванная фотография с надписью на обороте: «Славка! Мне стыдно ТЕБЕ дарить фотографию, но все-таки: «Другу детства, юности, и теперь просто другу... Хрен с тобой – носи на память. Валерка Носик»... Я полагаю, что сегодня я хорошо помянул друга (один большой хлюп из стакана с виски).

24. Онирофильмы?

Есть фантастический рассказ итальянского писателя Лино Алдани «Онирофильм». Это же было гениальное предвидение – люди день работают для получения возможности купить ночное подключение к виртуальному путешествию в экзотику в сексуальном обществе, скажем, со знаменитой секс-бомбой.

Глобальный онанизм какой-то... Оно и в названиях созвучно: «онирофильмы» = «онанирующие-фильмы».

Со времён моего первого контакта с компьютером я потерял интерес к женщинам... почти. Сейчас жена не только ревнует меня к Интернету, она просто объявляет меня ненормальным по этой части.

Психический онанизм какой-то...

– Ну, так поедem в лес – смотреть слонов, – говорю.

– Ты совсем спятил, старый!

Похоже, что приглашение в буш-вельд ещё хуже...

А я люблю смотреть жирафов – самые красивые животные мира...

25. «...У вас ведь сейчас весна. Скоро на деревьях будет зелёная листва...»

Ты что, старик, – «зелёная листва»?!

Уже середина октября, а ещё ни капли дождя не упало. Всё сохнет... На воду строгий лимит – за прошлый месяц мне за перерасход воды начислили 250 долларов штрафа. У меня сердце кровью обливается смотреть на гибель газона вокруг моего дома – я туда вложил не менее 3000 долларов!

Сам поливал... Негритянский доктор едет мимо и удивляется:

– That's not good... You're a doctor, you have to doctor people but not your lawn.

Откуда ему понять, что момент поливания водичкой из шланга чахлой травки по действию на мой мозг столь же эффективно, как церковная служба... или кручение руля автомобиля по долгой дороге... Да это и просто приятно – наша чёрная «рабыня» Катрин, которая делает в нашем доме всё по своему усмотрению без всякого нашего вмешательства (моя Татьяна просто стесняется давать ей какие-либо указания), к поливу растительности на нашей «проперти» и вокруг относится просто молитвенно. Я её понимаю...

Сердце радуется только джакаранда. Тут ехал из тюрьмы по бушу – жёлто-коричневая сушь вокруг. И вдруг посреди этой сухоты – светло-фиолетовый взрыв огромного дерева джакаранды! На меня это действует надеждой, как «Вифлеемская звезда» в декабрьской русской рождественской холодной и нескончаемой ночи.

Ну, ежели *совсем по правде*, то есть ещё и другие цветущие кусты и деревья... И, разумеется, лягушки!

Вчера зашли в новый ресторанчик, а там – оглушающее пение лягушек.

Я хозяину:

– Это что – запись???

– Да нет – сами пришли и живут в крошечном искусственном водопадике.

– Да вы что! Скорее записывайте их пение и крутите круглый год! Да и дурацкое название вашего кабака поменяйте на «Царевна-лягушка»!

В горах, на верхушке одной горы, что в центре чайных плантаций, есть «Ти-гарден» – там у них в водопадике живёт bull-frog – вот это пение, доложу я вам!

Мой любимый профессор хирургии польско-израильско-юаровско-швейцарско-американский Моше Шайн как-то сказал: «Все мои коллеги экс-советские евреи, вспоминают жизнь в России, как сплошной кошмар...»

Никоим образом не пытаюсь приукрашивать коммунистическое правление, я всё-таки не могу не вступить за нашу молодость... Я отметил, среди всего прочего: «Моше, в России ты найдешь такое количество читателей твоих книг, которое и не приснится тебе во всех польшах-израилях-юариях-швейцариях-америках... У нас со жратвой было не очень, но еврейских толковых авторов зачитывали до дыр».

26. Слава, еврей – это перешедший реку

Спасибо, очень поэтично.

Для меня евреи с детства были моими первыми иностранцами – чуть не инопланетянами. Меня всегда к ним тянуло – так рано мне обрыдли мои соплеменники. Наверное, с таким же чувством русские женщины ходят по воскресным дням в церковь – хоть на час-два в неделю оторваться от пьяной блевотной русской жизни...

Жаль, что особого разговора на тему о евреях с советскими или экс-советскими «братями-еврейцами» (мне понравилось это выражение одного из наших докторов) не получается: чуть что не так сказал – уже клеймят тебя как антисемита...

Вся надежда на молодых израильтян, отмытых от рабства «еврейства»... У меня такое чувство, что нынешнему израильтянину будет совершенно неинтересно читать Шолом-Алейхем: «Это не про нас...»

И это правильно, поскольку «израильтянин – это вернувшийся из-за реки»...

27. Частная практика: тысячный пациент

Мы купили дом и переехали в него в мае 2001 года. Где-то в начале 2002 я получил разрешение муниципальных властей на открытие Surgery (так тут называют кабинет частнопрактикующего врача) и приколотил на стене моего дома соответствующую вывеску.

Мама Таня не верила в мой успех и ворчала по поводу каждого ранда, который я тратил на скромное оборудование кабинета. Успешно процветающий русский-еврейский-американец Миша Клячкин, доктор сердечно-сосудистых медико-хирургических наук, издевался надо мной: «Это может быть использовано разве только в индийской резервации».

Неделю назад забрызганный кровью старик Кронье – самый-самый старожил этих мест из четырёх действующих частных хирургов города, поскрипывая двумя недавно поставленными искусственными тазобедренными суставами, приколесил из одной операционной частного госпиталя в другую, где я иссекал анальную фистулу, и сказал сквозь маску:

– Док, посмотрите моего больного, ага?

– Sure! («Конечно!») – сердце моё забилося...

Случалось, что мы с Тхлелане приглашали деда Кронье помочь нам в сложных интраоперационных случаях, сам Кронье удостаивал меня чести быть приглашённым ассистировать ему при панкреатодуоденальной резекции и при разрыве аневризмы абдоминальной аорты, а тут, понимаешь, такое!

Dr. LOWAN Tlhelani A. (Pieters)

На снимках, выставленных на негатоскопе, – сморщенная верхняя доля левого лёгкого с множеством кальцинатов и полостью с фиброзными стенками.

Дед Кронье:

– Тут аспергиллома после длительного антитуберкулёзного лечения. Не могу отделить её от стенки. Что вы думаете?

Я заглянул в рану:

– Я бы пошёл на корень и перевязал сначала все сосуды.

– А могу я вскрыть полость каверны???

– Кровь будет...

– Мы не заказали кровь для операции, – вставил словечко седой анестезиолог Смит.

– ????

– Док, вы можете продолжить операцию – я вам помогу? – предложил старик Кронье.

– Sure! – Конечно!

Широко распаханная операционная рана – заднебоковая торакотомия. Не люблю я этот очень травматичный доступ. В ассистентах у старика мнёт затекшие ноги добродушного вида

амбал бур из местных частных GP – врач общего профиля. Я его тоже как-то брал в ассистенты, но для торакотомии он не только бесполезен, но даже и опасен. Они вышли прямо на нижний полюс каверны, часть лёгкого подрана, часть выделена экстраплеврально – кровь тоненьким ручейком стекает на пол.

– Фриц, – обращаюсь я к анестезиологу, – закажите кровь. Я не знаю, сколько мы потеряем ещё.

– Доктор Рындин, это cash-patient – у него нет медицинской страховки. Мы не заказывали место в отделении интенсивной терапии – он не сможет оплатить это. Я вас прошу не терять кровь и закончить операцию как можно быстрее, – отвечает анестезиолог.

– ???...

Я едва не падаю от изумления, но бодро-весело, в шутливом тоне, продолжаю:

– Фриц, вы ж понимаете, что, имея такую честь прийти на помощь доктору Кронье, я не могу его подвести – я не буду торопиться и буду делать всё так аккуратно, как только могу.

– Я вас понял, док. Безопасность – превыше всего, иначе все мы будем в большом дерьме...

Деда Кронье я отпустил после ушивания верхнедолевого бронха. Нам ещё пришлось прилично покувыркаться при выделении замурованной нижней доли, осушении сочащейся кровью грудной стенки и ушивания огромного торакотомного разреза.

Утром следующего дня звонок Кронье:

– Доктор Рындин, не могли бы вы перевести больного в провинциальный госпиталь? Он просто не потянет дальнейшее пребывание в частном госпитале – только счёт за операционную составил 25 000 рандов.

– Нет, проблем, доктор Кронье.... Я сейчас распоряжусь.

Больного я нахожу в отделении интенсивной терапии частного госпиталя. – Доброе утро! Я – доктор Рындин. Доктор Кронье пригласил меня помочь вам. В провинциальном госпитале мы имеем общие палаты и частную. В какую палату вы желаете быть госпитализированы? В частную? ОК. В этой палате вы можете быть государственным больным без права выбирать себе лечащего врача, но можете выбрать и частного врача. К сожалению, у нас только два частных хирурга – я и доктор Маховский. Последний сейчас в отпуске. У вас не очень большой выбор... Вы согласны, чтобы я был вашим частным врачом?

– Сколько это мне будет стоить?

– 300 рандов в день.

– Очень хорошо! – бодро соглашается пациент.

Mr. Petrus Pontsa Mokgoetla не был моим тысячным пациентов, он был 997-м. Но история работы с ним лучше всего отразила моё положение на рынке медицинских услуг в провинции Лимпопо.

P.S. Средний доход общего хирурга в США равен примерно 220 000 долларов в год. (Профессор Моше Шайн, 26.07.2007.)

Ну, мой доход хирурга государственного госпиталя с подработкой в частной практике даже в самый лучший финансовый год (закончился 28 февраля) прилично не дотянул до 100 000 долларов. Доход частных хирургов ЮАР с установившейся практикой в «денежных» городах (Йоханнесбург, Претория, Дурбан, Кейптаун), полагаю, не уступит «среднему» доходу американцев.

Одно дело – заработать деньги, другое дело – получить заработанное... Общеизвестно, что никакая медицинская страховка в мире не обеспечивает гарантированного покрытия всех медицинских расходов своих клиентов – страховые компании оплачивают медицинские услуги в соответствии с установленными ими тарифами и в пределах ими же установленных правил. Полные расчёты больного с врачом и лечебным учреждением – личное дело пациента. К сожалению, это выше понимания абсолютного большинство населения Южной Африки...

что, пожалуй, и является первым обескураживающим моментом для врача, начавшего здесь частную практику.

Вторая трудность – умение правильно составить счёт (claim) на оплату своих услуг.

Ни первому, ни второму не учат не только в медицинских академиях России, но и в медицинских университетах ЮАР, а также, подозреваю, и медицинских школах США.

(Только сейчас обратил внимание на интересную закономерность: чем ниже уровень медицинской подготовки в учебном заведении, тем более претенциозное название оно себе выбирает).

Неправильно составленный счёт – гарантия того, что вы не получите своих кровных денег.

В помощь врачам в ЮАР Медицинская Ассоциация страны выпускает ежегодно соответствующее руководство DOCTORS' BILLING MANUAL – печатное и в электронной версии. Руководство содержит минимальные тарифы оплаты медицинских услуг, по которым страховые компании рассчитываются с врачами. Ты можешь запросить с больного большую цену за свою услугу. Можешь. А больной, в свою очередь, может уйти к другому хирургу. По этой причине ты десять раз подумаешь. Члены Ассоциации Хирургов ЮАР имеют свои тарифы, которые значительно выше тарифов страховых компаний. Но сколько людей в ЮАР понимают значимость членства в Ассоциации Хирургов? Для мистера Petrus Pontsa Mokgoetla это прозвучит не лучше и не хуже, чем «доктор медицинских наук СССР»...

На составление счёта длительно лечившемуся у меня больному я порой трачу не менее получаса. Счета можно печатать на бумаге и отсылать почтой, а можно воспользоваться компьютерной программой и отправить электронной почтой.

Я печатаю счета на бумаге и отправляю «Быстрой почтой» (Fast mail) – иначе есть риск, что при моём запросе «Эй, вы чё мне не платите-то?» получить ответ: «А мы от вас ничего и не получали!». А если свои счета на значительную сумму я отправляю курьерской почтой – тут уж им не отвертеться. В деле составления счетов я уже если не собаку, то кошку, наверняка, съел – могу при физической несостоятельности даже этим делом себе на хлеб зарабатывать!

Электронная почта – дело, конечно, хорошее: быстро доставляет твои счета страховой компании, там их быстро обрабатывают, и ты получаешь свои денежки быстро-быстро – максимум за неделю. Недостаток её – довольно долгое заполнение каждого счёта.

Возможно, что это просто с непривычки...

Счета на бумаге оплачиваются, в лучшем случае, в течение двух недель, но случаются и многие месяцы выбивания своих денег... Основная причина задержки – позднее поступление твоих счетов. Но порой причина кроется в самой страховой компании.

Кажется, кто-то из власть предержащих грозился экс-советским гражданам: «Я научу вас за каждой копейкой нагибаться!»

Не знаю про всех экс-советских, но я наклоняюсь: мои счета колеблются от консультационных 156 рандов (20 долларов) до 23 000 рандов (чуть более 3000 долларов) за длительное лечение тяжёлых больных.

* * *

Интернетовская болезнь сегодня всем известна – нет нужды объяснять. Людям, поменявшим жизнь после пятидесяти, Интернет-общение в старости становится просто необходимым. Я участвую в нескольких профессиональных виртуальных форумах на русском и английском, болтаю на некоторых непрофессиональных русскоязычных форумах.

Среди последних ценным и интересным является Живой Журнал (ЖЖ), что определяется составом людей, записавших меня в свои друзья. Похоже, что моя дочь Анна рекомендовала меня своим друзьям, для которых я какое-то время был интересен. И они мне – до такой

степени, что я, как запойный алкоголик, каждый день смотрю свой почтовый ящик ЖЖ... Но там бывают отклики только на мои новые послания, а если не написал ничего нового, то и писем нет... Это заставляет писать.

28. Мы – цыгане

Сегодня у нас годовщина свадьбы: фигня – всего 39 лет вместе.

Заказываю корзину цветов, покупаю ба-ааа-альшую бутылку вина и два ба-ааа-альших бокала, коробку шоколада, любимые сигареты жены с красивенькой зажигалкой. Ну, и «Мерседес» заказываю... новенький – привезут прямо с завода!

А что? Я её «Тойоту» разбил вусмерть – и вот, покупаю замену.

Так всегда надо делать, если хочешь сделать жене приятное: сядишься в её машину, разбиваешь её вдребезги и покупаешь лучшую – прямо с завода!

Жене нравится «Мерседес». Мне тоже. А наш анестезиолог, венгр Ласло Сомоди говорит: «На «Мерседесах» ездят только цыгане».

Наверное, это в Венгрии – там хорошо народ живёт, даже цыгане.

Но у нас с женой много пороков по части вкуса. Вот и здесь – уподобились цыганам...

Цена нас не смутила, так как наш буккипер сказал, что он гарантирует ежегодное возвращение 20 % стоимости машины из моих доходов – ну, вроде как за износ. Получается, что через 5 лет я верну себе её стоимость – а такая машина, при соответственном уходе, и через 5 лет остаётся красивой девочкой. Чудеса бизнеса!

29. Убийцы в белых халатах: «Господи, не ту ногу отрезали!»

Для эластичности моих позиций при наскоках на меня под лозунгом «Чернушник!» я расскажу пару случаев собственных «ненужных» операций.

Как-то смотрел я своих клиентов в частной тюрьме особо строгого режима. Заходит один висельник и жалуется на боль в левой паховой области. Я засовываю свой указательный палец в левый паховый канал и нахожу там небольшую грыжу.

– Миньер, похоже, что ваша боль связана с имеющейся у вас грыжей. Если желаете, я могу грыжу ушить.

– Ноу проблем! – отвечает висельник, что означает «Не возражаю!».

Я записал в историю болезни свою рекомендацию хирургического лечения.

По соображениям безопасности заключённые попадают ко мне на операцию через значительные сроки. Вот и упомянутый висельник прибыл ко мне в госпиталь через несколько месяцев. В приёмном отделении госпиталя читаю сопроводительное письмо: «Направляется к д-ру Рындину для операции по поводу грыжи».

Я прошу висельника спустить штаны и засовываю опять свой указательный палец в грыжевой канал... в правый, так как не знаю почему, но большинство паховых грыж у местных мужиков располагается справа. Нахожу грыжу. Пишу в форме «Согласие больного на операцию»: Коррекция правой паховой грыжи с помощью сетки.

Поскольку висельник не говорит по-английски, медсестра приёмного отделения переводит ему содержание формы и просит его расписаться. Мой клиент расписывается (!!!), а сестра ставит свою подпись свидетеля свершившегося акта подписания «ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ НА ОПЕРАЦИЮ».

В палате в процессе подготовки больного к операции палатные медсёстры проверяют содержание формы «информированного согласия на операцию» с намерениями хирурга – они пишут в истории «Коррекция правой паховой грыжи с помощью сетки».

Заключительный этап проверки на тему «Не дай Господь, не ту ногу отрезать!» при въезде в операционный блок палатная медсестра сдаёт больного операционной медсестре с докладом – моего больного, согласно протоколу этой сдаче-приему, приняли для «Коррекция правой паховой грыжи с помощью сетки».

Перед разрезанием плоти проверяю пальцем оба паховых канала:

– У него двусторонняя грыжа! На какую сторону он подписался-то? На правую? Ну, хорошо – левую сделаем потом.

Большинство хирургов избегают оперировать «в один присест» паховые грыжи с двух сторон. Честно говоря, не знаю причин. Может, просто не совсем уютно ощущать боль с обеих сторон?

После операции мой висельник, не совсем очухавшийся от наркоза заорал:

– У меня слева болело, а вы мне справа операцию сделали!!!

– Пардон, миньер, но вы ведь согласие подписали на операцию справа. Слева я вам грыжу залатаю через пару недель.

Так я и сделал – починил его левостороннюю грыжу через две недели.

Но этим история не закончилась. Заключённые в тюрьме особого охранительного режима только на воле не были осведомлены о праве своих жертв на жизнь, а в тюрьме они чётко в этом вопросе ориентированы, и целая комиссия по правам человека строго следит за тем, чтобы никто не ущемлял права заключённых. Висельники от скуки развлекаются написанием всякого рола жалоб, а уж тут – такой случай! Короче, через полгода получаю письмо из Медицинского Совета: «На вас жалоба».

Ну, вот ведь... Обращаюсь в свою профессиональную страховую компанию. После получения от меня объяснения сути дела адвокаты «Medical Protection Society» переписали грамотно по-английски моё письмо в Медицинский Совет. Сказали, что где-то через полгода будет разбирательство.

Там всё кончилось для меня благополучно: специальная комиссия сделала заключение «Согласие было подписано на операцию справа – за хирургом нет вины».

30. Частная медицина: заколдованная пуля

В народе говорят: «Беда никогда не ходит одна», а в медицине это отражает закон парности клинических случаев. Месяц назад приезжаю в тюрьму, а там опять недовольство. Два года назад обратился ко мне один заключённый с жалобами на то, что полицейская пуля в его левом лёгком мешает ему жить – кровохарканье у него.

– Хорошо, я попробую эту пулю удалить.

Во время операции в области, прилегающей в пуле, я нашёл хронический абсцесс (долго существующий гнойник) – источник, как я полагаю, кровохарканья. Абсцесс я иссек. Сама пуля лежала в прикорневой части в плотных фиброзных тканях – поиски её и удаление были связаны с риском повреждения сосудов корня лёгкого, что могло потребовать удаления доли, а то и всего лёгкого.

Помня, что «лучшее – враг хорошего», я предпочёл удовлетвориться удалением абсцесса и закончить операцию.

Два года мой очередной висельник, обращаясь ко мне по поводу болячек в заднице, жалоб со стороны лёгких не предъявлял и приветствовал меня словами:

– Доктор, я так вам благодарен – вы спасли мне жизнь!

Чуть позже пришёл он с жалобами на изжогу после еды к тюремному Джи Пи, который назначил ему рентген грудной клетки и радостно закричал:

– А у тебя пулю-то не удалили!

Надо сказать, что у чёрного народа этого региона Африки есть глубокая вера в магическую повреждающую силу пули, которая сидит в человеческом теле – рано или поздно она прикончит носителя.

Сообщение настолько психически подкосило моего висельника, что он тут же написал жалостливое письмо с настойчивой просьбой показать ему протокол моей операции. Это письмо и просьбу заключённого и передал мне Джи Пи.

– Зовите его, плиииз! – попросил я.

Привели моего пациента.

– Миньер, вот вам протокол моей операции – там ни слова об удалении пули. Да и я вам, насколько я помню, не говорил об этом. Я удалил абсцесс из вашего лёгкого. Удаление пули было связано с большим риском для вашей жизни – я предпочёл остановиться и не рисковать ею. Два года вы чувствовали себя хорошо и приветствовали меня благодарными возгласами за спасение вашей жизни. Если вы мне не доверяете, я могу организовать вам «second opinion», то есть показать вас и ваши рентгеновские снимки другому чёрному торакальному хирургу – профессору Мохлала или доктору Чауке. Может, кто из них возьмётся за удаление пули.

– Нет, я хочу, чтобы именно вы удалили эту пулю.

– Нет, май фрэнд, я уже пытался и у меня не получилось. Пусть теперь попытается кто-то другой.

Мы с ним договорились, что я повторю ему рентгенограммы лёгких, сделаю КТ грудной клетки и покажу его доктору Чауке.

Доктор Чауке – чёрный кардиоторакальный хирург, отказался повторно оперировать чёрного висельника – а ведь мог запросто накрутить за эту операцию с тысячу рандов.

Старый венда Майк Радохва и мой друг шангано Тхлелане Лоуэн не понимают привилегий, которыми правительство ЮАР наградило заключённых: их лечат по тарифам частной медицины (это значит – с приглашением частных специалистов) и принимают-оперируют вне очереди. Жертвы этих преступников обязаны платить за своё лечение сами, а если денег нет, то в государственном секторе они ждут приёма у специалиста месяцами. Буры-расисты часто говорят: «Большинство обитателей этой тюрьмы заслуживают виселицы».

В последнем разговоре анестезиолог Майк Радохва заметил:

– Слава, на операцию к этим заключённым меня не зови – я ни за какие деньги не пойду.

31. Частная медицина: никто не имеет права умереть без операции

Профессор А.И. Пирогов остался в моей памяти только благодаря своим лингвистическим ляпсусам. Как-то на утренней конференции отделения дежурная медсестра доложила о смерти больного, который не дожил до планируемой ему операции.

Пирогов начал своё токование:

– Кто лечащий врач? Зарубите себе на носу – в моём отделении ни один больной не может умереть без операции!

Сидевший рядом со мной Михаил Давыдов (нынешний президент АМН России) тут же пробормотал:

– Они умрут после неё...

Молодой бур в автомобильной аварии получил черепно-мозговую травму. С места аварии парамедики «скорой помощи» доставили его в ближайший госпиталь второй линии, где молодой доктор определил у больного смерть мозга и даже выписал сертификат о смерти. Ну, с выпиской сертификата парень поторопился – нужно было подождать остановки сердца и дыхания – а в остальном был прав.

Обезумевшие от горя небогатые родители 26-летнего парня отказались принять суждение молодого врача какого-то занюханного госпиталя в африканском буше:

– Везите его в частный госпиталь в Полокване – у нас нет медицинской страховки, но мы всё оплатим наличными!

За наличные нейрохирург частного госпиталя показал на конвульсивное дрыгание какой-то мышцы больного и заключил:

– Он же ещё шевелится – ему нужно сделать КТ и, наверное, оперировать!

Обогадив на 500 долларов приятеля-рентгенолога, нейрохирург и сам чуть-чуть озолотился на выполнении краниотомии – открытии черепной коробки с удалением чего-то там жидкого...

На оплату отделения интенсивной терапии (под 900 долларов в сутки) у родителей денег не было, поэтому молодого бура перевели в провинциальный госпиталь, где он благополучно скончался через 5 дней. За эти 5 дней медсёстры частного и провинциального госпиталей вдоволь насплетничались на тему: «Частные хирурги покойников оперируют!».

32. Гимн буш-хирургии

Одна из радостей моей жизни – освобождение от зауженной специализации, в которую меня загнала советская система медицинского образования. Торакальная хирургическая онкология – сплошная убогость.

За доказательствами мне далеко ходить нет нужды: торакальный хирург-онколог Михайло Иванович Давыдов, как только обрёл власть, моментально подмял под себя абдоминальное отделение и стал царьком во всей хирургической онкологии на обломках Российской империи.

Те же доктора, пусть даже и очень бодливые, но не имеющие рогов, которыми Господь обеспечил Давыдова, вынуждены жевать одну и ту же жвачку всю жизнь и стоять насмерть за великую научно-практическую значимость своих статей-диссертаций-положений, во имя величия российского онкологического научного центра имени отца-основателя Н.Н. Блохина и его здравствующего преемника М.И. Давыдова.

Такая схема, где узкие-специалисты – винтики большой машины, которой рулит «хирург-от-Бога», наверное, очень практична и дешёва для тоталитарного государства. Но уж определённно, что она уничтожает индивидуальность врачей-винтиков. И я очень сомневаюсь, что это идёт на пользу больным.

В краях, где я пашу на свой хлеб с маслом, работа хирурга интересна, а работа буш-хирурга – интересна вдвойне.

А чем отличается буш-хирург от общего хирурга?

Буш-хирург должен уметь оперировать всё то, что оперирует общий хирург, и плюс всё то, что общий хирург не оперирует сам, а отправляет супер – специалистам. У буш-хирурга, как правило, нет возможности, в силу различных причин, переправить больного кому-либо другому – или оперирует он, или никто.

Вот и приходится буш-хирургу оперировать с головы до пят, от новорождённых до престарелых.

Гимн буш-хирургии: оперируем всех – малых... Оперируем новорождённых

В последние часы пребывания у меня в доме высокого чеченского гостя мне позвонили из Полокване госпиталя:

– Док, у нас в приёмном новорождённый с периферии – он родился со всеми кишками наружу. У вас, говорят, московский профессор детской хирургии гостит – может, приедете?

– Хасан, едем? – спрашиваю гостя, а сам тут же в трубку:

– Уже едем...

Хасан не имел права оперировать – он давал мне полезные ЦУ¹⁴.

Главное – нужны смелость хирурга, хороший анестезиолог и хорошая реанимация для новорождённых.

У меня было две возможности: направить ребёнка в академический госпиталь в Преторию или оперировать самому и поместить *дитё* в реанимацию для новорождённых в Манквент-госпиталь.

Претория ответила, что у них в реанимации мест нет – выкручивайтесь сами.

В Манквенте всё есть. Даю нужные указания по переводу больного за 30 км, и мы с Хасаном едем.

Суть операции – собрать все кишки в эластичный мешок, который подвешивают к крышке инкубатора. Если ребёнок не умирает от осложнений, то эластичный мешок выдавливает кишки в подрастающую брюшную полость ребёнка. Выживаемость таких детишек даже в специализированных центрах далеко не 100 %...

Кишки мы собрали и упаковали в резиновую перчатку.

Потом дали подержаться за мешок ассистенту – хирургу из Замбии мистеру Сибу Линьяма, выпускнику Львовского мединститута.

Потом московско – чеченский профессор делает на память снимок всей бригады.

Гимн буш-хирургии: оперируем всех – старых... Оперируем престарелых

Mr. Mabuяa Phillimon был мне представлен по поводу большого периферического рака нижней доли правого лёгкого. Опухоль была величиной с кулак, но представлялась вполне удаляемой.

– Сколько вам лет? – формальности ради спрашиваю Mr. Mabuяa Phillimon, внешне очень схожего со скульптурным портретом короля Махобо, убиенным бурами в давние времена.

– Мне 82 года.

– Да-а-а-а??? Не верю! – со смехом удивления сказал я. – А кем вы работали в молодости?

– Шахтёром на золотых шахтах.

– А мне кажется, что вы работали королем племени Махобусклоф.

Звоню молодому Айболиту Олегу Мацевичу:

– Ну, что, профессор Мацевич, короля вашего можно, по-моему, оперировать. Спасибо за то, что вовлекаете меня в такую работу – демонстрируете мою необходимость провинциальному госпиталю!

Операция прошла на высоком техническом уровне, а Mr. Mabuяa Phillimon через 24 часа после операции выглядел действительно по-королевски.

¹⁴ ЦУ – ценные указания – шуточная аббревиатура.

33. Хлопающие туды-сюды окна в Париже

Часть первая – внутренняя

Вот одно из писем, которые я получаю довольно часто...

«Вячеслав Дмитриевич, а выбора нету.

Проехал всю Россию в поисках работы. Работал короткое время в Приморье рядом с Владивостоком. Край чудесный, но, по-моему, в скором времени отойдет китайцам, а среди чиновников, опять же, только по-моему, лица – у кого с легкой, а у кого со средней степени олигофренией.

Вернулся домой в Поволжье. Искал работу в Подмоскovie, был даже записан на приём к министру здравоохранения Подмоскovie. Не повезло – работы в Подмоскovie не нашёл. Мечтал и рвался одно время работать в ЮАР – НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ. Просился на работу даже в ЧЕЧНИЮ. Я там на первой войне отработал 1,5 года – тоже не взяли. Сейчас уже 2 года отработал в Йемене.

Прошу прощения искренне за многословие – за большое задел. Извините. С уважением к Вам как к человеку и как к ДОКТОРУ АЙБОЛИТУ. Доктор НН»

Единственный в мире памятник наёмникам вырублен в скале в городе Люцерне (Швейцария) – так благодарные соотечественники увековечили память молодых швейцарских гвардейцев, растерзанных французской чернью при убийстве своего последнего Людовика.

Французы постоянно пользовались иностранной рабочей силой, возьми ли всемирный сброд в армиях Наполеона, русских царских офицеров в роли парижских таксистов, русских девочек на Пляс Пигаль или чёрных футболистов сборной Франции на нынешнем, 2006 года, мировом чемпионате в Германии. Подозреваю, что именно этим обусловлено название фильма «Окно в Париж».

В принципе, в наёмничестве нет ничего зазорного: нет хлеба в родной деревне или на Родине – ищи его «за бугром» в дальнем городе или в ещё более дальних *забугорьях*.

Однако в России все мыслится не так.

В XIX столетии наиболее пытливые русские доктора ездили постигать вершины мастерства в Германию. По нынешним временам лучшим местом для таких целей всемирно определена Америка.

И вот наши Саша-Паши-Иваны напряглись – выучили английский, сдали все премудрые многоступенчатые американские медицинские экзамены – и доказали свою пригодность быть принятыми в клиники США для обучения на специалистов, с зарплатой-стипендией где-то в 2500 долларов. Они нашли соответствующие клиники, прошли положенные интервью – дело осталось за получением «учебной визы». Американские иммиграционные власти согласны выдать русским парням и девушкам эти чёртовы визы при условии, что Минздрав России поддержит их стремление к учёбе небольшой бумажкой следующего содержания: «После обучения оным умным медицинским специалистам будет предоставлена возможность трудиться в российском здравоохранении». Казалось бы – что за вопрос-то!?

Но нынешние правители постановили отказать в выдаче такой бумажки талантливым молодым людям: «Нет уж, нет уж! Такие умные, да ещё со знанием языка, нам самим нужны! Они у нас *туда*, в России, взятку кому надо дадут и будут приняты в двухлетнюю инвалидную специализацию – где будут жопу нашим «хирургам-от-бога» лизать за зарплату, на которую ни

жить, ни помереть. Мы на их обучение *тыщи долларов* затратили – пусть *таперича* отрабатывают, нечего им по границам шастать!»

Все типично по-российски: благословляют вывоз из России уворованных полезных ископаемых или миллиардов долларов, а на поправку косо поставленного за десяток тысяч баксов медицинского образования тебя без «подмазки» не выпустят...

Вот и получается, что не *только* окно, а даже жалкая форточка во всякие там Парижи прихлопывается перед носом нашей талантливой медицинской молодежи с родной российской стороны.

Часть вторая – внешняя

Обыватель считает, что медицина – это то, о чём у любого правительство должна болеть голова в первую очередь. Поэтому, когда кухарки приходят к власти, они бросаются производить врачей и строить госпитали. Это глупость, конечно, по многим аспектам – сразу всего не объяснишь.

Вот элементарный пример. Страна ЮАР: 40 % безработицы, 30 % больных СПИДом, при отсутствии собственных серьёзных природных запасов энергоносителей почти вся промышленность и деловая жизнь базируется на автомобильном транспорте – можете себе представить финансовую ситуацию даже при незначительном повышении цен на нефть, скажем, процентов на пять!

Вопрос: куда нужно прежде всего вкладывать деньги?

Правильно – и я о том же думаю!

Самое интересное, что и президент страны тоже так думает: «СПИД не от вируса, а от нищеты!» Мудрая мысль: сначала нужно выбраться из нищеты.

Ну, а больные СПИДом могут тихо *отмирать* – не следует торопиться обогащать международные фармацевтические компании закупкой дорогих анти-СПИДовских лекарств сомнительной эффективности. И не суть важно, на чьи деньги предлагают закупать эту отраву – из бюджета ЮАР или за счёт мизерных подачек ООНовских организаций. Питающимся горстью мамалыги в день жителям трущоб никакие антивирусные препараты не помогут противостоять туберкулёзной палочке, устойчивой ко всем доступным антитуберкулёзным препаратам.

Трущобы, трудно представляемые для жителей северного полушария, – место проживания более половины населения Африки. Ни воды, ни канализации: дерьмо, моча повсюду – на земле, в воде, в воздухе – представляете? Я не говорю про электричество... Алкоголь, наркотики и секс – основные доступные развлечения. Нищенство, воровство, грабёж, убийства – основные источники существования. Малярия, туберкулёз, амебиаз, брюшной тиф – основные заболевания. Пилульками тут проблему не решить – это очевидно любому здравомыслящему человеку.

Однако какой-то минимальный набор медиков нужен даже в трущобах – мрут же люди! Пусть вонючие, вороватые, пусть убийцы, но – люди!

90 % населения провинции Лимпопо голосовала за правящую партию Нельсона Манделы – АНК. За что правительство щедрой рукой отпускает приличное количество денег на нужды здравоохранения провинции. Количество врачей растёт: 10 лет назад в провинциальном госпитале работали всего пять врачей, а теперь машину негде припарковать... Хуже со специалистами – их единицы. Покойный декан с подачи польского профессора Маховского благословил набор кадров в Восточной Европе.

Русский профессор Б.Д. Савчук прибыл первым. Потом прибыли четверо «айболят». Но хирургов нужно много, очень много! Маховский организует новый набор врачей, в их число мне удалось пристроить троих наших ребят, двое других россиян вышли на Маховского сами. Всех зарегистрировали в Медицинском Совете страны ценой невероятных усилий Маховского.

Дело стало за малым – получением благословления МЗ ЮАР. И тут что-то в мозгу (или в заднице?) у какого «нового» африканца засвербило: «Как это? Как это? Зарегистрированы без сдачи экзаменов?» – Всё затормозилось...

Посетившая провинцию мадам министр здравоохранения заявила: «Иностранцам контракт после трёх лет работы не продлевать. Ну, уж очень нужным – можно продлить контракт ещё 118 на год на индивидуальной основе. После четырёх лет все должны уезжать. Только уж ООООочень важные могут остаться».

Логика ясна – им нужно беречь места для своих специалистов, которые в каком-то скромном количестве будут готовы в лучшем случае через 10 лет. Но сколько их захочет работать в государственном госпитале? Пока у нас в госпитале нет НИ ОДНОГО ЮАРОВСКОГО СПЕЦИАЛИСТА-ХИРУРГА – ни белого, ни чёрного...

Не буду вдаваться в детали, но полгода назад в провинциальном госпитале – единственном оперирующем госпитале провинции в 6 млн человек – было десять хирургов. Ушёл Монсон, ушёл я – осталось восемь. Если не продлят контракты «айболям», останется пять...

Так вот и хлопают створки «окна в африканский Париж» туда-сюда...

34. Китайские истории: о бедном китайце замолвите слово Один из моих пациентов очень плох...

А ежели сказать честно, то он просто помирает. Помирает с момента нашего знакомства, а ему, молодому парню, казалось бы, жить и жить.

Таких больных, как этот парень, много проходило через мои руки и в более запущенном состоянии – и выживали ведь.

И сюжет, вроде как, прост: у больного – удар-разрыв-перитонит, у хирурга – открыл-нашёл-ушил-помыл-закрыл.

У других такое работало, а у этого не работает. Прямо как у чеховского Ионыча: «Больной трудный пошёл: касторки даёшь – не помогает...»

Но это – эмоциональная, так сказать, часть, рассчитанная на почтенную обывательскую публику. Самая мучительная, а потому сумбурная, трудно рождаемая, но заполняющая мой мозг уже три недели...

А для медицинской братии всё много проще, а потому скучновато. Речь идёт об остром тубулярном некрозе (острой почечной недостаточности) в результате длительного гиповолемического шока.

А. Свидетельства с мест

Цитата: (<http://cathay-stray.livejournal.com/101130.html>)

Медицина в КНР

«... Не раз писал, что в Китае медицина ОЧЕНЬ платная. Не в курсе, дают ли молодые китайские врачи какие-нибудь клятвы. Впрочем, если и дают, то цена китайским клятвам на мировом рынке сильно отличается от цен на нефть. Последняя выше.

Никаких обязательств у государства по спасению граждан нет. Бабки на бочку. Нет бабок? – вон. И совершенно никого не волнует, помрёшь ли ты прямо в холле больницы или на ступеньках, либо дотянешь до дома и будешь в муках погибать там несколько месяцев...

Просто факт. Понедельник и вторник я провёл с женой в городе Дунгуан... В понедельник вечером я приехал к её фабрике, жду её появления в кафе напротив. Приходит, рассказывает.

Муж одной швеи, занятой на женином заказе, в сумерках получил по голове ломом. Ну, хорошо, не сломали ничего, просто оглушили. Но сотрясение – наверняка, кожу порвали, сдвинули с черепа – практически скальпировали. Он, придя в себя, добрался до больницы. Его не принимают без депозита 10 000 юаней. Вот пока семья и сотрудники не насобирали эти 10 000, он сидел на земле под деревом во дворе больницы (38 градусов, влажность 97 %). Ни кровь не остановили, ни боль не успокоили – ни-че-го не стали делать, вообще ничего, пальцем не прикоснулись, пока бабки не положили на бочку!!

Б. Свидетельства с мест типа: «А у нас в Одессе было с коровой...»

Коллега по Ротари-клубу, хозяин очень внушительного гостевого дома в Полокване, поехал в Джобург. При погрузке своей бурской туши в 150 кг в свой «баки» 4x4 на вечер-

ней автостоянке он подвергся нападению троих – «получил ломом по голове». Налётчикам не очень повезло – бывший регбист успешно отбился. Протирая глаза от заливающей их крови, он нашёл дорогу к частному госпиталю.

Люди его дохода не пользуются услугами государственных госпиталей: там их при регистрации зачисляют в группу высокоплатежеспособного населения и *деньгу* взимают по тарифам частного госпиталя, хотя обслуживают в общей очереди с каким-нибудь бездомным кафиром, и на том же качественном уровне – новая демократическая Южная Африка...

Короче, предстал мой друг в «кажулти» (приёмное отделение) с залитым кровью лицом, но без ID (Ай Ди – удостоверение личности) и карточки о медицинской страховке. Клерки приёмного отделения требуют 20 000 рандов (около 3000 долларов) депозита. Друг мой им: «Вот мои водительские права и моя кредитная карточка, вот мой автомобиль...»

Нееет, у них инструкция – только наличные.

Пошёл мужик в гневе обратно в машину, где в бардачке обнаружил своё ID, чем и спасся.

Лирическое отступление – всё хожу вокруг да около...

В конце моего профессионального опыта длиной в 40 лет, примерно поровну поделенных между онкологической и общей хирургией, я распределяю для себя всех вовлечённых в хирургическую магию медицинских профессионалов по следующей шутливой шкале.

Самые неумные-и-невежественные (но ООО-очень себя уважающие) хирурги – онкологические. Под флагом «радикализма операции» они порой позволяют себе настоящие хирургические вивисекции (довольно дорогостоящие!) на людях. Когда же страдания больных приходят к логическому завершению – сразу ли после операции или в первый год после неё – онкологи театрально разводят руками:

– Ах! Я сделал всё, что мог, но это РАК (!!!) – сами понимаете...

В диспутах они обычно пускают в ход аргументации типа: «Да у меня после таких операций – 20 % пятилетней выживаемости!»

Высшая степень бесстыдства! А что бывает с 80 % оперированных вами больных, коллега?

На голову выше стоят общие хирурги периферии, которых в России в давние времена называли земскими хирургами, а сегодня к ним приравнены «буш-хирурги» таких же недоразвитых стран. Этот хирургический народ почти ежедневно сталкивается с болезнями типа «мы-этого-в-институте-не-проходили» и в «некондиционных» условиях диагностики, с ограниченными возможностями послеоперационного ведения обязаны браться за лечение таких необычных больных.

У них больные мрут, безусловно, но пусть сердце воинственного обывателя успокоится: на бескрайних просторах нынешней России и в африканском буше обстоятельства таковы – или больного пробует спасти местный хирург... или никто.

Я ни черта не понимаю в анестезиологии, а потому анестезиологов ставлю выше хирургов всех мастей: анестезиологи владеют тайной, как довести человека до смертной черты и вернуть его обратно. Неудачи бывают, конечно, но это уже издержки производства, так сказать...

Выше всех соучастников коллективной бандитской работы с применением ножа стоят специалисты по интенсивной терапии – вот они-то творят настоящее священнодействие...

Ну, наконец, суть дела

Этого больного мне подарил Тхлелане – он уезжал на уикенд в Преторию и перенаправил ко мне звонок чёрного Джи Пи из Тцанина.

– Доктор ван Рындин, у меня «кэш-пациент»¹⁵ с разрывом кишечника после автомобильной аварии.

– Да-да, я слышал. Направляйте его прямо в «кажулти» частного госпиталя на моё имя. Привозят в 15:30 – через 2 часа.

Китаец, худенький, лет 25. Я ему скороговоркой необходимый ритуал:

– Хай! Хау а ю? Я доктор Рындин, хирург. Меня попросили вам помочь. Возражений нет?

– Спасибо большое... Ай-эм-файн... Ай-эм-файн (Со-мной-всё-в-порядке)...

Но я чувствую, что парнишка да-а-алеко не «файн».

Бросил взгляд на привезённую рентгенограмму: «серпы свободного газа под куполами диафрагмы» – этот воздух в животе может быть только из разорвавшегося полого органа (желудок, кишка).

– Где его сопровождающие?

– Оформляют госпитализацию.

– Хорошо... Пока он ещё в сознании, попросите его подписать согласие на операцию. Зовите лаборанта взять у него кровь на общий анализ, электролиты и мочевину с креатинином, на ВИЧ... Пусть закажут пару пакетов крови. Потом везите его в палату. Я иду вызывать анестезиолога и заказывать операционную.

Выяснилось, что операционная и анестезиолог будут к моим услугам только через 3 часа.

– ОК... Я подозреваю, что мне понадобится не меньше времени для реанимации больного.

Захожу в палату, где над больным колдует чёрно-белая стайка медсестёр.

– Доктор, я не могу определить артериальное давление!

С ужасом отмечаю, что у парню даже не поставили систему для внутривенного введения жидкостей.

Нет и катетера в мочевом пузыре...

– Приготовьте мне всё для установления центрального венозного катетера (введение катетера в самые крупные вены организма).

Мне представляется сопровождающая несчастного китайца сексапильная пышнотелая бурка:

– Хай, док! Меня зовут миссис Бошофф, я веду все дела китайцев, живущих в Лимпопо. Этот парень попал в автомобильную аварию вчера около трёх часов дня. Сразу после аварии его госпитализировали в государственный госпиталь в Тцанине, где доктор установил разрыв кишечника – китайское комьюнити тут же перевело его в частный госпиталь того же городка.

– Он подписал согласие на операцию? Нет? Пусть подписывает, пока в сознании.

Выясняется, что парень почти не понимает английского. Я по своему мобильнику осуществляю сеанс «телемедицины»: звоню невесте сына в Кейптаун и прошу её по-китайски объяснить больному необходимость операции.

– Доктор Рындин, он не хочет операции.

– Келли, скажи ему резко, что без операции он умрёт уже сегодня.

– ...Он согласен подписать.

Сестра суёт больному в руку ручку и бумагу для подписи.

– Докотела, я нет видеть ничего! Я нет видеть ничего!!!

– Господи, как же так запустить парня в частном госпитале! Он же в гиповолемическом шоке! Сестра, поставьте на форме согласия отпечаток его пальца вместо подписи! И узнайте, есть ли место в отделении интенсивной терапии (ICU), нужно переправить больного туда прямо сейчас – у вас нет возможности реанимировать такого сложного больного.

¹⁵ «Кэш-пациент» – больной без медицинской страховки, который в частном госпитале расплачивается за лечение наличными, чеком или кредитной карточкой.

Про себя добавляю: «Мы уже час возимся с ним – и на каждое моё требование: «CVP-set/скальпель/иглу-с-нейлоном/лигнокаин/etc», – вы бросаетесь то в аптеку, то в операционную...»

Для экономии времени быстро ставлю катетер в правую бедренную вену, куда начинаю лить струйно солевой раствор.

Сёстрам удалось «поймать» локтевые вены с обеих сторон. Наводняем бедного китайца.

По катетеру Фолея из мочевого пузыря отошло менее 50 мл мочи – это вполне ожидаемо.

Через полчаса у больного удалось определить давление – 60/40 мм рт. ст...

Из лаборатории приносят результат анализа крови: гемоглобин 20 г/дл, креатинин – свыше 3000 $\mu\text{mol/L}$ (мкмоль/л).

Бред какой-то – такие результаты, по-моему, только на трупе можно получить!

– Леди, приходите снова через полчаса и возьмите повторно кровь на те же тесты – таких результатов не может быть... потому что так не бывает!

После переливания первых двух литров солевых растворов китаец говорит мне:

– Тепеля я видеть хорошо!

После завершения введения в вену пятого литра жидкости артериальное давление поднялось до 90/50 мм рт. ст. – анестезиолог дал нам «добро!», и мы везём больного в операционную.

Но мочи не прибавилось ни капли – может, потом будет?...

Соображаю, что я не позаботился об ассистенте – в пятницу быстро найти кого-либо трудно. От отчаяния звоню профессору Маховскому, который тут же соглашается.

Открываем живот: дырка в верхнем отделе тонкой кишки и разлитой перитонит с массой фибринозных наложений – больше ничего. Ушиваю кишку двумя рядами швов – пусть надо мной смеётся израильско-юаро-американский профессор Моше Шайн. Перитонит больше химический, поэтому я щедро мою кишки водой – за что Моше меня просто бы с дерьмом смешал. Закрываю живот, горячо благодарю Андрю и отпускаю его домой.

Вся операция прошла при низком артериальном давлении – спасали только препараты, его повышающие.

Доктор Йонкер, анестезиолог, решает для длительной искусственной вентиляции лёгких переинтубировать больного – поставить ему в трахею трубку большего диаметра. В промежутке между двумя трубками в трахее китаец успевает несколько раз поблагодарить меня: – Thank you... thank you, doctor...

Вот это класс анестезии!

Далее пошли дни искусственной вентиляции лёгких, искусственного повышения артериального давления, тщетного ожидания мочи...

За больным ухаживаем втроём – я, анестезиолог доктор Йонкер и терапевт доктор Бюргер.

При таком коллективном ведении я настаиваю на том, чтобы вся медикаментозная и внутривенная терапия была в руках одного человека – терапевта.

С третьего дня начинаю надоедать анестезиологу:

– Доктор Йонкер, давайте наложим парню трахеостому – ему, похоже, ещё долго придётся болтаться на вентиляционном аппарате.

– Нет, нет – он будет ОК!

В тот же день звоню доктору Бюргеру:

– Питер, вы не думаете, что парню пора начать гемодиализ, подключение искусственной почки? У него ни грамма мочи, очень высокое содержание в крови мочевины и креатинина.

– Нет, нет – он будет ОК!

На рентгенограмме – явная жидкость в обеих плевральных полостях. Ставлю плевральные дренажи – жидкость прозрачна.

Ба-ааа-алин, я уважаю этих докторов и не смею настаивать, но через 2 дня один из них просит меня поставить в магистральную вену с широким просветом катетер для гемодиализа, а второй «созревает» для трахеостомии.

Спрашиваю обоих:

– Вы умные люди, господа, почему парень не улучшается??? Ведь мы его оперировали только через 24 часа после разрыва кишки???

– Септический шок... – многозначительно отвечает анестезиолог.

– Да там перитонит был химический – маловато для септического шока!

– Гиповолемический шок – длительная гипоксия тканей кишечника, почек... Цитокины... SIRS (Systemic Inflammatory Response Syndrome)...

– А-а-а-а... – идиотски мычу я и отхожу.

Падает количество тромбоцитов... ДВС...

Плохо всё это.

На день 8 терапевт мне звонит:

– Слушай, а мне его живот не нравится...

– Питер, парень отёчен, в обеих плевральных полостях жидкость, вот и в животе – жидкость.

Живот не хирургический, но есть у меня мысль об «абдоминальном компартмент-синдроме» – тесна брюшная полость для отёчных кишок и жидкости... Пожалуй, я открою завтра ему живот и увеличу объём абдоминального пространства вшиванием «мешка Багота» – пластиковой плёнки.

На следующий день рано утром звонит анестезиолог:

– Док, мне не нравится живот китайца. Вы не хотите сделать ему УЗИ?

– Ну, в общем-то я уже принял решение о релапаротомии – не думаю, что предоперационное УЗИ чем-нибудь поможет нам. Но я не возражаю...

Прихожу в ICU и застаю у койки моего больного мудрого рентгенолога Ван дер Мерве.

– Вы оперировали больного? – противным голосом спрашивает умник.

– У него разрыв мочевого пузыря. Вот, смотрите... – и Ян показывает мне картинку ультразвуковой компьютерной томограммы.

– Чёрт! – на экране так красиво видна стенка мочевого пузыря, а выше него – свободно лежащий в брюшной полости катетер Фолея.

– Спасибо... Но ведь мы с Маховским так тщательно все смотрели... так ожесточенно мыли живот... и катетер Фолея был уже тогда в мочевом пузыре... Как же мы могли пропустить такое???

– Бывает...

– Спасибо большое, доктор Ван дер Мерве! Теперь я понимаю, почему парню не становится лучше: у него в животе полно мочи. О, Господи!

Приглашаю принять участие в операции уролога Ричарда Монаре.

Захожу в операционную, из которой ещё не убрался ортопед ван Зейл.

– So, are you in a big trouble today? («Что, ты в большой жопе сегодня?») – улыбается ортопед.

Даже поведение сестёр кажется мне вызывающим...

Говорю Монаре:

– Ричард, не очень приятно, конечно, принять факт, что ты пропустил что-то во время операции, но теперь мы хоть понимаем причину плохого состояния больного.

Открываем живот – небольшое гнойное выделение из тканей передней брюшной стенки. Медленно раздвигаю слипшиеся кишки – в брюшной полости скоплений гноя нет, только два скопления прозрачной жидкости в тазу и в пространстве позади желудка. Брюшина над мочевым пузырём целехонькая, катетер Фолея прощупывается внутри мочевого пузыря:

– Смотри, Ричард, пузырь цел!

– Да, цел.

– А, может, там боковой разрыв... – ехидно вмешивается операционная сестра немецких корней.

Андрю Маховский говорит:

– Здесь нужно уметь лечить не только больных, но и всё окружение.

«Ну, мать вашу!» – думаю я.

– Ричард, открывай мочевой пузырь и осматривай его внутреннюю часть – чтобы за нашей спиной не было никаких недомолвок!

Ричард открывает пузырь – ни фиги!

Я заканчиваю операцию вшиванием в брюшную стенку «мешка Багота».

Мне показалось, что атмосфера во всём операционном блоке резко поменялась после релапаротомии.

У семьи и всего китайского комьюнити, к которому принадлежит мой китаец, нет больше денег на оплату пребывания парня в частном госпитале с чрезвычайно дорогой ICU, искусственной почкой, оплатой дорогих медикаментов и докторов – они просят меня перевести больного в государственный госпиталь.

Переводим... Спрашиваю у толкового кубинского терапевта о прогнозе моего китайца:

– Трудно сказать... Началось всё с острого тубулярного некроза – следствия длительной гиповолемии. Сейчас у него ещё и ARDS – отек лёгкого. Мы имеем дело с полиорганной недостаточностью. Шансов выбраться у него мало. Ему нужно 4–6 недель искусственной почки.

35. Pardon me if I do not choose any flag...

(Простите меня за то, что я не принимаю ничью сторону...)

На различных форумах Интернета прокатились дискуссии по вопросу войны Израиля с Ливаном. Один «френд» по ЖЖ пытается поддержать официальную агитку Израиля «Наши ребята умирают не только за нас, но и за вас!»

А у другого я нашёл стихи с такой строкой:

«I give no license to any body
to kill on my behalf»

(«Я не давал никому разрешения
убивать от моего имени».)

Вот так...

A song from a jewish arab (from Jorge Dexter an Uruguayan and Jewish singer)

*for any western wall a cry
in the golden jerusalem
and thousand lives wasted
for every commandment
I am dust from your wind
and although I bleed from your wound
and any beloved stone*

*keep my deepest love
there is no stone in the world
which worth a life
I am a jewish arab*

*who lives beetween christians
I do not know which god is mine
nor who my brothers are
there is no death that did not hurt me
there is no a winning side*

*there is no more than pain
and another life who is gone
the war is a terrible school
it does not matter which costume wear*

*Pardon me if I do not choose any flag
any illusion is worth more
than a piece of a sad cloth*

*and I give no license to any body
to kill on my behalf
a man is no more than a man
and if there is a god, he said that*

*the same soil I step on today
It will stay when I am gone
there is also no doctrine
which spares the oblivion
and there is no nation
which believes It is not the chosen one.*

-- Original Message --

From: Luis Taroco <lutaroco@...>

To: SURGINET@LISTSERV.UTORONTO.CA

Sent: Tuesday, August 1, 2006 8:10:18 PM

Subject: «MILONGA DE UN MORO JUDIO»— J.DREXLER

Hi all:

*May be some friends who speak and write english better than me, are interested
in translate this song of Jorge Drexler. He won a Oscar in 2005 (or 04?).*

I believe that this song reflect the feelings of the majority of us.

Regards. Luis

*‘MILONGA DE UN MORO JUDÍO
de Jorge Drexler, el uruguayo y judío cantautor.
Por cada muro un lamento
en Jerusalén la dorada
y mil vidas malgastadas
por cada mandamiento.
Yo soy polvo de tu viento
y aunque sangro de tu herida,
y cada piedra querida
guarda mi amor más profundo,
no hay una piedra en el mundo
que valga lo que una vida.*

*Yo soy un moro judío
que vive con los cristianos,
no sé que Dios es el mío*

ni cuales son mis hermanos.

*No hay muerto que no me duela,
no hay un bando ganador,
no hay nada más que dolor
y otra vida que se vuela.*

*La guerra es muy mala escuela
no importa el disfraz que viste,
perdonen que no me aliste
bajo ninguna bandera,
vale más cualquier quimera
que un trozo de tela triste.*

*Y a nadie le di permiso
para matar en mi nombre,
un hombre no es más que un hombre
y si hay Dios, así lo quiso.
El mismo suelo que piso
seguirá, yo me habré ido;*

*rumbo también del olvido
no hay doctrina que no vaya,
y no hay pueblo que no se haya
creído el pueblo elegido.*

Высылаю моей дочери: «Ань, вот тебе просимый тобой подстрочник. Это не точный перевод – там много *ляпсусов*. Просто интересно деду выставить на суд «друзей», а правильно ли я понял песенку?

MILONGA DE UN MORO JUDÍO

*de Jorge Drexler, el uruguayo y judío cantautor.
Por cada muro un lamento
Для каждой печали – стены
en Jerusalén la dorada
Златого Иерусалима
y mil vidas malgastadas
Для каждой души
por cada mandamiento.
Из тысяч загубленных жизней*

Yo soy polvo de tu viento

Я – просто пыль ваших дыханий,
y aunque sangro de tu herida,
Я – кровь ваших ран.

y cada piedra querida
И в каждом камне незабвенном
guarda mi amor más profundo,
Есть и моя глубокая любовь.
no hay una piedra en el mundo
Но никакие камни в мире
que valga lo que una vida.
С ценою жизни не сравнить.

Yo soy un moro judío
Я – еврейский араб
que vive con los cristianos,
И в стане христиан
no sé que Dios es el mío
Не знаю, который из богов – мой
ni cuales son mis hermanos.
И кто – мне братья.

No hay muerto que no me duela,
По мне, нет смерти, что меня не жжёт,
no hay un bando ganador,
По мне, нет торжествующих сторон.
no hay nada más que dolor
По мне, нет горя большего, чем боль
y otra vida que se vuela.
И чья-то жизнь улетевшая.

La guerra es muy mala escuela
Война есть большое паскудство
no importa el disfraz que viste,
И суть не в цвете твоего мундира.
perdonen que no me aliste
Простите, что не салютую
bajo ninguna bandera,
Я никакому флагу.
vale más cualquier quimera
Любая фантазия стоит больше,
que un trozo de tela triste.
Нежели печальный кусок тряпья.

Y a nadie le di permiso
И не давал я разрешенья
para matar en mi nombre,
Вершить убийство моим именем.

un hombre no es más que un hombre
Человек есть человек – и не более,
y si hay Dios, así lo quiso.
Это, сказано Богом, если он есть.

El mismo suelo que piso
Земля, на которую я пришёл,
seguirá, yo me habré ido;
Останется такой же, когда я уйду.

rumbo también del olvido
no hay doctrina que no vaya,
Как в мире не было учений,
Забвений смогших избежать,
y no hay pueblo que no se haya
creído el pueblo elegido.
Так в мире нет таких народов,
Которые Бог забыл избрать.

36. Сертификация Айболита: Нака И-бохлуку

Ну, короче, обескураженный обхождением в консульате моей Родины, сижу я сам себе под баобабом и успокаиваюсь глоточками мампура – самогона местного...

Проругивает мимо на «порше» знакомый Крокодил – я его бабке последнюю в её жизни операцию успешно сделал:

– Ты чего скукожился, Айболит?

– Да вот, от недостатку *решпекта* страдаю... Хотел прошение соотечественникам подать на продление российского паспорта, но только прокатал зря время и деньги до Претории... то есть пардон, до Шване – столицы вашей.

– Ха! – выхаркивает после «сипса» (глотка) мампура Крокодил, – Ваши дипломатические козлодуи в подметки американским дипломатам не годятся! Ты-то вот, небось, позвонил в русский консулат и получил бесплатный доступ для разговора с клерком, да? А для разговора с клерком американского сулата с меня потребовали сначала заплатить 85 рандов (около 12 долларов США)!

Проглотив полстакана мампура Крокодил добавил:

– Слушай, Дед, а зачем тебе русский паспорт – ты что, собираешься в Россию?

– Да, нет – меня там не надо... Но пусть будет – я всё-таки гражданин России. Без *решпекта*, но гражданин, а это, как нас учили, звучит гордо!

– Слушай, Дед, во сколько тебя ценит твоя Родина?

– В 70 долларов ежемесячной пенсии.

– А что ты имеешь здесь?

– Ну, скажем, в сто раз больше.

– Какого тебе рожна ещё нужно?

– *Решпект*... Выраженный на бумаге... – с глупым видом настаиваю я.

– Хорошо! Вот тебе бумажный *решпект*, – заключил Крокодил и выдал мне сертификат, удостоверяющий факт моего законного пребывания на Лимпопо.

Сертификат я обрамлю и повешу на стенку – всё-таки первый в истории законный Доктор Айболит на реке Лимпопо. А русский паспорт мне всё-таки нужен, ибо на языке соту «Доктор Айболит» будет звучать «Нака И-бохлуку» – есть в этом звучании что-то неприлично матерное. А мне хочется, чтобы мою могилу на местном кладбище украсил камень с русской надписью «Доктор Айболит».

37. Зимние цветы Мыса Доброй Надежды

Challenge Нет, яйц-кручение моих в консульате преторийского посольства моей любимой родины это, понимаете ли, вызов – Challenge, по-ихнему, который we shall overcome – преодолеем, то есть.

Меня это даже просто заинтриговало – за сколько поездок в Преторию я это дело за-overcome-лю?

Второй мой заход также оказался неудачным – опять не туда слово вписал, там запятую забыл...

Полный фильздипец, короче... Не выручил и взятый с собой флппик – в интернет-кафе мне не смогли вывести кириллицу на ки-борд.

А полюбившийся мне было консул даже не вышел с предложением:

– Дед, ты *чѐ* мучаешься? Давай помогу...

Так хочется грязно выругаться...

Но я даже и не сержусь на этого юного чудака из консулата – его для меня нет. Меня просто завело – а как я это преодолею?!

В следующий раз я привезу с собой не только лаптоп и принтер, но и шнур-удлинитель – попрошу дать мне подсоединиться к *ихней* электросети. Дадут?

Для сравнения: форма заявления на получение заграничного паспорта ЮАР состоит из шести строк. Вся процедура подачи аппликации с отпечатками наших пальчиков заняла не более получаса.

И все это за 20 долларов.

В российском консульате это стоит 650 рандов = 100 USA\$...

Мыс Доброй Надежды

Я прозевал своевременно рассказать про мыс Доброй Надежды зимой.

Теперь вот уже весна у нас в полном разгаре.

Ну, во-первых, моряки в старину отмечали в судовых журналах: «Обогнули мыс Доброй Надежды».

Я подозреваю, что они видели вот этот маяк, до которого мы с Татьяной за один рывок добраться не смогли – присесть пришлось...

Присели, а тут табличка: «Берегитесь хищников!» – бабуинов.

Хищники сурьёзные. От них нас охраняла стража, вооружённая до зубов – рогатками.

Тане не повезло – она попала в объятия своей бывшей ученицы из Полокване. Тесен мир...

Доползли до маяка... Думали, что мы тут – первые. Но фига-то! Как показали настенные росписи кириллицей, здесь и до нас были «Пети-Васи-Вани» из России... Из Москвы... Из Питера...

Ладно...

Мы вперили свой взор в горизонт: ведь это, скажем так, окончечность цивилизации – дальше Антарктида. Представляете?

Мне захотелось провести пару деньков в маленьком домике на самой оконечности мыса... Но там холодно ночью – дует, ба-ааа-алин!

Мы с женой сошлись на домике в не столь ветреной части полуострова...

Удивительно, но «глупый пингвин прячет тело жирное» не в утесах, а в кустах! Горький видал ли когда-нибудь пингвинов-то?

Из кустов пингвин вылез и по нашей просьбе пошёл прогуляться к морю-окияну.

Тут вот мы его и схватили... в кадр...

Он оказался довольно общительным парнем...

38. Об антисемитизме русских людей

Вот тут мне один русский человек прислал – более русского трудно сыскать...

Он мне прислал вирши своего любимого поэта.

Это так – к утверждению некоторых разбросанных по всяким дальним забугорьям братьев еврейцев: «Вся наша прошлая жизнь в России – сплошной кошмар!»

Не знаю глупей и юродивей,
чем чувство – его не назвать,
что лучше подохнуть на родине,
чем жить и по ней тосковать.

Везде одинаков Господень посев,
и врут нам о разнице наций
все люди – евреи, и просто не все
нашли пока смелость признаться.

Царь-колокол безгласный, поломатый,
Царь-пушка не стреляет, мать ети;
и ясно, что евреи виноваты,
осталось только летопись найти.

День дедушки

Если ближе присмотреться,
в самом хилом старикашке
упоённо бьётся сердце
и шевелятся замашки.

Живым дыханьем фразу грей,
и не гони в тираж халтуру;
сегодня только тот еврей,
кто теплит русскую культуру.

По поводу Губермана...

Я готов съездить в Израиль только ради того, чтобы на него посмотреть...

Замечательный в своей прямоте и честности человек, я думаю...

Мне десятую часть его таланта – я бы с такой же прямоотой рассказал о нашей профессии – открыто, без ложного пафоса, всё, что в ней хорошего и плохого, отместить напрочь всю туфту публикаций-диссертаций, профессорских-и-академических званий-погремушек...

Всё – перебираюсь на какой-нибудь край цивилизации!

Очаровательная Диана Теплякова, представляете, тут мне такой вот привет прислала:
«... Гуляла по «френдам своих френдов», и зацепилась взглядом за «Гариков». Посему,
просто хочу поздороваться с Вами!...»

Вот ведь повезло старому!

...Я хотел бы прожить много лет
и услышать в часы, когда пью,
что в стране, где давно меня нет,
кто-то строчку услышал мою...

Всё – перебираюсь на какой-нибудь край цивилизации!

Буду вой ветра запивать горячим пуншем и читать «Гарики» Губермана и других великих русских поэтов...

Самый уютный край цивилизации – мыс Доброй Надежды.

39. Я ещё дрыгаюсь

Никак не могу вернуться в прежний настрой состояния «повышенной писучести». Люди могут подумать, что я либо помер, либо впал в предшествующее смерти вегетативное состояние старости.

У местных африканцев есть очаровательная манера приветствовать давно не попадавшего им на глаза человека:

«Hi! Are you still alive?» – «Привет! Ты ещё живой?»

Зашибись, правда? Особенно, когда тут запросто можно сыграть в ящик не только по причине естественной надобности, но и с помощью бешеных средств передвижения или позарившегося на твой мобильник какого-нибудь чернокожего ребёночка... лет, этак, двадцати. Да, это здесь градация такая – все грабители-насилъники-убийцы до 21 года детьми называются!

Понятно, что в ответ на сожаление по поводу моей живучести мне хочется сказать какую-нибудь матерную любезность. Удерживает меня только знание продолжения упомянутого душещипательного приветствия: «Are you still kicking?» Не могу так сразу подобрать русского аналога... Это что-то типа: «Ты ещё дрыгаешься?»

Да, я ещё дрыгаюсь... И для этого мне непременно нужно общение с себе подобными, что в моих географических условиях означает – я должен читать русскоязычных собратьев и писать. А писать нужно завлекалки... Я не умею сочинять хохмы, любовно-детективные романы или сколько-нибудь приличные стихи: я кое-как насобачился не совсем скучно писать только о своей работе. Читателей не обманешь надуманными острыми ситуациями «из-жизни-хирурга»; не сработает тут и попытка воскрешения в памяти «был-у-меня-случай» – то, что не записано по горячим следам, прошло-пропало... Завлечь можно только приглашением к сопереживанию, эмоциональным представлением текущих событий – когда хлестнувший тебя по сердцу адреналин ещё с мочой не весь вышел. Вот и выходит, что я должен работать... если хочу жить своей жизнью. Ну, это уже банальность.

40. К этому нельзя привыкнуть

Общий хирург – профессионал, работающий на всём пространстве человеческого тела. Вот мне и пришло в голову представить мою работу «по органам и системам», то есть с головы до пят – где-то больше, где-то меньше. Про то, где я рассказал меньше, читатель найдёт в творениях другого хирурга. Доктора российские, да и не только российские, всегда отличались большой *писучестью*, а уж сейчас-то нашего брата по всему Интернету развелось великое множество.

В среде обывателей бытует мнение, что врачи привыкли к крови и безразличны к чужим страданиям и смерти своих больных. Это неправда – к этому нельзя привыкнуть. Это можно научиться скрывать – казаться хладнокровным и уметь держать себя в руках, но привыкнуть к этому нельзя.

«Пациент скорее мёртв, чем жив... Или он скорее жив, чем мёртв» – заключение консилиума, созданного по настоянию Мальвины для определения состояния выуженного из болота Буратино.

Среди экстренно поступающих в госпиталь больных с тяжёлыми травмами нередко встречаешь пациентов, чьё состояние двойственно: вроде бы больной ещё жив, а по прогнозу – практически уже мёртв, то есть что ты с ним ни делай, он умрёт в ближайшие часы-дни-недели. Так, может, их просто не лечить? – Ха! Не такой это простой вопрос...

Тут вот недавно видел по Би-Би-Си программу: женщина с травмой головы после многолетнего пребывания в так называемом «вегетативном состоянии»¹⁶ проснулась и ожила.

Ну, в такую жизнь не всякий захочет возвращаться, но тем не менее...

¹⁶ Это состояние называют «смертью головного мозга» при сохранении хорошего функционирования сердца, а иногда и дыхания. Обычно это молодые люди. После соответствующей процедуры констатации смерти головного мозга консилиумом врачей лечащий врач имеет законное право (иногда – с согласия родственников больных) на выключение аппарата искусственной вентиляции лёгких. И именно у этих больных (да, больных – трупами ведь их ещё не назовёшь) осуществляется законный забор органов (почки, сердце, печень и т. д.) для пересадки другим больным. Нередко при искусственной вентиляции лёгких, питании через носовой зонд и всяких других медицинских ухищрениях такие больные пребывают в вегетативном состоянии недели, месяцы, а то и годы, опустошая бюджеты семей и обогащая частный сектор медицины (государственные госпитали от такого рода больных просто рыдают – они занимают драгоценные места в отделениях реанимации, на прорву ценных медикаментов уходит значительная часть бюджета госпиталя).

41. Так значит – лечить? Конечно, лечить!

Просто хотелось бы знать – как и сколько. Место общего хирурга при ведении таких больных не столь велико – у него слишком мало специальных знаний и слишком много забот с другими больными. Считают, что положение спасает введение особой хирургической субспециальности – хирург-травматолог¹⁷.

Да, хирург-травматолог шире и лучше подготовлен по сравнению с общим хирургом, но и у него слишком много забот с другими больными. Среди значительного перечня остро возникших тяжёлых состояний с трудным прогнозом лечения особого внимания заслуживают больные в состоянии шока¹⁸.

Варианты шока зависят от его причин. Легче всего это понять на примере шока после травмы: много крови потеряно – всем органам не хватает. Чуть сложнее ситуация при шоке после ожогов: много жидкой части крови ушло в место ожога – оставшиеся компоненты не могут адекватно заполнить кровяное русло. Совсем трудно понимание ситуации при бактериальных гнойных состояниях – так называемом септическом шоке: все компоненты крови вроде бы налицо и объём крови достаточен, но нарушен механизм передачи кислорода и всего прочего из крови в ткани упомянутых органов.

Относительно стадий шока следует понять, что они бывают обратимые – сами по себе или в результате усилий врачей, и необратимые – когда даже в опытных руках умнейших докторов, при наличии самой современной техники больные погибают. Понятно, что медицина – не механическая инженерия, в ней не только чёрные и белые цвета, но и полутона – серые...

Вот в этой неясной серости и кроется большинство вопросов с противоречивыми ответами и невразумительными прогнозами учёных из различных экс-советских НИИ, которые можно называть по-солженицынски шарашками, и гуру-специалистов из забугорных супер-клиник, которые Моше Шайн, польско-израильско-швейцарско-американский профессор хирургии юаровской выучки, называет «слоновой кости башнями». Эта серость и составляет наибольшую головную боль врачей первой линии, среди которых работаю и я – буш-хирург.

В большинстве случаев определить состояние шока у поступившего больного не составляет труда – у них, как правило, резко падает артериальное давление (при септическом шоке оно может быть нормальным), пульс или очень частый, или очень редкий, не выделяется моча. Однако у меня бывали пациенты, когда я приходил к пониманию происходящего только через час-два, а то и вообще только с подсказки коллег. Сколько раз в этих ситуациях я вспоминал высказывание моего Тхлелане: «Не верь никому, особенно самому себе – будь готов поменять собственное заключение в любой момент».

Пожалуй, самым трудным в лечении шока является определение его стадии, а отсюда – и способа лечения. Применительно к хирургической причине возникновения шока нужно срочно решить архисложный вопрос: можно ли прямо сейчас взять больного в операционную для устранения причины шока – остановки кровотечения или ликвидации гнойного очага? Если у больного артериальное давление крайне низкое, содержание гемоглобина крови очень

¹⁷ В прошлом мы в России так неверно называли хирургов-ортопедов. Во всём мире идеальный хирург-травматолог – хирург-многостаночник, специалист по комбинированной травме, умеющий не только диагностировать одновременное поражение головы-костей-внутригрудных-внутрибрюшных органов, но и подготовить больного к операции, оперировать и, наконец, выходить...

¹⁸ Даже среди медицинского люда нет единства в определении шока, различных его вариантов и стадий развития. Однако для добрых обывателей и студентов-медиков достаточно принять на веру, что шок – это состояние неадекватного кровоснабжения важнейших органов (с кровью клеткам доставляется кислород, глюкоза и всякие другие необходимые для их жизни и работы вещества).

малое и, напротив, очень много в крови калия, мочевины и креатинина (показатели плохой работы почек), то наиболее вероятный ответ анестезиолога: «НЕТ! Сначала *ресусцитируйте!* реанимируйте (воскрешайте!) больного!»

Ха! Легко сказать: воскрешайте! – Чем? Как?? Сколько времени???

Я опросил коллег хирургов. На вопрос «Чем и как??» многие пожимали плечами – внутривенное введение крови и жидкостей... Не очень много, но хоть что-то. Хуже с вопросом: «Сколько времени???

Примерно года два назад на такой же вопрос Джеймс Томсон, юаровской выучки хирург с острова Тасмания, ответил: «Пока не пойдёт моча».

Очень хороший ответ! Я бы за него любому студенту пятерку на экзаменах поставил. Самый глупый ответ: «Пока не нормализуются упомянутые показатели артериального давления и крови».

А если они не нормализуются? Не оперировать?? Дать больному просто помереть?? Это «хирургу-от-Бога» разрешается сказать: «Неоперабельный!»

А если этот «от Бога» сегодня с хорошим пищеварением и при полном сексуальном удовлетворении, он может в тыковке почесать и сказать: «Рискнем!»

«От Бога» – он бабки взял, подготовленного ему верным рабом-анестезиологом больного прооперировал и умотал, а все другие рабы должны больного выхаживать...

Выжил больной – Слава академику!

Помер больной – ну, тут и сам Великий академик не помог, значит, не судьба...

Мои коллеги по африканскому бушу и русской равнине – не боги, они просто *пашут* свой тяжёлый хлеб 24 часа в сутки. Если у них больной выжил – всё так и должно быть... А помер – ну, гляди теперь, лепило!

В приличном цивилизованном (читай богатом) обществе лечение больных с шоком – дело команды правильно обученных врачей (по моему мнению, туда должны входить хирург-травматолог, анестезиолог, специалист по интенсивной терапии), оснащённых самым современным оборудованием и всеми необходимыми лекарствами. В очень приличных и ооо-о-чень цивилизованных (читай очень богатых) обществах такие команды врачей есть как в государственных, так и в частных госпиталях.

В единственном приличном частном госпитале нашей провинции (есть и другие небольшие частные госпитали, но они уж очень неприличные) такой команды врачей нет. С какой-то натяжкой для подобной деятельности можно было бы набрать две группы из трёх человек – это хоть как-то улучшило бы ситуацию. Однако дальше моих предложений дело не пошло – шкурнические финансовые интересы подавляют каждую живую мысль вокруг. О ситуации в государственных госпиталях провинции – просто меня и не спрашивайте...

В этом году у меня было несколько чрезвычайно тяжёлых больных с различными видами шока. И хотя формально я со своей стороны сделал всё, на что был способен (помимо оперирования, я вовлёк с первых минут лучшие мозги частной медицины Лимпоповщины), некоторые больные погибли. Такие тяжёлые больные бывали у меня и раньше, и погибали они раньше, несмотря на все мои старания – но это было в государственных госпиталях. Особенность моих теперешних переживаний за упомянутых больных заключается только в том, что теперь я – частный хирург, избранный случаем или близкими моих больных.

В государственном госпитале лечение даже критических больных обезличено. Прозвенел звонок, и лечащий врач ушёл домой, во внерабочее время судьба его больного находится в руках другого врача: лучшего, хорошего, плохого или совсем плохого – это уж как повезёт. В частной практике я открыт для вызова к своему больному 24 часа в сутки, без выходных, больничных или отпускных...

В государственном госпитале России смерть больного, оперированного даже за приличную взятку каким-нибудь хирургом-от-Бога, – это обезличенная смерть на счету какой-нибудь шарашки имени Грушевского, Ивановского, Клопина.

В частной практике хирурга маленького города смерть больного – смерть у такого-то хирурга. В моём варианте на Лимпоповщине это будет звучать так: «Этот русский врач Рындин опять зарезал бедного мистера Мпахлеле!»

По наблюдениям Андрея Маховского, такого рода слухи держатся в памяти города и отражаются на практике (читай доходах) пострадавшего хирурга около полугода. Потом, как утверждает Маховский, всё становится на свои места.

В поисках ответа на мучавший меня вопрос «А всё ли я сделал правильно?» я обращался не только к имеющимся в наличии местным хирургам, белым-чёрным-и-славянам, но и в международный и русскоязычный Суржинеты. Камней в меня никто не бросал, но и советов вразумительных не дали... Нередко комментарий выглядел примерно так: «Не наше (читай не хирургическое, то есть не царское) это дело. Это должны реаниматологи решать».

Обратился со своими вопросами-рыданиями к виртуальной аудитории интернет-форума анестезиологов. Ну, анестезиологи и хирурги всегда жили чуть-чуть лучше, чем кошки с собаками, но такого тупого преднамеренного «моя-не-понимай-чего-тут-твоя-говорит» я, честно говоря, не ожидал. Один мой соотечественник, обретающийся ныне где-то в Австралии, договорился до следующего: «Конечно, если ваши мастера не умеют различить положение мочевого катетера, то больному, скорее всего, не повезёт... так и получилось».

С катетером в мочевом пузыре диагностическая промашка произошла у рентгенологов – так причём здесь рентгенологи, мать вашу???

Этот образец русской логики можно занести в учебники под названием «История анестезиолого-хирургических отношений XXI века».

Максимум, что я от общения со столь «высоконаучной» аудиторией поимел, так это ссылки на программы для «Palm» или карманного компьютера – вот туда закладывай параметры больного и получишь руководство к действию...

Я обожаю компьютерные игры, а с темой «поиск оптимального решения» знаком с 1985 года. Однако после обсуждения с коллегами в африканском буше и на русской равнине выяснилось, что никто из них этими методами не пользуется – нет карманных компьютеров, нет программ, нет требуемого набора данных о больном для занесения в компьютер, нет времени на эти игрища...

Наибольшее впечатление на меня произвёл рассказ о том, как Президент АМН РФ М. Давыдов полетел на Кавказ оперировать больного с травмой грудной клетки в компании со специалистом по интенсивной терапии и реаниматологии Владимиром Львовичем Кассилем.

Факт ввязывания хирурга-онколога, пусть даже и торакального, в лечение больного с политравмой не столь интересен...

Интересен ответ Кассиля на вопрос «До каких пор больному лить в вену жидкости?» – «Пока не пойдёт моча... щелочная моча!»

Таким образом, на сегодня лучшим ответом на вопрос о предоперационной подготовке больных с шоком являются ответы Джеймса Томсона (Тасмания) и Владимира Кассиля (Швамбрания).

42. Весна-осень... Весна-осень...

Весна у нас в полном разгаре. Весь город вдруг наполнился удушающим запахом местной сирени – цветы этих огромных деревьев уступают красотой и ароматом российской сирени.

Ну, джакаранда, разумеется...

Перед восходом солнца соловьинообразные аборигены поднимают меня с постели.

Жалуюсь жене:

– Птицы – это хорошо, но вот в полночь какая-то негритянка притулилась у нашего забора со своим орущим ребёнком!

Жена со смехом:

– Это были кошки!

Пару дней назад по небу погрохотало, но настоящего «первого» дождя так и не прошло – так, что-то чуток покапало. Но этого оказалось достаточно для пробуждения лягушек – всю ночь они задавали концерт. Я не стал посылать проклятия на их головы – похоже, что это единственный лягушачий концерт в году.

43. Воскресные чтения (Bible study) для врачей:

Controversy in surgery... и хирургической жизни вообще

Хирурги ЮАР ежегодно проводят конференцию под названием «CONTROVERSY IN SURGERY» – «Противоречия в хирургии».

Тут и само название интригующе звучит, и конференция протекает интересно – в атмосфере, исключающей существование «хирургов-от-Бога», для которых, якобы, уже нет в профессии «белых пятен».

Поскольку у всех человекoв самопризнание собственной «божественности» в профессии очень быстро распространяется на все стороны жизни, то «хирурги-от-Бога» также очень быстро становятся ненавидимы всеми своими коллегами.

Стучать или перестукиваться

С одной стороны

С концом апартеида в ЮАР к высшим постам государственной власти в стране пришли участники подпольной вооружённой борьбы, многие из них с солидным тюремным стажем; последнее обстоятельство определило отмену смертной казни в стране и кое-какие улучшения в тюремном режиме. Казалось бы, что самой школой жизни в борьбе у нынешних правителей страны должно выработаться отрицательное отношение к доносительству.

С другой стороны...

Сибирский профессор Миша Пупышев, побывав на нынешнего года конференции CONTROVERSY IN SURGERY, привёз мне ошеломившую его новость:

– Эти юаровцы совсем обалдели – Медицинский Совет страны постановил, что анонимное стукачество на коллегу не только поощрительно, но даже является обязательным для каждого медицинского работника страны! Во, ба-ааа-алин!

Для русского интеллигента, родившегося, по воле «отца народов», на берегах Оби, такая установка медицинских властей просто непереварима.

В России, с её тяжёлым опытом политики доносительства периода создания «человека будущего», не место ни анонимному доносительству, ни явному.

Не так давно на волнах виртуальной конференции российских хирургов «Russian Surginet» обсуждался вопрос: «Положим, вы оперируете больного, ранее оперированного другим хирургом, и обнаруживаете в его животе забытую коллегой салфетку. Следует ли о вашей находке сообщить больному?»

Большинство российских хирургов горячо осудили редкие голоса в пользу ответа: «Конечно!». Мои соотечественники приводили примеры из жизни великих русских хирургов, которые в упомянутой ситуации прибегали к различным способам утаивания находки.

Однако именно в недрах российской общественности упомянутых времён родилась мудрость: «Лучше стучать, чем перестукиваться».

В этой связи, на мой взгляд, утаить обнаруженную в животе забытую кем-то салфетку просто невозможно, с учётом того, что в операции участвуют – и смотрят хирургу в руки – как минимум, ещё три человека – ассистент, операционная сестра и анестезиолог.

Резать или не резать???

«Мастерство хирурга – в умении избежать ненужной операции».
Автор не известен (мне, во всяком случае)

Аппендицит

С одной стороны, наипростейшая хирургическая болезнь – с удаления червеобразного отростка (аппендикса) начинались почти все хирурги, как ставшие ещё в молодости великими, так и оставшиеся до старости мелкими. С другой стороны, осложнения запущенных форм этой болезни лишают сна многих «проколовшихся» работников операционного стола.

Последнее обстоятельство в старые времена породило мнение: «За удаление «голубого» аппендикса – то есть неизменённого (его в моей молодости называли «нихирит») – никто не осудит, а вот за пропуск лопнувшего аппендикса шкуру спустят. Поэтому лучше удалить десять «нихиритов», чем пропустить один осложнённый аппендицит».

При такой тактике, опять же в начале моей хирургической карьеры, невинные отростки обнаруживали у каждого четвёртого оперированного по поводу болей в правом боку больного¹⁹. Тогда это всех устраивало.

Различные аспекты темы «аппендицит» рано или поздно всплывают в любом хирургическом болтливом сообществе.

Если решили оперировать пациента, то каким путём открывать живот?

¹⁹ Мои воспоминания подтверждает и другой член Русского Суржинета: «... во времена нашей молодости нас засовывали в операционную, а сверху «набрасывали» советских трудящихся с болями в правой подвздошной области в количестве до 10–12. Из них аппендицитов было два-три».

С появлением ультразвуковой и рентгеновской компьютерной томографии (УЗИ и КТ) развернулись горячие дискуссии на тему диагностической ценности этих методов при аппендиците. Оба упомянутых метода хороши. Метод УЗИ дёшев, но очень зависим от уровня квалификации диагноста. Метод КТ очень дорог – дороже стоимости работы хирурга вместе с ассистентом и анестезиологом. Не уверен точно, но, по-моему, цена КТ превысит и стоимость пользования операционной. При таком раскладе, я лично предпочёл 143 бы просто операцию; тем более что ни УЗИ, ни КТ не гарантируют от «ложноположительных» и «ложноотрицательных» заключений.

На волнах Русского Суржинета высказано «глубокое подозрение, что «нихириты» превалируют там, где есть шаловливые хирургические ручонки». Кто-то даже поправил: «Нет, не шаловливые, а «загребушие».

Не думаю... Дело не в деньгах. В моей практике частного хирурга маленького городка каждый «нихирит» врача-иностранца прошёптывается в комьюнити местных врачей-сестёр-больных – это обернётся экономической невыгодой.

Раньше мы преждевременно брали больных на стол по причине нежелания-невозможности наблюдать за больным – с ним нужно было решить за время твоего дежурства, а его для наблюдения было явно недостаточно.

Сейчас мы становимся VOMIT'ами (Victims Of Modern Imaging Technology – Жертвами Современной Визуализирующих Технологий) – подменяем собственное клиническое суждение заключениями рентгенологов-диагностов. При неудовлетворительной работе последних частота напрасно открытых животов увеличивается.

Резать или не резать больного со СПИДом?

Да, ВИЧ/СПИД – это не просто вызов медицине, вынуждающий к пересмотру всех наших теоретических знаний, переоценке всего нашего опыта. При практическом контакте с больными ВИЧ-инфекцией/СПИДом сталкиваешься с кучей противоречий.

Одно из противоречий заложено не медиками, а политиками. Кто-то из них вякнул:

«Инфицирование ВИЧ – это не болезнь. ВИЧ-инфицированных людей нужно лечить так же, как и ВИЧ-неинфицированных!»

Глупость несусветная, происходящая из грамматической ошибки.

Да, ВИЧ-инфицированные люди нуждаются в медицинской помощи так же, как и ВИЧ-неинфицированные. Но к диагностике заболеваний у ВИЧ-инфицированных людей нужно подходить по-другому, лечить их нужно по-другому.

Туберкулёз при СПИДе

Конечно, научная ценность моих наблюдений относится, по шутильной шкале членов Русского Суржинета, к 12-му уровню достоверности: «Мой опыт (в количестве 1–2–3–4–5) показывает...», но опыт одного хирурга + опыт ещё одного хирурга уже будет опытом двух... Ну, и т. д. Когда дойдем до третьего десятка, люди начнут задумываться. Так было всегда. В эпоху Интернета накопление и обобщение коллективного опыта идёт быстрее.

Туберкулёзный лимфаденит (воспаление лимфатических узлов) каждый хирург запомнит с первого случая – при разрезе такого лимфатического узла видна казеозная (творожистого типа) масса.

В тюрьме ко мне на приём пришёл ВИЧ-позитивный парень с подмышечным узлом величиной с кулак.

«Обусловленная ВИЧем лимфома (злокачественная опухоль лимфатической ткани)», – решил я.

Иссекаю узел и вскрываю его: «рыбье мясо» – типичный для злокачественных опухолей вид ткани.

Через неделю приходит результат гистологического исследования: «Туберкулёзный лимфаденит».

Панкреатит при СПИДе

Какое-то время в среде не шибко грамотных врачей бытовало мнение (навешанное высказываниями политиков, возможно?), что сам ВИЧ не вызывает морфологических изменений в тканях.

Ну, ещё как-то смирились эти доктора с тем, что ВИЧ может вызывать увеличение околушных слюнных желёз. Поражать лицевой нерв – с перекосом лица.

Дальше пошло-поехало... Описаны случаи ВИЧ-обусловленного менингита.

Боли в животе, не требующие операции

Я не ас хирургии поджелудочной железы и у простых-то алкоголиков, а тут попала на глаза литература о ВИЧ-обусловленном панкреатите – ещё не легче!

И, наконец, свершилось, что называется: в этом месяце дважды пришлось оперировать больных с тяжёлыми формами такого панкреатита.

Большого понимания происходящего ко мне с этим опытом не пришло, но какой-то прогресс всё же наметился. Желаящим меня осудить присылаю персональное приглашение сделать эту работу за меня – никто из местных хирургов особого рвения не проявил.

Звонят из тюрьмы:

– Доктор Рындин, это доктор Рамбуда. Слушай, у нас тут сложность – ВИЧ-позитивный больной с кишечной непроходимостью. Артериальное давление низкое.

У меня «внутренний голос» сработал:

– Слушай, доктор Рамбуда, а он в сознании?

– Не очень...

– Ну, если он живым доедет, то давай его в Манквенг-госпиталь – я подъеду немедленно. Мне звонят из Манквенга через 2 часа.

Приезжаю. Больной страшно запущен: жестокое обезвоживание, и ни одной *внутривенной линии*. На сгущение крови указывает высокая концентрация гемоглобина – 18,0 г/дл.

Отсутствие мочи + высокая концентрация мочевины и креатинина в крови – это раннее осложнение панкреатита. Больной не контактен.

Ставлю ему катетер в подключичную вену и передаю под опеку тётки-анестезиолога для реанимации:

– Доктор Нчия, на эту ночь вы – специалист по интенсивной терапии, так я вас и запишу в счёт за лечение больного, и так я вам буду платить прямо завтра. Ваша задача – довести больного до операбельной кондиции.

Утром больной лишь чуть-чуть стал лучше, но живот надут горой.

Сознание его на уровне идиотии. Разговариваю с другим анестезиологом:

– Саймон, по моему глупому разумению, больной не очень-то выходит из стадии септического шока, связанного, скорее всего, с панкреонекрозом. Как ты думаешь, он перенесёт операцию?

Саймон:

– Я дам наркоз, а ты думай.

Звоню в тюрьму доктору Рамбуде:

– Енок, если больного не оперировать, он точно умрёт – не сегодня, так завтра. Если я его прооперирую, он тоже, скорее всего, помрёт. Но, может, и выживет. Я чего боюсь-то: а если там первичным является аппендицит разорванный какой-нибудь? Доложи своему тюремному начальству мои мысли, а потом звони мне.

Начальство быстро-быстро дало добро на операцию.

Чёрт, всё это похоже на приглашение сделать прижизненную аутопсию.

Какова была цель задуманного мною хирургического вмешательства?

На спасение больного у меня особых надежд не было. Я действительно боялся, что там может оказаться нечто, чего я не предполагал – такое в нашем хирургическом деле бывает сплошь и рядом.

Каков был мой план операции при условии, что у больного действительно некротический панкреатит?

У меня была программа-минимум. Поскольку панкреатогенный перитонит – это химический ожог брюшной полости, то следует, по моим представлениям, отмыть живот, наладить его постоянное промывание после операции с отведением жидкости из брюшной полости.

Начинаю операцию с небольшого разреза: полный живот жидкости, по цвету и консистенции напоминающей молочный кисель. Первая мысль о туберкулёзном лимфадените с истечением лимфы в живот.

(При перечитывании настоящего текста обратился за консультацией к книге под редакцией Moshe Schein, Paul N. Rogers «Schein's Common Sense Emergency Abdominal Surgery» – Second Edition – Springer – 18 Acute Pancreatitis. Там я открыл, что мой «молочный кисель» назван авторами porridge'м – овсяной кашей²⁰.)

²⁰ Интересно, что в желании наиболее наглядно описать самые гнилые и вонючие жидкости человеческого тела, учёные-медики дают им кулинарно-гастрономические названия: кровавый понос – малиновое желе, амёбный гной печени – анчоусная паста, кровавая рвота – кофейная гуща и т. д.

Расширяю разрез: огромные участки жирового некроза на серозном покрове (брюшине) кишечника, брюшине кишечной брыжейки и сальника, геморрагический выпот во всём забрюшинном пространстве...

Не совсем понятна причина чрезмерного раздутия слепой и восходящего отдела толстой кишки... Ага – вот она, эта причина: брыжейка поперечной ободочной кишки воспалительно инфильтрирована, этот инфильтрат распространяется на саму кишку, вызывая её функциональную непроходимость. С подобными изменениями толстой кишки я давным-давно встречался в Анголе при фульминантном амёбном колите: забыл мудрёное название такой неперистальтирующей толстой кишки – что-то типа «водосточной трубы»...

Прохожу в загастральное пространство для осмотра поджелудочной железы: тут тоже подсерозный геморрагический инфильтрат + участки жирового некроза. Это панкреонекроз или ещё нет? Вскрываю капсулу железы – потекло кроваво-молочное желе. Я не решаюсь очищать ложе поджелудочной железы – сизифов труд с опасностью получить нескончаемое, до смерти, кровотечение. Пусть научная публика меня осудит, но я говорю анестезиологу Саймону и ассистенту Рафаэлю:

– Ребята, наша ближайшая задача – снять больного со стола живым.

Отмываю живот, а потом ставлю плоский мягкий дренаж в месиво поджелудочной железы и рядом – такой же мягкий катетер для послеоперационного орошения зоны некроза.

Быстро-быстро формирую цекостому – без этого мне просто не закрыть живот. Закрываем. Больной прожил всего 8 часов после операции.

Закон парности клинических наблюдений

Да, есть такой закон: если ты имел один дерьмовый случай, будь готов подмыться и для другого.

Миссис Масаба мне подсунули с диагнозом «опухоль в эпигастральной области».

В её толстом брюхе пальпаторно не очень-то разберёшь детали этой «опухоли»...

Важно, что болезненность определялась только в эпигастральной области, во всех остальных отделах «живот-мягкий-и-безболезненный».

Больна 5 дней.

Только один раз – в первый день болезни – была рвота.

Со стулом всё в порядке.

Тетка ест нормально – с её слов.

Температура тела нормальная.

Количество лейкоцитов в крови нормальное.

Только вот высокое содержание мочевины (15 ммоль/л) и креатинина крови [230 $\mu\text{mol/L}$ (мкмоль/л)]. Я расценил это как проявление острой почечной недостаточности, а терапевт позже говорил, что это у неё от обезвоженности.

Решаю начать с эндоскопий. Уже одно только очищение толстой кишки для колоноскопии приносит больной облегчение. Меня это радует.

Гастроскопия – всё в норме. Колоноскопия – норма.

УЗИ живота – только утолщённые стенки жёлчного пузыря, но камней не видно. Жидкость в брюшной полости.

Холецистит? – Я читал про бескаменные холециститы у СПИДушников. Панкреит??? – Но ведь нет ни повышения температуры тела, ни лейкоцитоза. Нет рвоты. Ест, как сама утверждает. Активность ни амилазы, ни липазы крови не увеличена.

Советуюсь с местным гинекологом:

– Доктор Малюлеке, вы мне не поможете получить перитонеальную жидкость пункцией заднего свода влагалища? Я сам не решаюсь пунктировать её толстый живот при раздутом кишечнике.

– Доктор Рындин, пункция свода влагалища – это из тёмного средневековья. Сейчас этого уже никто не делает... – получаю точку зрения юаровских гинекологов, с которой меня ознакомил не так давно член нашего лимпоповского русскоговорящего комьюнити доцент из Ужгорода Игорь Розумик.

– Ну, и хрен с вами! – думаю я, сам пунктирую живот и получаю серо-кровянистую жидкость; при цитологическом исследовании которой – элементы воспаления, а при биохимии – амилаза и липаза в норме.

Больную лечим вместе с терапевтом, который мне её направил. Что же мы лечим???

На снимке грудной клетки – плевральная жидкость справа (при панкреатитах эта жидкость чаще определяется слева).

Ставлю катетер и направляю жидкость в лабораторию: только элементы воспаления, амилаза и липаза в норме.

Делаем КТ живота без контраста: не очень информативно – то же утолщение стенки жёлчного пузыря. Давать контраст не решаемся: по заверению уважаемого мною доктора Янаша – можно посадить почки. Через три дня чуть снижается концентрация мочевины крови и вдвое – креатинина. Решаемся повторить КТ с рентгеноконтрастом: заключение – явная картина панкреатита с флегмонозными изменениями вокруг + правосторонний плеврит.

Мне становится чуть легче, но не очень – типичный панкреатит, прямо скажем: ни острых болей, ни рвоты, ни лейкоцитоза, ни повышенной температуры тела, нормальные показатели амилазы-липазы...

Но, в общем, больная плохее как-то...

По совету старика Кронье, делаю тест на ВИЧ-инфицированность. Все тесты положительны – есть, зараза!

Говорю терапевту:

– Слушай, Френсис, на этой стадии больная не хирургическая. Я тебе ничем не могу помочь – ты грамотнее по этой части. Лечи её панкреатит чем-нибудь: антибиотики – для профилактики бактериального некроза, говорят, соматостатин помогает – не знаю... Я не знаю, чем можно лечить вирусный панкреатит. Да ещё при такой природе вируса. Я смотрел литературу по Интернету – там мало радостного. Нужно бы поместить её в отделение интенсивной терапии, проводить адекватное замещение теряемой ею в животе и плевральной полости жидкости.

Через два дня больная даёт свечку температуры до 38,5, количество лейкоцитов вырастает до 17 тыс ($17 \times 10^9/\text{л}$).

Ндааа-а-а... Тут уже, похоже, мы имеем дело с микробным гнойным осложнением в течении вирусного панкреатита.

Говорю с родственниками:

– Она, по-моему, умирает. Во всяком случае, без операции умрёт точно. Если я её оперирую, то она, скорее всего, умрёт, но, может быть, и выживет. Решайте.

Для себя я решил не трогать её.

Через пару часов звонит заменивший доктора Френсиса доктор Омар:

– Доктор Рындин, я считаю, что у больной не панкреатит, а что-то другое. Её нужно оперировать.

Вот ведь жопа, а?!

– Хорошо, доктор Омар. Я поговорю с анестезиологом. Если он согласится дать наркоз, я её открою.

Dr. Jamil Omar

Доктор Смит с напускной серьёзностью высказывает мне:

– Доктор Рындин, мы с доктором Омаром считаем, что у больной не панкреатит, а что-то другое. Я дам ей наркоз.

Думаю себе: «Ну, черти! Загнали в угол, что называется. Теперь, если больная померёт без операции, – будет шёпот про то, как этот-глупый-русский-хирург не послушался умных юаровских докторов и уморил больную. А если она померёт, тут тоже шёпот будет... Всё не в мою пользу».

– Хорошо, доктор Смит, по крайней мере, мы будем знать диагноз. Но я помещу больную в отделение интенсивной терапии, а вы её после операции, пожалуйста, не экстубируйте – пусть она побудет на аппарате искусственной вентиляции лёгких до утра.

– Доктор Рындин, мы не любим инфицировать вентиляционные аппараты больными с ВИЧ-инфекцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.